

история/география/этнография

Арабы и Халифат

Исаак Фильштинский

Арабы и Халифат

Исаак Фильштинский

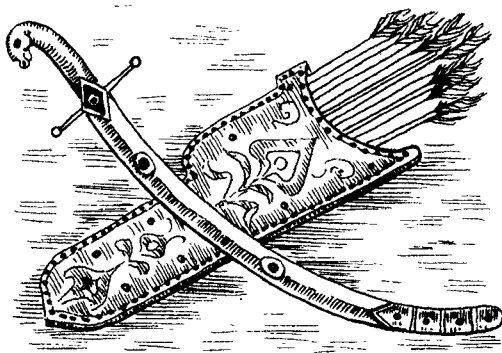

Ломоносовъ

Исаак Фильштинский

Арабы и Халифат

Издательство «Помоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(620).02
ББК 63.3(0)4
Ф57

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Четырехсотлетний период, начиная со второй половины VIII и до начала XIII века, был наиболее плодотворным в истории средневековой арабомусульманской культуры. Именно в эти века процесс арабизации центральных областей Халифата — Сирии, Ирака и частично Египта в основном завершился, и само понятие «арабы» изменило свое содержание. Жители значительной части покоренных аравийскими кочевниками провинций, ассимилировав завоевателей, восприняв их язык, «становятся» арабами и начинают принимать все более активное участие в созидании арабо-мусульманской культуры, обогащая ее за счет традиций, унаследованных ими от их древних предков. Усвоив и переработав многое из духовного наследия народов Средиземноморья и древних цивилизаций Востока (в первую очередь традиции Античности и сасанидского Ирана), арабы не только

включили их достижения в свою культуру, но и познакомили с ними страны Запада и тем самым внесли свою лепту в культурный подъем Европы эпохи Возрождения.

В ходе арабских завоеваний и в последующие столетия язык пришельцев-аравитян постепенно обретает универсальную культурную функцию. Населявшие провинции Халифата народы независимо от того, восприняли они ислам или сохранили свои древнейшие верования, начинают пользоваться арабским языком в своем научном, религиозно-философском и литературном творчестве подобно тому, как пользовались латынью ученые, теологи и просто образованные люди средневековой Европы, что в значительной степени обусловило расцвет арабо-мусульманской культуры, в особенности словесного искусства соответствующих столетий.

Несмотря на существенные различия в уровне общественной жизни, местных национальных традициях и исторической судьбе, в результате длительного и сложного процесса взаимовлияния, а в конечном итоге и синтеза культур втянутых в орбиту ислама народов, создается единая общемусульманская культура, определившая на многие века мировоззрение, жизненный уклад, нравственные нормы этих народов, их идеалы, психологию, общественные учреждения и модель поведения.

Расцвет арабской средневековой культуры совпал по времени с радикальными политическими изменениями в арабо-мусульманском средневековом государстве. Внешне это выглядело как смена господствующей династии. Правящая на протяжении почти столетия династия Омейядов была свергнута, и к власти пришла новая династия Аббасидов, потомков аль-Аббаса, дяди пророка Мухаммеда.

Огромное арабо-мусульманское государство, в котором верховная власть принадлежала халифам из династии Аббасидов, просуществовало около пятисот лет, с 750 по 1258 год, когда его столица Багдад была захвачена монголами и полностью разрушена. По названию своей столицы государство Аббасидов получило также наименование «Багдадский Халифат».

Переход власти в Халифате от Омейядов к Аббасидам нельзя рассматривать как простую смену правящей династии. Не

случайно некоторые исследователи как на арабском Востоке, так и в Европе склонны именовать это событие «Аббасидской революцией». Это был коренной поворот в истории общему-сульманского государства, совершившийся в результате радикальных перемен в соотношении социальных и национальных сил в быстро развивавшемся обществе.

Еще в недрах Омейядского Халифата создавались эти новые соотношения, которые привели к гибели старую династию и определили характер возникавшего нового Аббасидского государства. Поэтому мы считаем необходимым предпослать истории государства Аббасидов описание состояния Халифата в канун краха Омейядской державы и обстоятельств, сопутствующих воцарению новой династии. При этом при изложении материала мы будем исходить из соображения, что история арабов в доисламский период и в период господства Омейядской династии читателю из существующей научной и учебной литературы уже известна.

Глава 1

Халифат в канун прихода к власти Аббасидов

Последние десятилетия правления Омейядской династии ознаменовались жестоким экономическим и политическим кризисом. Количественно разросшийся и достаточно сплоченный круг омейядских сородичей и их приспешников, владевших огромными поместьями на всей территории империи и беззастенчиво грабивших страну, присваивая себе львиную долю государственных доходов, вызывал неприязнь во всех слоях мусульманского общества. А между тем завоевания новых земель, приносившие в предшествующее столетие казне огромные доходы и позволявшие обеспечивать потребности верхушки общества — мусульманской аристократии из числа потомков сподвижников Пророка — и армии, почти полностью прекратились, а новые, присоединяемые к империи на востоке области, были бедны и никак не могли удовлетворить возросшие аппетиты завоевателей. Для пополнения казны властям приходилось усиливать налоговый пресс, что вызывало недовольство жителей провинций и провоцировало волнения и беспорядки.

Последний халиф Омейядской династии Марван II (744–750), едва взойдя на престол, столкнулся с массовыми народными антиомейядскими выступлениями в различных областях империи. Этим воспользовались хариджиты — непримиримые враги правящей династии еще с 661 года, когда они восстали против четвертого «праведного» халифа Али, — на время притихшие в Ираке после жесточайших преследований со стороны омейядского наместника аль-Хаджаджа в конце VII века. Собрав силы, они вновь попытались сокрушить омейядский режим, и Марвану II пришлось предпринять военную экспедицию, чтобы сломить их яростное сопротивление в их главном опорном пункте в окрестностях Мосула.

Значительно больше беспокойства Омейядам доставили шиитские выступления. Куфа всегда была центром шиитских беспорядков, и на этот раз Марвану II пришлось иметь дело с очередной шиитской группировкой, которую возглавил правнук Джафара, брата халифа Али, — Абдаллах ибн Муавия. Марвану II удалось справиться с мятежом в Куфе, однако вскоре шиитские волнения распространились на провинции Джибал, Ахваз, Фарс и Кирман, в результате чего весь Западный Иран оказался под контролем шиитов.

Успехам шиитов способствовала фискальная политика правительства. Повсеместно, и в центральных областях Халифата, и в восточных провинциях, вспыхивали волнения из-за высоких налогов и из-за связанных с ремонтом систем искусственного орошения принудительных работ, на которые сгоняли жителей деревень и горожан. Чтобы предотвратить беспорядки, Марван II приказывал даже сносить крепостные стены в крупных городах.

Единству арабо-мусульманской империи значительный вред приносила постоянная вражда североаравийских (кайситских) и южноаравийских (кальбитских) бедуинских племен, составлявших основной контингент халифской армии. Традиционная вражда южан и северян, начавшаяся еще в доисламской древности, при Омейядах вспыхнула с еще большей силой. Эта вражда подпитывалась и чисто экономическими интересами, борьбой за большую долю в возна-

гражденин, распределяемом между племенными воинскими формированиями.

Правящие в империи курайшиты — мекканское племя, выходцем из которого был пророк Мухаммад, — причисляли себя по своему происхождению к североаравийским арабам. Однако в первые десятилетия господства династии чисто политические соображения вынуждали Омейядов опираться на южан кальбитов, более многочисленных, лучше организованных и более «просвещенных» благодаря своим традиционным связям с греко-византийской культурой.

Однако на последнем этапе своего господства при халифах Хишаме (724–743) и Марване II Омейяды решили порвать с традиционной политикой и искать поддержки у более близких им соплеменников — кайситов. Некоторые исследователи усматривают в этой смене ориентации лишь необоснованный каприз, непоследовательность или ошибку Омейядов, сыгравшую трагическую роль в их судьбе. Однако в этой переориентации просматриваются совершенно определенные политические соображения. В трудных условиях напряженной борьбы с оппозицией в восточных, по преимуществу иранских, областях Халифата последние омейядские халифы всячески старались подчеркнуть свою верность арабским традициям и найти опору против инородческой опасности у носителей этих традиций, более патриархальных северян.

Кальбиты составляли большую часть чисто арабского населения Сирии, и их переход в оппозицию, как и все возрастающая неприязнь жителей столицы Дамаска к правящей династии, вынуждал последних омейядских халифов искать новые пристанища. Так, халиф Сулайман (715–717) в поисках безопасности сделал своей резиденцией Рамлу в Палестине, халиф Хишам — Русафу на Евфрате, а Марван II большую часть времени проводил в Месопотамии, в городе Харране.

Но опаснее всего для омейядского господства в империи были почти не прекращавшиеся волнения в восточных провинциях Хорасане и Мавераннахре. Почвой для разнообразных антиарабских движений была экономическая и социальная нестабильность. Своей политикой Омейяды и их наместники провоцировали народное недовольство. Например, когда наместник Хорасана при Хишаме — Ашрас ибн

Абдаллах, следуя общей политике исламизации покоренных провинций, стал делать реальные усилия по исламизации жителей Мавераннахра, это сразу же нанесло вред и без того скудным доходам казны, поскольку переход в ислам по закону должен был освободить вновь обращенных от подушного налога и снизить размер поземельной подати. Такому развитию событий противились в первую очередь сами укоренившиеся в Хорасане арабы, которые увидели в этом нарушение своих исконных привилегий. Массовая исламизация населения восточных провинций вызывала недовольство также иранских землевладельцев-дихкан, которые усматривали в правовом уравнивании и вообще в эгалитарных принципах ислама угрозу сложившимся феодальным отношениям на иранском Востоке. А в это же самое время наместники Хорасана, желая как-то предотвратить сокращение налогового поступления в казну, сплошь и рядом пренебрегали исламскими законами и облагали вновь обращенных такими же налогами, как иноверцев. Это вызывало бурный протест мавали (*мн.* от «мавла» — так именовались вновь обращенные в ислам жители покоренных арабами областей и стран), требующих уравнивания их в правах с исконными или давно обращенными мусульманами.

Конфликт властей с ирано-тюркским населением Хорасана и Мавераннахра обострился с назначением нового омейядского наместника Насра ибн Сайяра (738–743). Ему приходилось улаживать отношения с жителями и бороться с вторгающимися в Мавераннахр тюркскими кочевниками, которых он должен был все время оттеснять в прилегающие к провинции степи. Но была и другая проблема. Наср был выходцем из североаравийского племени и еще при халифе Хишаме сменил правителя Хорасана, йеменита. Такое происхождение обеспечивало ему поддержку кайситских гарнизонов, но было причиной усилившегося напряжения в отношениях между кайситами и кальбитами, чем позднее не преминули воспользоваться противники Омейядов.

Следуя приказам из Дамаска, Наср ибн Сайяр продолжал политику исламизации и арабизации восточных провинций. Он удалил всех немусульман из хорасанских административных ведомств. Таким образом, если в самой Сирии иноверцы

частенько привлекались на государственную службу, в Хорасане политика исламизации проводилась с большей настойчивостью. Наср приказал также, чтобы все делопроизводство в Хорасане велось не на местном языке — пехлеви, а на арабском. В это время какие-то диалекты персидского несомненно оставались языком повседневной жизни как в Хорасане, так и далее на восток по ту сторону Амударьи. Позднее эти диалекты частично уступили место тюркским языкам. Но иранская речь Хорасана после замены несовершенной письменности пехлеви на арабскую все же выжила, с тем чтобы спустя полтора столетия обрести самостоятельность, хотя Наср и заменил ее в делопроизводстве арабским.

Враждебными чувствами по отношению к правящей династии были охвачены самые разные слои общества. Исходившие в своей политике лишь из экономических и племенных интересов Омейяды ущемляли чувства тех мусульман, которые сохраняли духовную связь со временами патриархов. Отстраненные от власти «староверы», потомки сподвижников Пророка в Мекке и в Медине, и законоведы-теологи утверждали, что Омейяды отошли от принципа теократии и превратили Халифат в светское государство. Они требовали возвращения к старинным обычаям, основанным на Коране и сунне Пророка, и лишения правящей династии привилегий.

Разумеется, не признавали законность дамасских правителей и шиитские лидеры в лице многочисленных потомков четвертого «праведного» халифа — Али. Алиды рассчитывали в результате свержения правящей династии прийти к власти. Неприязнь к Омейядам испытывала охваченная «национальными»* чувствами иранская аристократия, а также осевшая в Иране и лишенная своих привилегий арабская знать. Недовольство царило также в армии среди части племенных ополчений, в первую очередь среди кальбитов, утративших свое

* Термин «национальный» мы употребляем здесь и далее условно, так как «нации» в рассматриваемый период еще не сложились. Однако хотя этот термин и представляется исторически не вполне корректным, он наиболее адекватен для обозначения этнокультурных движений в средневековой истории народов Ближнего и Среднего Востока.

привилегированное положение при последних Омейядах. Страдавшие от непосильных налогов сельские жители всех областей империи жаждали перемен.

В то время как последние Омейяды вынуждены были вести упорную борьбу за сохранение владений на востоке и преодолевать сопротивление своих врагов внутри государства, законность их прав на лидерство в Халифате оспаривалась их идейными противниками. В религиозных и юридических кругах вырабатывалось новое понимание исламского государственного права. Окончательное выражение это новое понимание получило лишь в X—XI веках, когда оно стало соответствовать государственной идеологии Аббасидов, заставивших своих историографов переписать историю прошлого в соответствии с политическими интересами и религиозными представлениями правящей династии. В отличие от Омейядов, не сумевших защитить себя мусульманскими правовыми установлениями, Аббасиды выработали теорию, которая подтверждала легитимность их власти.

В условиях нараставшего недовольства режимом всех слоев общества социальная база Омейядов сужалась. Их поддерживала лишь незначительная часть арабской знати, связанная материальными интересами с правящей династией, а военной опорой для них были лишь североаравийские кайситские племена.

За столетие своего правления омейядские халифы совершили множество ошибок. Они боролись друг с другом за власть, сеяли антагонизм в армии между военными ополчениями кайситов и кальбитов, поочередно опираясь то на одних, то на других, и давали повод для обвинений в неблагочестивом образе жизни. Но их падение было обусловлено в первую очередь экономическим кризисом, охватившим империю, и в связи с этим возникшим в народе всеобщим стремлением вернуться к нормам первоначального ислама. Это настроение охватило широкие массы мусульман, было поддержано образованной элитой и явилось главным духовным стимулом последующих событий.

Во второй четверти VIII века сложилась мощная антиомейядская группировка, которую возглавили сторонники рода Аббасидов, потомков дяди пророка Мухаммада — аль-Абба-

са. Их главный «юридический» аргумент состоял в том, что Омейяды, хотя и были одним из родов племени курайш, не принадлежали к роду Мухаммада, а один из омейядских вождей — Абу Суфьян — был даже долгое время мекканским недругом Пророка. Они утверждали, что справедливость будет восстановлена в мусульманской общине только тогда, когда власть будет находиться в руках ближайших родственников Мухаммада, то есть у Аббасидов.

Сами Аббасиды в своем происхождении были связаны с Пророком только косвенно. Аль-Аббас был дядей Мухаммада, родным братом его отца Абдаллаха и другого дяди Пророка, отца Али — Абу Талиба. Таким образом, Аббасиды не были Алидами, хотя порой претендовали на тесную связь с потомками Али. Аль-Аббас обратился в ислам сравнительно поздно, около 630 года, тогда же, когда это сделал глава Омейядов — Абу Суфьян. Никаким приоритетом над Омейядами с точки зрения принятия новой веры основатель династии Аббасидов не обладал.

В доисламское время и в период возникновения ислама аль-Аббас преуспевал. Он заведовал снабжением водой паломников и сохранил эту должность и при Мухаммаде. Как и омейяд Усман, ставший позднее третьим «праведным» халифом, он щедро жертвовал часть своих богатств в распоряжение возникшей мусульманской общины и делал это до самой смерти в 653 году. Его служение общине было преданным, но не выдающимся, как позднее это старались изобразить аббасидские историки, всячески преувеличивавшие его роль в первые десятилетия ислама.

Таким образом, Аббасиды не имели особых оснований претендовать на пост халифа ни по причине особых заслуг перед исламом основателя рода, ни вследствие большей родственной близости к семье Пророка, чем у любого Алида. Поэтому в борьбе за халифский престол Аббасиды попытались подкрепить свои претензии ссылкой на завещание, якобы оставленное одним из Алидов, Абу Хашимом, передавшим потомку аль-Аббаса — Мухаммаду ибн Али — харизматическую власть.

Здесь необходимо вернуться к событиям прошлого. Еще при омейядском халифе Абд аль-Малике наместник Куфы некий аль-Мухтар создал теорию, согласно которой один из

сыновей Али (не от Фатимы, дочери Пророка, а от женщины из племени ханиф) по имени Мухаммад ибн аль-Ханафия (637–700) объявлялся мессией (махди), а себя аль-Мухтар объявил его вазиром, исполнителем его воли. Крайние шииты (гулат) усвоили учение аль-Мухтара о передаче пророческого огня от Али к его потомкам по линии Мухаммада ибн аль-Ханафии — имамам — и объединились вокруг них. Аббасиды решили использовать учение аль-Мухтара в своих интересах. Один из них, отец будущего первого аббасидского халифа Абу-ль-Аббаса — Мухаммед ибн Али, собрав вокруг себя крайних шиитов, развернул широкую антиомейядскую кампанию.

Мухаммад ибн Али объявил, что после смерти Мухаммада ибн аль-Ханафии имамат перешел в руки его сына Абу Хашима (умер в 716 году), который перед смертью якобы завещал ему руководство мусульманской общиной. Аббасиды утверждали, что после смерти Мухаммада ибн Али в 743 году харизматическая власть перешла к его сыну Ибрахиму, а позднее, после казни Ибрахима Марваном II в 748 году, — к брату Ибрахима, первому халифу Аббасидской династии Абу-ль-Аббасу (749–754).

Позднее, уже после прихода к власти, Абу-ль-Аббас отказался от аргументирования своего права на власть «завещанием» Абу Хашима, тем самым порвав с крайней шиитской группировкой, которую ловко использовал в борьбе за власть, и стал оправдывать претензии своей династии той ролью, какую якобы сыграл ее основатель аль-Аббас, поддержав Пророка при возникновении нового вероучения.

Хотя подлинным центром антиомейядского движения оставалась шиитская Куфа, особенно благоприятную почву для пропаганды Аббасиды нашли в Хорасане и Мавераннахре. В этих провинциях социальное недовольство Омейядами накладывалось на национальные чувства и естественно принимало религиозную форму. Особенно активными участниками антиомейядского движения были хорасанские торговцы и ремесленники Мерва. В большинстве это были вновь обращенные в ислам (мавали), но среди них было немало и арабов-шиитов, признававших Али ибн Аби Талиба и его потомков единственно законными преемниками пророка Мухамма-

да. Бунтарские настроения царили и среди жителей Куфы и Басры, где многочисленные антиомейядские проповедники будоражили народ. Однако в этих городах армия Омейядов могла справиться с любыми беспорядками, в то время как Хорасан был расположен вдали от омейядских центров и пресечь выступления в этой провинции было значительно труднее.

Противники Омейядов в Хорасане — иранцы, шииты всех направлений и оттенков от экстремистов, воспринявших учение аль-Мухтара, и до умеренных, претендовавшие на власть Алиды, сторонники аббасида Мухаммада ибн Али — все объединились с целью свергнуть правящую династию и основать теократическое государство во главе с выходцами из семьи Пророка. По их убеждению, преданность делу ислама, а не арабское происхождение должна была обеспечивать всем мусульманам полноценное участие в государственных делах. Аббасидские пропагандисты старались привлечь в свой лагерь всех — арабов и неарабов, шиитов и суннитов, хариджитов, жителей сельской местности и горожан и даже иноверцев. Они обещали, что, когда Аббасиды придут к власти, мусульмане будут освобождены от незаконных налогов, с немусульман налоги будут взиматься по справедливости в соответствии с исламскими законами, а сельские жители будут избавлены от различных сверхналоговых повинностей.

Для руководства антиомейядским восстанием сын Мухаммада ибн Али — Ибрахим, провозгласивший себя, после того как Марван II казнил его отца, шиитским имамом — главой всей мусульманской общины, — отправил в Хорасан в 747 году иранского мавла, шиита крайних взглядов Абу Муслима. В прошлом Абу Муслим был связан с шиитами Куфы и в их среде воспринял учение шиитских экстремистов. Он считал себя обязанным Аббасидам своим освобождением в 741 году из мекканской тюрьмы, куда был заточен за шиитскую пропаганду. Теперь Аббасиды, дабы поднять его авторитет среди правоверных, объявили об его усыновлении семьей «потомков Пророка» и поручили ему координировать действия шиитской оппозиции в Иране.

Абу Муслим действовал в Хорасане весьма искусно. За короткий срок он сумел привлечь на сторону Аббасидов не толь-

ко отстраненных к этому времени от участия в политической жизни арабов-кальбитов, но и немусульман, а благодаря умелой пропаганде религиозно-политического характера также и подавляющую часть исламизированного иранского населения страны. Позднейшие аббасидские историки не без основания пытались изобразить Абу Муслима религиозным реформатором, а порой даже вероотступником, возможно из-за его бывлой близости к крайним шиитским кругам. Однако несомненно и то, что в это время среди сторонников Аббасидов было еще много шиитских экстремистов.

Есть свидетельства того, что в начальный период деятельности Абу Муслима между ним и крупным религиозным иранским проповедником Бихафридом, провозгласившим себя пророком в Нишапуре, установились какие-то отношения. По укоренившейся в Хорасане традиции антиарабские движения обычно принимали характер ожидания прихода спасителя-махди, который избавит жителей от притеснения властей и восстановит справедливость. Обстановка в Хорасане в это время была благоприятна для появления различных проповедников, выступавших от имени ожидаемого махди. Часто эти проповеди получали поддержку со стороны вождей тюркских племен и имели большое влияние в среде местной землевладельческой знати.

Проповеди Бихафрида носили характер зороастрийских пророчеств и были направлены на реформу старой иранской религии. Реформа эта, по-видимому, шла в направлении сближения зороастрийского учения с исламом, некоторые элементы которого (ежедневная молитва, милостыня, запрет на спиртное) Бихафрид включал в свои откровения. Когда Абу Муслим достиг успеха в Хорасане, он порвал с Бихафридом, а в 749 году приказал казнить своего бывшего союзника. По-видимому, этот, все еще обладавший большим влиянием в Хорасане зороастрийский священнослужитель представлялся ему опасным для возглавляемого им движения.

В 747 году Абу Муслим перебрался в Мервский оазис и вскоре превратил город в центр восстания. Со всей провинции к нему стекались иранские землевладельцы-дихканы, отряды осевших в Хорасане арабских кальбитских племен, сунниты и шииты, участники хариджитских восстаний,

мусульмане и иноверцы. Поистине, восстание носило всеобщий характер. В назначенный заранее день, 9 июня 747 года, в оазисе были зажжены костры, восставшие подняли черные знамена и облачились в черные одеяния. Позднее черный цвет был провозглашен официальным цветом Аббасидов.

Узнав о событиях в Хорасане, Марван II предпринял ответные действия. В 748 году ему удалось схватить Ибрахима и заточить в тюрьму, где тот был убит. Однако это уже не могло оказать существенного влияния на ход дальнейших событий, поскольку лидерство среди Аббасидов перешло к Абу-ль-Аббасу, который сумел довести до конца войну с Омейядами.

В том же 748 году Абу Муслим перешел в решительное наступление. Он двинул на запад войско во главе с военачальником Кахтабой, а другой отряд отправил на восток. Кахтаба без больших усилий овладел Нишапуром, а затем, оттеснив войско Насра ибн Саййара, — Рейем и Нехавендом. Омейядский наместник Хорасана призвал арабов к сопротивлению во имя ислама и арабского господства в Халифате, но его призыв не был услышан. «Мусаввиды» (одетые в черное) под водительством Кахтабы в 749 году вторглись в Ирак и заняли Куфу — один из главных центров антиомейядского восстания.

Направив Кахтабу на запад, Абу Муслим оказался вынужденным сосредоточить все свое внимание на внутренних проблемах в восточных провинциях. Война с Омейядами еще не закончилась, а на поверхность уже стали всплывать те противоречия, которые были обусловлены пестротой оказывавших ему поддержку сил. Кальбиты были явно недовольны ходом событий, их национальные арабские чувства были задеты. Но Абу Муслим, в руках которого к этому времени уже была хорошо организованная хорасанская армия, мог позволить себе избавиться от своих бывших арабских союзников, что он и сделал.

В это время в Мавераннахре, в Бухаре, вспыхнули шиитские беспорядки, вызванные подстрекательством местных шиитских главарей, которые воспользовались недовольством жителей, возмущенных жестокостями при сборе налогов теперь уже новыми, аббасидскими наместниками. Абу Муслим лично возглавил карательную экспедицию и в 750 году с большой армией вторгся в Мавераннахр, взял Бухару, сжег город,

а главарей восстания приказал публично казнить. Эта расправа с шиитами была предзнаменованием будущей антишиитской политики Аббасидов. Своим поведением Абу Муслим, сам принадлежавший к шиитам крайнего толка, показал, что для него верность новой династии является приоритетом во всех его политических действиях.

Последние пять лет своего правления Марван II провел в непрерывной борьбе то с хариджитами в Мосуле, то с шиитами в Куфе, то с нубийцами, федерация племен которых в 745 году вторглась в Египет и заняла Фустат. В результате потерь в почти непрерывных войнах его войско было ослаблено и противостоять хорасанской армии уже не могло.

Однако Омейяды еще не полностью утратили способности к сопротивлению. Кахтабе понадобилось два года, чтобы окончательно добить омейядское войско. В начале 750 года аббасидская армия под командованием Абдаллаха, дяди Абуль-Аббаса, нанесла последнее и решающее поражение остаткам армии Марвана II на берегу северного притока Тигра, реки Большой Заб. Аббасиды заняли Харран, а затем вступили в Дамаск.

Последний омейядский халиф Марван II бежал в Египет. Там против него подняли восстание местные жители — копты, к которым присоединились стоявшие здесь гарнизоном арабские отряды. С остатками своих приверженцев Марван II бежал в Гизу где, по свидетельству источников, солдаты его вконец разложившейся армии бесчинствовали в расположенном поблизости женском монастыре. В конце концов Марван II был схвачен и убит. Началось поголовное истребление членов рода Омейя, и, хотя многие из них выразили готовность подчиниться новой власти, почти все они были перебиты. Правда, одному из омейядских эмиров, Абд ар-Рахману, удалось бежать из своего имения в Ираке в Северную Африку, а оттуда в Андалусию и, захватив при поддержке кальбитских племен власть в Кордове, основать там в 756 году омейядский эмират.

Между тем в лагере победителей уже давно не было единства: еще до того, как Кахтаба захватил Куфу, Алиды собрались на тайный совет и постановили избрать будущим халифом Мухаммада, получившего за свое благочестие имя «Чистая душа» (ан-нафс аз-закийя), происхождением из Ха-

санидов (одного из потомков сына Али — Хасана). Так они надеялись предотвратить приход к власти Аббасидов и утвердиться во главе государства. Однако «переиграть» Аббасидов оказалось не так-то просто. После взятия Куфы собравшиеся в районе города преданные им военачальники единогласно решили избрать на пост халифа Аббасида, и в 749 году в главной мечети Куфы была принесена присяга сыну Мухаммада ибн Али — Абу-ль-Аббасу, а бессильные перед лицом мощной хорасанской армии Алиды вынуждены были подчиниться этому решению.

В своей тронной речи Абу-ль-Аббас обосновал Кораном свои претензии на пост халифа. Речь его содержала угрозы тем, кто желал передать власть Алидам. Жителям города он обещал щедрое вознаграждение за лояльность и присвоил себе имя «ас-Саффах», что означает «щедрый, великодушный». Однако, не слишком доверяя прошиитски настроенным горожанам, он поспешил перенести свою резиденцию из Куфы в расположенный на Евфрате город Анбар.

Глава 2

Аббасидский халифат во второй половине VIII века

Укрепление власти Аббасидов.

Деятельность аль-Мансура

Еще при Омейядах, по мере исламизации арабами-мусульманами покоренных народов, начало возникать непримиримое противоречие между претензиями завоевателей на привилегированное положение в государстве и принципиальным эгалитаризмом исламской религии, как его понимали благочестивые мусульманские староверы-традиционалисты, а также вновь обращенные в ислам жители завоеванных провинций. Этот разрыв между утопическим идеалом и действительностью неминуемо должен был породить конфликт, который в конечном итоге обрек Омейядское государство на гибель. Поэтому, чтобы удержать власть в империи, новой

династии следовало найти пути хотя бы для частичного смягчения опасного для единства общины кризиса.

Придя к власти, аббасидские халифы вынуждены были управлять государством уже не как вожди бедуинских племен, выходцы из арабско-бедуинской или мекканской аристократии, но как лидеры всего исламского мира и правители, в обязанность которых входило укрепление единства сложившегося общемусульманского государства. Следует также подчеркнуть, что, в отличие от средневековой Европы с ее представлением о разделении церковной и светской власти, ислам не признавал отделения религии от политики. Мусульманское государство было теократическим. Существование единой сплоченной мусульманской общины в разросшемся государстве связывалось с легитимностью олицетворяемой халифом политической власти. Только при этом условии могла создаться универсальная политико-религиозная структура, объединявшая в единой общине арабов и жителей провинций — иранцев, кочевников-тюрок и других обращенных в ислам народов, населявших империю.

Стоявший во главе мусульманской общины халиф представлялся преемником Пророка, а через него и исполнителем воли самого Аллаха, и в этом качестве обладал неограниченной властью. Однако абсолютность его власти предполагала обязанность исполнять Закон, который возник и существовал вне его воли и в интерпретации которого он не имел особых привилегий. Теоретически считалось, что вся деятельность халифа должна быть нацелена на создание условий, гарантирующих строгое соблюдение Закона. Соответственно, правители должны были обладать моральными достоинствами, а их политическое поведение — строго согласовываться с общемусульманскими правилами и представлениями. Роль и обязанность халифа формулировались в соответствии с основными религиозными понятиями.

Шииты наделяли халифа-имама большей полнотой власти, ибо верили, что имам, подобно Пророку, получал откровение от Аллаха. Но большинство мусульман отказывалось признавать, что халиф имеет какие-либо особые права в интерпретации Закона. При таком подходе какое-либо законотворчество халифа строго ограничивалось, и ему разрешалась лишь

политическая активность. Он руководил повседневной организацией военных походов против «неверных», борьбой с вероотступниками и организацией государственной администрации.

Аббасидские халифы, упрекавшие своих омейядских предшественников в том, что те вели себя, как светские правители, пытались обозначить свой собственный подход к управлению государством в исламских терминах и соответственно в той мере, в какой это им удавалось, придерживаться в политике религиозной ориентации.

Поэтому придворные историки и летописцы Аббасидов, обвинявшие Омейядов в незаконном и насильственном захвате власти в Халифате и в использовании ее в своих собственных «светских» корыстных интересах, противопоставляли им Аббасидов в качестве истинных мусульман, стремящихся лишь к тому, чтобы, возглавив общину, руководить ею в соответствии с предписаниями и волей Аллаха.

Таким образом, приход к власти ориентировавшихся на основные духовные ценности ислама и исламский эгалитаризм Аббасидов означал в известной мере оттеснение арабов, утративших политическое главенство в Халифате, на второй план, хотя их престиж как носителей языка Корана оставался по-прежнему весьма высоким. Постепенная утрата арабами ведущей роли в политической жизни государства и былого значения в качестве военной опоры правящей династии сопровождалась усилением в восточных областях Халифата провинциальной военно-феодальной верхушки, сыгравшей столь важную роль в приходе Аббасидов к власти.

Избранный халифом в 749 году Абу-ль-Аббас не мог ощущать себя абсолютным властителем империи. С самого начала правления Аббасиды оказались не в состоянии удержать под своим контролем все входившие при Омейядах в состав Халифата области. На Западе, кроме Андалусии, где установилась власть омейядских эмиров, вскоре обрели независимость правители значительной части Северной Африки. Аббасиды сумели удержать в своих руках лишь узкую прибрежную полосу Ифрикии (Туниса). Но главным соперником Аббасидов был могущественный правитель восточных про-

винций империи Абу Муслим, который, собственно, и привел династию к власти.

Абу Муслим опирался в Хорасане не только на сильную армию, состоявшую из иранцев, тюрок и частично из арабов, но и на свой личный, почти безграничный духовный авторитет. Он был не только военным главой, но и религиозным вождем, в проповедях которого причудливо переплетались теории шиитских экстремистов и древнеперсидские зороастрийские воззрения. Сам Абу Муслим никогда не проявлял враждебности к Аббасидам и был полностью лоялен к правящей династии. Тем не менее Абу-ль-Аббас со страхом смотрел на могущественного правителя Хорасана и на его сильную армию, разгромившую Омейядов и возведшую его на трон.

Между тем шиитские вожди вскоре осознали, что победа Аббасидов вовсе не означает победу Алидов. Главой недовольных исходом борьбы с Омейядами шиитов был некий Абу Салама аль-Халлал, возглавивший шиитский пропагандистский центр в Хорасане в первые дни деятельности Абу Муслима и пользовавшийся там не меньшим, чем Абу Муслим, влиянием, а после победы Аббасидов назначенный на пост правителя Куфы. Именно Абу Салама принимал участие в выборе халифом Абу-ль-Аббаса в 749 году и, по-видимому, весьма неохотно, дал согласие на этот выбор. У Абу-ль-Аббаса были основания рассматривать его как своего потенциального противника и сомневаться в его лояльности, поэтому он принял решение от него избавиться.

Однако Абу-ль-Аббас понимал, что ему надлежит действовать крайне осторожно. Авторитет Абу Саламы в Куфе был непререкаем, его смещение с поста правителя города могло вызвать серьезные беспорядки и было небезопасно для новой правящей династии. Да и достаточно сильной армией для наведения порядка Абу-ль-Аббас в это время еще не располагал. Поэтому он решил предварительно отправить своего брата Абу Джафара (позднее халифа аль-Мансура) к Абу Муслиму для того, чтобы выяснить, в какой мере тот готов помочь ему разделаться с одним из влиятельнейших шиитских лидеров.

Трудно сказать, что побудило Абу Муслима принять сторону Абу-ль-Аббаса в конфликте с Абу Саламой, преданность ли правящей династии, которой он до этого служил не за

страх, а за совесть, боязнь нарушения единства в исламском государстве или личная неприязнь к влиятельному сопернику. Так или иначе, Абу Муслим дал согласие помочь делу. Агенты Абу Муслима убили Абу Саламу, но вина за убийство была возложена на хариджитских фанатиков. Также был убит и другой опасный для Абу-ль-Аббаса и Абу Муслима шиитский лидер, Сулайман ибн Касир. Разделяваясь со своими соперниками в шиитском лагере, Абу Муслим, вероятно, не предполагал, что эта расправа станет в будущем парадигмой его собственной судьбы.

Абу-ль-Аббас (749–754) умер сравнительно молодым, его сменил на посту халифа его брат Абу Джафар, принявший имя аль-Мансур (Победоносный) и правивший более двадцати лет (754–775). При первых Аббасидах — аль-Мансуре, его сыне аль-Махди (775–785), внуке аль-Хади (785–786) и другом внуке, Харуне ар-Рашиде (786–809), Халифат был относительно централизованным и достаточно сильным государством.

При вступлении на престол аль-Мансуру пришлось преодолеть сопротивление своего дяди Абдаллаха ибн Али. Сам аль-Мансур впоследствии утверждал, будто был назначен преемником еще покойным братом Абу-ль-Аббасом. В этой борьбе за престол Абдаллах, кажется, пытался опереться на помощь Абу Муслима.

При халифе аль-Мансуре господствующее положение Аббасидской династии окончательно стабилизировалось. Первыми же актами новый халиф всячески старался подчеркнуть, что отныне устанавливается жесткий режим его личной власти. Чтобы закрепить эту власть, аль-Мансур устранил своих родственников и лидеров алидской знати с важнейших постов в государстве. Члены семьи халифа, заподозренные в каких-либо претензиях на роль главы государства, были взяты под неусыпное наблюдение, а многие из их советников и катибов («катиб», *мн.* «куттаб» — писец, секретарь) — казнены. Жертвой пал и знаменитый писатель, автор перевода на арабский язык иранских назидательных сочинений, в частности знаменитой «Калилы и Димны», Абдаллах ибн аль-Мукаффа.

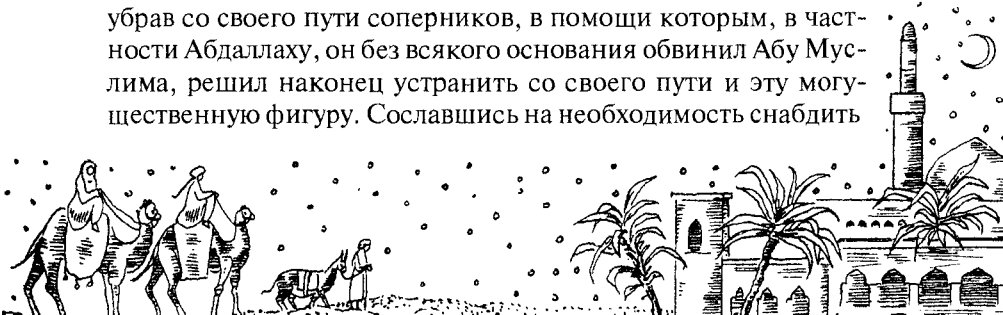
На все высокие посты аль-Мансур назначал преданных лично ему людей, часто сомнительного происхождения и да-

же рабов. Именно в это время впервые выдвигается иранский род Бармакидов, главу которого, Халида ибн Бармака, халиф назначает управителем одной из провинций империи, и образованный перс Абу Убайдаллах Муавия, ставший воспитателем сына халифа — аль-Махди. Позднее, когда аль-Махди пришел к власти, он сделал Абу Убайдаллаха главным катибом, заведующим своей канцелярией. Именно при халифе аль-Мансуре экономическое устройство и политический режим исламской империи полностью сложились и приняли законченную форму, а придворные нравы постепенно ориентализировались.

Придя к власти, Аббасиды уже не считали нужным исполнять свои прежние демагогические обещания. Используя для своего выдвижения широкое народное восстание, они поспешили отделаться от своих бывших союзников. Их жертвой стал возглавивший восстание в Хорасане популярный в народе, особенно в восточных провинциях Халифата, Абу Муслим.

Абу Муслим и после прихода к власти аль-Мансура продолжал оставаться могущественнейшим человеком в государстве. Он создал большую и сильную армию, в которую входили иранские вновь обращенные землевладельцы-дикане, а также иранцы, сохранявшие верность своей старой религии, и турки. Среди преданных ему людей было много фанатичных шиитских экстремистов. Сам Абу Муслим после смерти Абу-ль-Аббаса продолжал оставаться правителем Хорасана и всячески демонстрировал свою преданность Аббасидам. Именно Абу Муслим был тем человеком, который после смерти Абу-ль-Аббаса организовал силы, помогавшие аль-Мансуру захватить престол, несмотря на сопротивление других претендентов.

Могущество Абу Муслима на востоке пугало багдадских правителей. Его боялся и ненавидел аль-Мансур, еще до прихода к власти советовавший брату снять его с должности наместника. Однако Абу-ль-Аббас не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы решиться на этот шаг. Ныне аль-Мансур, убрав со своего пути соперников, в помощи которым, в частности Абдаллаху, он без всякого основания обвинил Абу Муслима, решил наконец устранить со своего пути и эту могущественную фигуру. Сославшись на необходимость снабдить

Абу Муслима инструкциями перед отъездом наместника в Хорасан, аль-Мансур призвал его во дворец. Говорили, что Абу Муслим якобы был предупрежден о грозящей ему опасности, но свято верил в благорасположение к нему аль-Мансура и вообще всех членов правящей династии и потому отправился без вооруженной свиты во дворец, где и был убит. Вслед за Абу Муслимом аль-Мансур расправился и с другими военачальниками из окружения эмира. Убийство Абу Муслима вызвало волнения в Хорасане, где он был не только вождем, но и духовным главой, объектом поклонения. Жестокое подавление этих волнений новой, сформированной аль-Мансуром армией на время положило конец надеждам жителей провинции на независимость от центральной власти.

Аббасиды пришли к власти, опираясь на шиитов, и первоначально сами выступали под их лозунгами. Но вскоре они поняли, что крайние формы шиизма, включавшие представление об особом божественном характере власти имама-халифа, могут лишь скомпрометировать их в глазах большинства мусульман и привести к отчуждению общины от правящей династии. Убийство Абу Муслима было связано не только с желанием аль-Мансура освободиться от опасной опеки могущественного хорасанского лидера, но и с его намерением разорвать узы, связывавшие династию с ее прежней опорой — дидактическим крылом крайних шиитов. Так состоялся поворот Аббасидов в сторону «джамая», то есть общины большинства мусульман. Теперь оставалось лишь умелыми действиями склонить на свою сторону суннитское большинство общины и положить конец претензиям шиитской верхушки, что аль-Мансур успешно и выполнил.

Первые два аббасидских халифа спокойно и цинично стали истреблять своих бывших шиитских агентов. Абу Муслим пал жертвой одним из последних в ряду шиитских пропагандистов, чья преданность и энергия привели династию к власти.

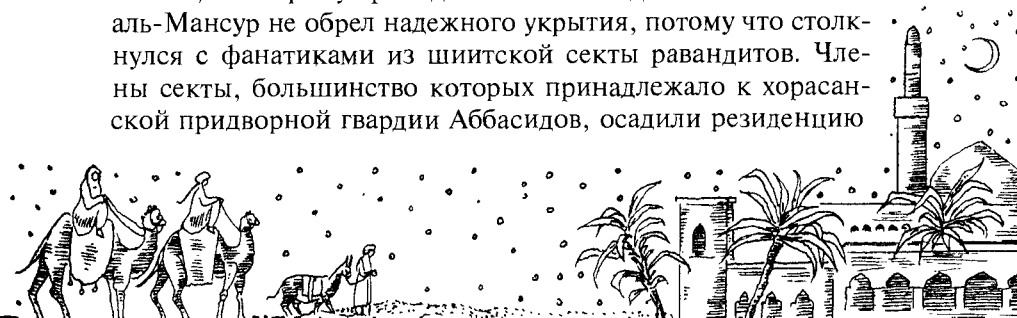
Надежды потомков Али на главенство в общине после отстранения от власти Омейядов были поколеблены еще в момент провозглашения в 749 году Абу-ль-Аббаса халифом. Ныне, когда начались репрессии против них со стороны аль-Мансура, их опасения усилились. Действовавший осторожно

Абу-ль-Аббас после своей победы пригласил одного из главарей хасанидской ветви Алидов — Абдаллаха во дворец, обошелся с ним уважительно, и тот удалился в Мекку, готовый примириться со своим неизбежным поражением. Но его сыновья Мухаммад и Ибрахим не пожелали расстаться со своими былыми надеждами. Они начали готовить восстание, причем в заговоре принял участие в качестве провокатора один из агентов аль-Мансура. Во главе заговора стал Мухаммад «Чистая душа». Он отказался присягнуть Абу-ль-Аббасу и до времени скрылся.

Люди аль-Мансура не сумели разыскать Мухаммада, и в тюрьму был заключен отец братьев Абдаллах и многие другие проживавшие в Медине хасаниды. Тогда Мухаммад вышел из укрытия и с группой приверженцев поднял открытый мятеж. Он объявил аль-Мансура тираном, попирающим законы ислама, и освободил находившихся в тюрьме хасанидов. Однако, несмотря на поддержку многих улемов, Мухаммад не сумел привлечь на свою сторону достаточное число сторонников, и в 762 году его отряд был разогнан войском племянника аль-Мансура — Исы ибн Мусы, а сам Мухаммад убит в Медине. Его отец Абдаллах умер в тюрьме еще в 758 году.

Столь же безуспешными были действия брата Мухаммада — Ибрахима, который попытался поднять восстание в Нижнем Ираке, где в районе Басры шииты имели множество сторонников. Однако Иса ибн Муса в 763 году разгромил шиитов и под Басрой.

Аббасиды никогда не имели намерения управлять империей из Дамаска, как это делали Омейяды. Абу-ль-Аббас был провозглашен халифом в Куфе, но перевел свою ставку в аль-Анбар на Евфрате. Борьба с Алидами и подавление двух шиитских восстаний, сделавшее аль-Мансура открытым врагом членов «семьи Пророка», побудили его создать более безопасную резиденцию, расположенную между Куфой и Хирой в крепости аль-Хашимия и названную так в честь рода хашим, к которому принадлежали Аббасиды. Однако и здесь аль-Мансур не обрел надежного укрытия, потому что столкнулся с фанатиками из шиитской секты равандитов. Члены секты, большинство которых принадлежало к хорасанской придворной гвардии Аббасидов, осадили резиденцию

аль-Мансура и пытались объявить его «божественным воплощением», а основателя династии аль-Аббаса — «хакиком», святым, познавшим божественную истину. Выступление равандитов свидетельствовало о том, что и среди сторонников династии было много приверженцев крайних шиитских доктрин. Верные аль-Мансуру войска разогнали шиитских экстремистов, из коих многие были казнены.

Тогда аль-Мансур решил основать новую столицу империи, которая была бы символом его могущества и надежной защитой. Так на западном берегу Тигра, к северу от древней парфянской и сасанидской столицы Ктесифона был заложен новый город Багдад.

Багдад, или, как его называли, «Мадина́т ас-салам» («Город мира или благоденствия»), был сооружен за короткий срок с 758 по 762 год на месте местечка «Сук Багдад» («Рынок Багдада») в центре плодородной цветущей долины, которую пересекала сеть каналов, соединявшая Тигр и Евфрат. Город был спланирован в форме защищенного стенами, каналами и рвами круга, внутри которого находились халифский дворец, большая мечеть и правительственные ведомства — диваны. За пределами круглого города располагались военные лагеря, рынок и кварталы, населенные различными ремесленными и этническими группами. На ночь эти кварталы запирались. На другой стороне Тигра, соединявшейся с круглым городом лодочным мостом, в 768 году начали сооружать дворец для сына и преемника аль-Мансура — аль-Махди и высокопоставленных чиновников, в частности Бармакидов. Аль-Мансур переселился в еще не вполне отстроенный город в 763 году, а спустя несколько лет кварталы города были полностью заселены.

Выбирая место для своей новой столицы, аль-Мансур учитывал также и ее стратегическое значение. Через Багдад проходил главный путь в восточные провинции, в частности в Хорасан, который отныне можно было держать под контролем новой столицы. С политической и коммерческой точки зрения Багдад играл в Халифате ту же роль, что Александрия в древнегреческой ойкумене. Подобно тому как Александрия как бы повернулась спиной к Египту и лицом к Средиземно-

му морю, Багдад ознаменовал поворот арабо-мусульманской империи лицом к Востоку.

Вскоре после основания Багдад стал центром светской и религиозной жизни в исламе, торговым и интеллектуальным центром Халифата. Здесь процветали наука и философия, литература и искусство. Это был постоянно находящийся в состоянии брожения космополитический город, в большей мере деловой, чем благочестивый, местопребывание светской и религиозной власти. Здесь жили арабы, иранцы и турки, шииты и сунниты, христиане и евреи, люди безмерно богатые и беднота, нищие и бродяги. Управлять городом было нелегко, и часто правителям приходилось прибегать к силе, чтобы держать горожан в повиновении и препятствовать конфликтам между различными общинами.

С основанием Багдада стал более очевиден новый характер исламского государства. Омейяды понимали задачу халифов в первую очередь как предводителей мусульманской армии. Они стремились все к новым завоеваниям и к расширению пределов исламской ойкумены, а внутри империи были заняты борьбой с соперниками и подавлением восстаний религиозно-политического характера, как в центральных областях, так и в провинциях. Правительственные учреждения и местная администрация при Омейядах были относительно простыми. Во главе провинций халифы назначали наместников-эмиров, деятельность которых сводилась к организации новых завоевательных походов, наблюдению за сбором налогов и распределению пенсий среди солдат подчиненного им войска. Арабизация и исламизация покоренных народов на первых порах шли медленно и не приводили к существенным изменениям налоговых и административных учреждений, в которых, как и прежде, трудились местные чиновники-немусульмане.

Наметившаяся еще при последних Омейядах эволюция системы управления привела при Аббасидах к серьезным изменениям в характере режима. Аббасидские правители прилагали значительные усилия, чтобы добиться большей централизации и контроля над завоеванными областями. Омейядская структура власти, при которой управление провинциями отдавалось полностью в руки наместников, более

не могла соответствовать политическим и экономическим интересам централизованного государства. Мирным путем и силой Аббасиды объединяли различные слои многонациональной империи, превращая пестрое гетерогенное политическое образование в единое исламское государство с универсальной религией и со столицей в Багдаде. Унаследованные от Византии и сасанидского Ирана традиции государственного управления получили дальнейшее развитие. Наместники-эмиры становились не просто военачальниками, обязанными держать провинции в повиновении и отправлять в столицу часть военной добычи, но в первую очередь администраторами, обладавшими, наряду с военно-полицейскими, также и гражданскими функциями. В пределах своих владений они организовывали военные и фискальные ведомства по образцу столичных и контролировали их деятельность.

Образование огромной арабо-мусульманской империи с неизбежностью должно было повлечь за собой появление армии чиновников. Сохраняя имперский стиль государственной власти, Аббасиды способствовали росту бюрократической администрации, которую, по крайней мере в первое время, они жестко контролировали и через которую они могли надзирать за состоянием дел во всем исламском мире. Ограничив власть военной администрации в провинциях и в самом Багдаде, Аббасиды в той мере, в какой это допускал теократический режим, частично передали власть чиновникам, среди которых преобладали обращенные в ислам иранцы (мавали), обладавшие опытом сасанидской государственной службы и вследствие своего происхождения не имевшие особых честолюбивых амбиций. Постепенно сложилось многочисленное сословие катибов заседавших в специализированных учреждениях — «диванах».

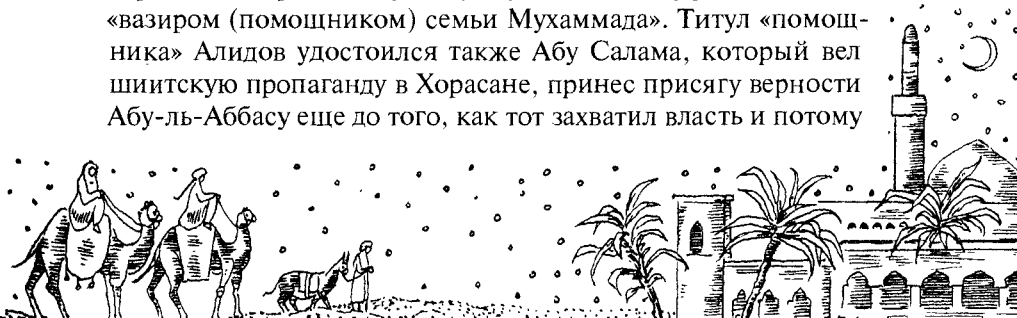
В первоначальном значении термин «диван» обозначал регистр лиц, которым выплачивались пенсии за заслуги перед исламом и жалованье за воинскую службу. При Омейядах эти списки хранились в Дамаске и в провинциальных центрах. Со временем термином «диван» стали обозначать не только регистры, но и сами ведомства, в которых они хранились.

Уже при первых Аббасидах сложилась развернутая бюрократическая система управления. Главными административ-

ными ведомствами (диванами) были канцелярия, казначейство и управление армией. Канцелярия была представлена «Диваном ар-расаил» (Диваном посланий), из которого исходила вся деловая корреспонденция и где оформлялись все документы. Именно в этом диване сложился позаимствованный из Ирана специфический стиль деловых посланий, с которым были знакомы лишь образованные, получившие соответствующую подготовку катибы. Делами, связанными с армией, руководил «Диван аль-джайш», заведовавший рекрутированием войска, его вооружением и вопросами, связанными с его денежным содержанием.

Одним из самых главных ведомств было казначейство — «Диван аль-маль», — которое заведовало расходами средств на государственные нужды и контролировало сбор налогов. «Диван аль-барид» (главное почтовое ведомство) ведал учреждениями связи и почтовыми трактами. В обязанность сотрудников ведомства входило также такое деликатное дело, как просмотр почтовой корреспонденции и информирование правительственных инстанций о ее содержании. Были диваны, занимавшиеся сбором налогов. Позднее появилось специальное ведомство, наблюдавшее за «икта» — земельными пожалованиями за государственную и военную службу. С помощью этих ведомств халиф мог контролировать все дела в своих владениях, при этом методы его правления были сходны с теми, которые бытовали при сасанидских шаханшахах.

На первых порах халиф лично координировал деятельность различных ведомств, и ни одно из них не имело своего официального главы. Со временем халиф стал поручать часть работы своему приближенному — вазир, который первоначально был лишь личным помощником халифа по разным делам. Термин «вазир» («помощник халифа») арабский и происходит от глагола «вазара» — «нести бремя, большую тяжесть». В прошлом его уже употребляли в специальном значении применительно к упомянутому выше аль-Мухтару, которого за его ревностную службу Алидам в Куфе именовали «вазиром (помощником) семьи Мухаммада». Титул «помощника» Алидов удостоился также Абу Салама, который вел шиитскую пропаганду в Хорасане, принес присягу верности Абу-ль-Аббасу еще до того, как тот захватил власть и потому

был назван арабскими историками «первым аббасидским вазиром».

Для аль-Мансура и сменившего его аль-Махди вазир был лишь личным секретарем, который вел их корреспонденцию, следил за их имуществом и на которого, что особенно важно, как на образованного и знакомого с делом управления государством человека, обычно иранца, возлагалась обязанность по обучению наследника. Это приводило к тому, что со временем вазир становился главным советником и доверенным лицом нового халифа. Так сложился институт вазирата. Вазиру доверяли хранение государственной печати, его уполномочили возглавлять судебную систему, дополнявшую шариатский суд, а иногда и заменявшую его. Вазир стоял во главе всей иерархии катибов, из среды которых он обычно рекрутировался.

Постепенно вазир принял на себя все административные функции, возглавил диваны и стал всемогущим министром по образцу высших чиновников Сасанидской империи. Омейяды также часто предоставляли широкие полномочия людям, не принадлежавшим к арабской знати, например Зайду ибн Абиhi и его сыну Убайдаллаху, аль-Хаджаджу в Ираке и другим. Но это была власть военного наместника над определенной территорией. Власть же вазира при Аббасидах не была четко очерчена и носила всеобъемлющий, не связанный с определенной территорией характер.

Еще при халифах Абу-ль-Аббасе и аль-Мансуре усилилось влияние иранской аристократии на политическую жизнь Халифата. Первые Аббасиды были ей благодарны за помощь в борьбе с Омейядами. При них стали выдвигаться члены знатного иранского рода Бармакидов. Главой их был Халид ибн Бармак (умер в 781 году). Отец Халида — Бармак (это было не имя, а звание жреца — «пармак») был до арабского завоевания жрецом буддийского храма или монастыря в Балхе. Храм был разрушен во время или вскоре после завоевания арабами Восточного Хорасана. Как гласит предание, дети Бармака эмигрировали в Басру, приняли ислам и стали вольноотпущенниками (мавали) одного из арабских племен. Во время правления Абд аль-Малика (685–705) один из Барма-

кидов перебрался в Дамаск и благодаря своей учености завоевал в кругу арабской знати большое уважение.

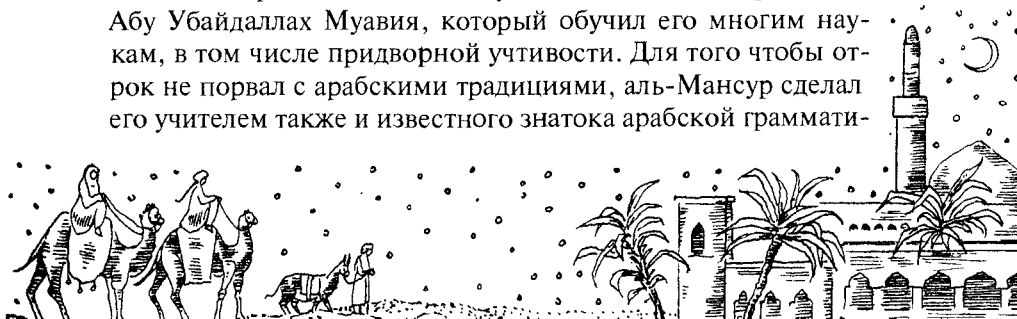
Хотя глава рода Бармакидов Халид в свое время сотрудничал с Алидами — Мухаммадом и Ибрахимом, тем не менее Абу-ль-Аббас, усмотрев в нем дельного и образованного человека, назначил его на важный пост в финансовом ведомстве. При халифе аль-Мансуре Халид был правителем Фарса и Табаристана, а позднее стал вазиром. Сын Халида — Йахья (умер в 805 году) был назначен правителем всех восточных провинций Халифата, а при Харуне ар-Рашиде (786–809) стал всесильным вазиром, управлявшим вместе со своими сыновьями аль-Фаллом и Джафаром всеми делами государства.

Исламское государственное право не знает принципа наследственной передачи власти. Поэтому внутри династии Аббасидов шла постоянная борьба за наследование престола. Аль-Мансур сначала собирался, следуя пожеланию, выказанному еще Абу-ль-Аббасом, назначить своим преемником племянника Ису ибн Мусу, но позднее изменил свои намерения в пользу собственного сына аль-Махди. В этом отношении он шел по стопам Омейядов, обычно стремившихся сохранить власть за своими непосредственными потомками.

Аль-Мансур намеревался закрепить новый принцип престолонаследия, по которому власть халифа должна была переходить в пределах хашимидского рода от одного потомка аль-Аббаса к другому. Поэтому перед смертью аль-Мансур заставил улемов и лиц из своего ближайшего окружения присягнуть в Мекке сыну. Однако о наследнике широко не было объявлено, дабы раньше времени не вызвать протест других членов хашимидского рода.

Халиф аль-Махди и борьба с «зиндикизмом»

Новый халиф аль-Махди (775–785) получил по понятиям того времени хорошее воспитание. Его наставником был образованный и сведущий в политике перс катиб Абу Убайдаллах Муавия, который обучил его многим наукам, в том числе придворной учтивости. Для того чтобы отрок не порвал с арабскими традициями, аль-Мансур сделал его учителем также и известного знатока арабской граммати-

ки и поэзии аль-Муфаддала ад-Дабби (умер в 784 году), который в 756 году составил для своего ученика знаменитую книгу «аль-Муфаддалият» — антологию лучших арабских поэтов. В соответствии со вкусами того времени в антологию вошло 126 поэм, принадлежавших 66 авторам, из которых 60 творили еще в доисламское время. Таким путем аль-Муфаддал рассчитывал привить своему воспитаннику любовь к исконному арабскому поэтическому искусству.

Однако уже начали сказываться новые веяния, связанные с проникновением иноземных влияний в некогда скромный быт арабских властителей. Под влиянием Абу Убайдаллаха аль-Махди завел придворные иранские обычаи, и древневосточный церемониал, характерный для Сасанидов, возродился при нем в арабском облиции. Халиф отделил себя от подданных многочисленной стражей, доступ к нему охранялся особым камердинером — хаджибом. Двор, семья и гарем халифа, придворные и домашние слуги образовывали некий центр империи. В отличие от сурового и достаточно скромного аль-Мансура аль-Махди не вел строгий образ жизни, а любил развлечения в кругу друзей и сотрапезников.

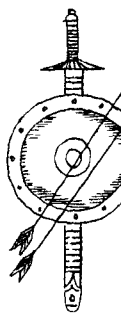
С момента восшествия аль-Махди на престол его наставник Абу Убайдаллах Муавия стал его главным помощником. Вне зависимости от того, как именовался его пост, он фактически играл роль вазира. Он надзирал за государственными финансами и деятельностью всех чиновников, то есть в его руки перешли все важнейшие функции, связанные с управлением государством. При нем и под его влиянием изменилась система налогообложения в сельской местности. Фиксированный налог с земледельцев аль-Махди заменил системой пропорционального обложения, при которой учитывались размеры ежегодного урожая и колебания цен на рынке. Однако вскоре Абу Убайдаллах утратил благорасположение халифа. Его отставка была связана со стремлением аль-Махди обосновать легитимность власти Аббасидов на новой основе.

Как раз в это время, как показали дальнейшие события, среди последователей Зайда ибн Али, внука третьего шиитского имама Хусайна, возглавившего восстание против омейядского халифа Хишама в 740 году и погибшего в сражении с халифским войском, и его племянника имама Джа-

фара ас-Садика (умер в 765 году) складывалась новая теория имамата, согласно которой любой Алид мог за заслуги перед общиной быть избран имамом-халифом. Последствия этих теоретических размышлений стали сказываться позднее при Харуне ар-Рашиде, но уже аль-Махди, по-видимому, ощутил исходящую от этих теорий угрозу правящей династии. Именно поэтому, а также для того, чтобы снискать благорасположение суннитского большинства, он решил в 780 году отказаться от теории, трактующей получение Аббасидами власти на основе завешания Абу Хашима, и обосновать претензии династии на власть наследованием ее от основателя династии аль-Аббаса, признанного главой правоверных самим Пророком.

Дабы смягчить недовольство Алидов этим поворотом в политике, аль-Махди предпринял ряд мер. Прежде всего он объявил амнистию всем участникам хасанидского мятежа, во время которого аль-Мансур расправился с Мухаммадом ибн Абдаллахом и его братом — Ибрахимом. Он неожиданно обвинил своего преданного советника Абу Убайдаллаха в «тайном манихействе», отстранил его от вазирства и назначил на его место Йакуба ибн Дауда из Алидов, объявив его «братом Аллаха» и тем самым удостоверив, что между ним и Йакубом существует «духовное родство».

Между тем Йакуб в прошлом входил в число приближенных Насра ибн Саййара в Хорасане, то есть придерживался четко выраженной проомейядской ориентации, а позднее оказался замешанным в восстании Мухаммада ибн Абдаллаха (762 год) и за это был посажен аль-Мансуром в тюрьму. Теперь аль-Махди его помиловал и назначил на высокий пост. Он рассчитывал, что Йакуб, имеющий большие связи в кругах последователей Зайда ибн Али, поможет ему наладить отношения с шиитами. По стране поползли слухи, что с приходом Йакуба во власть зайдиты будут добиваться высших постов в государстве. Однако всеми этими действиями аль-Махди не сумел привлечь штатских лидеров на свою сторону. Алиды отреклись от Йакуба и объявили его предателем, а новый вазир, не оправдавший надежд аль-Махди, вскоре впал в немилость.

В пестрой по своему религиозному и культурному составу империи, каким был Халифат, неизбежно должна была возникнуть тенденция к возрождению традиционных религиозных верований, а также к появлению различных сектантских и еретических теорий внутри самого исламского общества. Когда Аббасиды пришли к власти, у них возникли проблемы с новыми мусульманами из числа бывших зороастрийцев. Среди обращенных в ислам иранцев были широко распространены чуждые исламу учения. При Омейядах в оппозиционных к арабской власти слоях общества еще сохранялись традиционные верования, которые по мере распространения новой религии все отчетливее заявляли о себе уже в самом исламском обществе. Тех из числа вновь обращенных, кто придерживался чуждых исламу взглядов, традиционалисты именовали зиндиками-еретиками. Багдадские теологи были убеждены, что многие иранцы-мусульмане сохраняют манихейские верования и мечтают лишь о том, чтобы с их помощью разрушить ислам.

Манихейство возникло в Иране в середине III века. Создатель учения Мани (216–276) описывал мир с помощью бинарных противопоставлений: свет — тьма, дух — материя, добро — зло и т. д. Вера в дуализм творения, сложившаяся не без влияния гностических учений (гностицизм — совокупность религиозно-философских учений, в которые формирующаяся христианская догматика включала чуждые христианству языческие верования — учения неоплатоников, пифагорейцев и т. д.), освобождала доброго Бога от ответственности за творящееся в мире зло и предоставляла человеку свободу выбора. Это на практике давало человеку право на независимый подход к исламскому вероучению. Сторонники учения Мани активно занимались прозелитизмом среди горожан и кочевников Восточного Ирана и Мавераннахра.

Термин «зиндик» (на пехлеви «зандик» — «интерпретатор») применялся ортодоксальными зороастрийцами сасанидского государства по отношению к сторонникам манихейского учения за то, что они практиковали «занд» — неортодоксальное толкование священной книги зороастризма — Авесты.

В исламе термин «зиндик» приобрел более широкое значение. Зиндиками-еретиками стали именовать людей, либо

открыто отвергавших ислам (как это было в восточных провинциях Халифата), либо подвергавших критике некоторые его основные доктрины. Зиндик стал особенно преследуемой фигурой с середины VIII века, когда начались активные культурные контакты арабов с Ираном. И во время правления аль-Махди, и при сменивших его халифах исламские традиционалисты воспринимали всякое проявление «зиндикизма» (под которым они чаще всего подразумевали манихейство) как враждебную исламу теологию.

В мусульманском мире не было ортодоксии в том смысле, в каком этот термин понимался в христианстве. Ислам не знал ни организованной церкви, ни, стало быть, иерархизированного духовенства, ни церковных соборов, которые могли бы выносить по спорным богословским вопросам решения, подлежащие неукоснительному выполнению членами общины. Характер мусульманского теократического государства позволял считать законными действия того или иного политического руководителя (халифа, наместника или военачальника, чиновника, судьи и других) лишь в том случае, если можно было доказать, что в аналогичных обстоятельствах именно так действовал сам Пророк или что в его речах содержались соответствующие предписания. Поэтому все истории о деяниях и речениях Пророка — хадисы, собрание которых составляло сунну, — тщательно фиксировались; они легли в основу не только мусульманского права, но и всей жизни средневекового мусульманского общества. Последователей традиции (тех, кто в своих взглядах и действиях строго придерживался предписаний Корана и сунны) именовали салафитами (от «салафа» — «предшествовать, быть раньше»), то есть традиционалистами, а в европейском понимании термина — ортодоксами. Сами традиционалисты именовали себя «сторонниками сунны и общины» (ахл ас-сунна ва-ль-джамаа) или «людьми хадиса» (ахл аль-хадис), и их наиболее последовательные и фанатичные идеологи активно боролись против всякого отступления от буквы Корана и сунны и против любого проявления «зиндикизма», как они его понимали.

Недоверие к новым мусульманам (мавали) было широко распространено среди теологов. В сознании традиционалистов, которые внесли свой вклад в свержение Омейядов, но

вая династия обязана была защищать старинные исламские традиции, истинными носителями которых могли быть, по их представлению, в первую очередь арабы. Мавали же, воспринявшие язык арабов и новую веру путем обращения, вся процедура которого сводилась лишь к простому повторению символа веры, по мнению их недоброжелателей, делали это не по сердечному влечению, а лишь для того, чтобы обрести богатство и власть. Их подозревали в том, что они втайне придерживались старых верований. И действительно, во многих иранских семьях еще сохранялись традиция и практика зороастризма и манихейства.

По мнению строгих мусульман, истинное исламское благочестие было неведомо мавали. Арабский писатель и теолог аль-Джахиз (775–868) писал, что не было такого писца из мавали, который имел бы привычку держать Коран возле своей постели, то есть постоянно заниматься чтением священных текстов. При этом любопытно, что в то время как в Багдаде и вообще в Ираке в «зиндикизме» обвиняли за всякое проявление распущенности, в Хорасане и в других иранских областях подобное обвинение предъявлялось, наоборот, сторонникам крайних форм аскетизма. Особенно возмущались благочестивые традиционалисты гедонистическим стилем жизни в столице, усвоенным под влиянием иранских придворных традиций. Они обвиняли в «зиндикизме» тех, кто, по их мнению, более всего был виновен в нарушении исламского благочестия, причем такие обвинения не всегда были связаны с теологическими принципами, но чаще они носили характер риторического осуждения распущенности нравов.

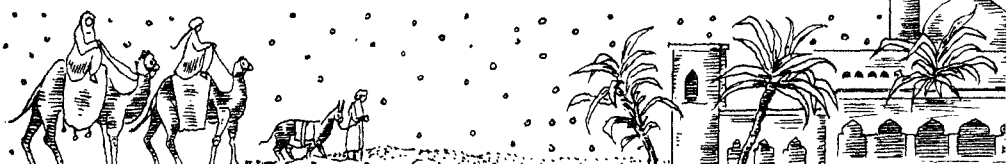
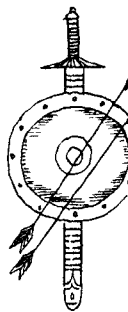
Восстание аль-Муканны

В восточных провинциях Халифата многие люди открыто отказывались принять ислам; религиозно-политические движения не маскировались здесь верностью учению Пророка, а вступали в вооруженную борьбу с властями. Их идеология, даже если она не была манихейством, содержала элементы манихейско-гностических и других восточных вероучений, выражавшиеся в четком дуализме и в жестких формах аскетизма.

Постепенно «зиндикизм» в разных видах стал распространяться все более открыто не только на востоке, в иранских провинциях, но и среди образованных людей Багдада, значительную часть которых составляло чиновничество из мавов. Этому способствовало возрастающее участие иранцев в администрации и культурной жизни центральных областей Халифата, которые были охвачены иранским «культурным национализмом» (шуубией). Споры о приоритете в области культуры происходили в различных литературных кружках вплоть до XI века. В этой среде и процветали различные манихейско-гностические идеи. Арабский историк и географ аль-Масуди (умер в 956 году) свидетельствует, что произведения Мани, гностиков Бар Дайсана и Маркиона широко циркулировали в арабских переводах и об их религиозных системах писались трактаты.

В восточных частях Халифата (Иране, Мавераннахре, Закавказье) вторая половина VIII века и весь IX век прошли под знаком почти непрерывных, преимущественно крестьянских, восстаний, носивших национальный характер и направленных против арабского господства. Идеологической оболочкой этих восстаний было учение хуррамитов, которых именовали также маздакитами. Маздак (V—VI века), зороастрийский жрец-мабед, создал учение, в котором объединил элементы зороастризма, манихейства и некоторых христианских сект. Хуррамиты восприняли учение Маздака, дополнив его идеями, позаимствованными у крайних шиитов. Именно от шиитов хуррамиты усвоили теорию о непрерывном воплощении Бога в людях, сперва в пророках от Адама до Мухаммада, а потом в хуррамитских пророках-вождях. Есть предположение, что сам термин «хуррамия» ведет свое происхождение от персидского слова «хуррем» («ясный, светлый») или от «хур» («хвар») — «солнце, огонь».

Одно из наиболее длительных хуррамитских восстаний разразилось во второй половине VIII века при халифе аль-Махди. После казни в 754 году Абу Муслима в восточных областях Халифата многие проповедники претендовали на роль его преемников. Таким был Хашим ибн Хаким, уроженец Хорасана, в прошлом один из сподвижников Абу Муслима. Хашима называли аль-Муканной (носящим покрывало),

ибо он прикрывал свое лицо, как говорили его последователи, чтобы спасти своих сподвижников от непереносимого сияния, а его противники — чтобы люди не видели его безобразной внешности. Аль-Муканна был старым врагом Аббасидов и еще при халифе аль-Мансуре за свою деятельность был схвачен в Мерве и заточен в тюрьму в Багдаде, откуда бежал.

Еще до появления аль-Муканны в Мавераннахре значительная часть Средней Азии и Северо-Восточного Ирана была охвачена антиарабским восстанием «людей в белых одеяниях», получивших такое наименование за одежду, в которую они облачались.

Прибыв в 776 году в Мавераннахр, аль-Муканна начал выступать с проповедями. Он привлек к себе множество сторонников, главным образом из числа сельских жителей, и стал во главе восстания. Себя аль-Муканна выдавал за последнее воплощение божественного духа на земле и призывал бороться с арабами и исламом. Он утверждал, что способность к пророческой деятельности эманировала от Всевышнего и сперва манифестировалась в библейских пророках, затем в Иисусе Христе и Мухаммаде, затем в Абу Муслиме, а теперь перешла к нему. В своих проповедях он учил, что извечно существует борьба добра со злом, света и тьмы, причем господствующие порядки он отождествлял со злом, а свет добра искал в патриархальном прошлом.

Восстание аль-Муканны в значительной мере инспирировалось крайними формами шиитской идеологии и подкреплялось социальными требованиями. Идеализируя прошлое, сторонники аль-Муканны представляли себе свободный общинный строй золотым веком всеобщего равенства и изобилия. Основной причиной зла они считали феодальную собственность на землю и стремились заменить ее собственностью общинной, то есть восстановить древние порядки, при которых их предки не страдали от власти землевладельцев и лихоимства сборщиков податей.

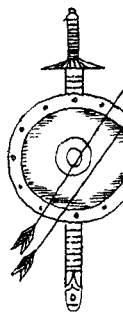
Таким образом, в движении аль-Муканны сложно сочетались социальные, национальные и религиозные элементы. Но власти Багдада были склонны игнорировать социальные элементы, а в религиозных идеях видели в первую очередь угрозу господству династии и исламу, как со стороны пре-

тендовавших на власть Алидов, так и со стороны возрождающегося манихейства, элементы которого легко можно было обнаружить в проповедях аль-Муканны. Поэтому халиф начал поход против «зандака», которое понималось как манихейство, для чего учредил специальный суд или инквизицию «михну» (от глагола «махана» — «подвергать тяжелому испытанию»). Ранее обвинение в «зиндикизме» было предъявлено чиновнику и образованному литератору Абдаллаху ибн аль-Мукаффе. Ныне инквизиция обрушилась на Абу Убайдаллаха и других лиц с тем же обвинением.

На первых порах аль-Муканне сопутствовал успех. Он сумел захватить Бухару, но удержать город не смог. Тогда он соорудил в горах крепость, в которой много лет сопротивлялся аббасидскому войску. В конце концов аль-Махди сам стал во главе военной операции, и в 783 году крепость пала, а аль-Муканна и его сподвижники покончили с собой.

Аль-Махди умер в 785 году, и после его смерти началась обычная в истории Халифата борьба между претендентами на престол. Один из сыновей аль-Махди — Муса аль-Хади был в это время правителем Джурджана, а второй — Харун ар-Рашид — Азербайджана и Армении. Каждый из претендентов имел собственную администрацию и советников, готовых бороться за власть своего патрона. Аль-Махди понимал, что после его смерти может возникнуть кровавая междоусобица. Поэтому перед смертью он отправился в Джурджан с намерением уговорить Мусу аль-Хади, которого первоначально намерялся в преемники, отказаться от престола в пользу Харуна. Неожиданная смерть аль-Махди в дороге нарушила его планы и привела аль-Хади к власти (785–786).

Хотя Харун добровольно признал аль-Хади халифом, поползли слухи, что тот вознамерился убить возможного соперника. Тогда в дело вмешалась мать обоих претендентов Хайзуран. По каким-то причинам она сочла для себя более выгодным передать власть в руки Харуна ар-Рашида (786–809) и отравила аль-Хади. С приходом Харуна к власти Хайзуран обрела огромное влияние в политической жизни государства и пользовалась им до самой смерти в 790 году. Что же до аль-Хади, то за год своего правления он успел войти в историю как виновник жестокой расправы над алидскими

лидерами близ Мекки в 786 году, что, возможно, было одной из главных причин, побудивших Хайзуран к столь решительным действиям.

Харун ар-Рашид и Бармакиды

С приходом к власти Харун столкнулся со множеством проблем. В последние десятилетия VIII века в Халифате все больше давали о себе знать региональные различия. Происходила консолидация старых и образование новых региональных этнических общностей, и роль арабов в качестве объединяющей империю военной силы заметно сокращалась. Иранские провинции и Магриб непрерывно пребывали в состоянии волнения, а северные провинции Халифата все сильнее ощущали угрозу со стороны византийских императоров.

Начатая еще при Омейядах политика, направленная на укрепление центральной монархической власти и организацию государственного управления по сасанидскому образцу, была успешно продолжена при Аббасидах, в частности при Харуне ар-Рашиде. Поскольку Аббасиды пришли к власти при поддержке иранских военных формирований, роль иранской военщины в государстве и армии стала преобладающей. Персы-хорасанцы, принятые в семью Аббасидов в качестве так называемых «сыновей», образовали основное военное ядро аббасидской армии. Это освободило халифскую власть от постоянного давления арабско-бедуинского войска, сохранявшего племенную структуру и вмешивавшегося в государственные дела, как это было при Омейядах. Упадок престижа и роли арабских племенных ополчений нашел свое выражение в сокращении вознаграждения арабским воинам (мука-тилун). Пенсии стали выплачиваться не всем несущим военную службу арабам, но только представителям исламской аристократии из рода хашим и Алидам.

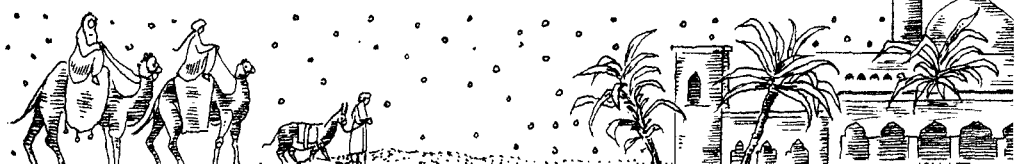
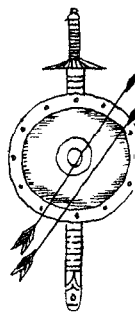
Другим симптомом падения роли арабов в центральной администрации было появление на халифском престоле в результате рождения наследников от жен халифов и их рабынь-наложниц неарабского происхождения правителей смешанных кровей. Так, мать Харуна ар-Рашида Хайзуран

была наложницей аль-Махди, купленной для него у торговца.

Подобно отцу, Харун ар-Рашид вступил на престол, окруженный целой армией иранских советников и секретарей, готовых приложить все свое умение, чтобы наладить государственную машину. Многие мавали начинали свою карьеру с самых низших должностей и постепенно доходили до вершин власти, таща за собой целую цепочку клиентов-чиновников. Все они были преданны правящей династии, от которой полностью зависело их благополучие.

Секретари-катибы были образованны как в духе арабской, так и иранской традиции. Еще при Омейядах первый крупный арабский прозаик иранец Абдаллах Ибн аль-Мукаффа переводил с персидского на арабский дидактические иранские сочинения, желая ознакомить арабскую знать со своей родной культурой и «цивилизовать» арабских правителей, демонстрируя преимущества иранской государственно-административной организации. Свое культурное превосходство и пренебрежение к исконным арабским традициям выражали часто поэты из мавали, за что порой расплачивались жизнью. Тяжелая судьба выпала на долю казненного по приказу аль-Махди поэта-слепца, перса Башшара ибн Бурда (714–783), дерзко писавшего, обращаясь к арабам: «Неужели ты, сын пастуха, рожденный женой пастуха, пытаешься соперничать в славе с племенем благородных? Ты обречен на неудачу! Ведь прежде, когда ты хотел пить, ты лакал воду вместе с собакой из дождевой канавы!» Башшару ибн Бурду вторил другой поэт-панегирист, живший при дворе Харуна ар-Рашида и аль-Амина, — Абу Нувас (умер около 813 года): «Мне говорят: “Вспомнил бы ты в стихах кочевье племени асад! Да не будет обильно твое молоко! Скажи, что это за племя асад? Не заимствуй у бедуинов ни их развлечений, ни их образа жизни. Ведь жизнь их — бесплодная земля... Куда там кочевью до дворцов Хосрова!”»

Важнейшим свидетельством роста влияния иранцев на дела Халифата может служить возвышение Бармакидов. Глава рода Йахья ибн Халид, выдвинувшийся еще во времена правления аль-Махди, занял при Харуне ар-Рашиде место главного советника. Именно ему Харун ар-Рашид был обязан своим

спасением при халифе аль-Хади и, взойдя на престол, доверил ему ведение всех государственных дел. Предшественники Харуна также заводили помощников из мавали, однако никто и никогда при Аббасидах не обладал такой властью в государстве, как Йахья. У Йахьи хранилась личная печать халифа, он принимал жалобщиков и имел решающий голос при всех назначениях высокопоставленных чиновников, вплоть до эмиров в провинции. На протяжении первых семнадцати лет правления Харуна ар-Рашида Бармакиды управляли всеми делами огромного государства, и именно им халиф в значительной степени был обязан процветанием империи.

Йахья несомненно обладал выдающимся талантом государственного мужа, но прочностью своего положения он в значительной мере был обязан поддержке Хайзуран, которая видела в нем ценнейшего помощника во всех делах. Сыновья Йахьи также занимали высокие посты. Кроме того, что они были наставниками сыновей Харуна (аль-Фадл — аль-Амина, Джафар — аль-Мамуна), они неоднократно назначались губернаторами провинций. Аль-Фадл управлял пограничными областями Западного Ирана, одно время заведовал администрацией в Хорасане (792–796), где сумел навести порядок и организовать ирригационное строительство, чем способствовал процветанию области. Позднее он был наместником Ирака, Центрального Ирана, Табаристана, Азербайджана и Армении (796–802). При нем власть мусульманского государства укрепилась в Мавераннахре. Его возвышению помогало то, что он был молочным братом самого Харуна ар-Рашида.

Джафар был человеком совершенно иного склада. Правда, он также временами управлял Египтом, Сирией, а позднее и Хорасаном, но в провинции выезжать не любил, обычно жил в Багдаде. Харун ар-Рашид ценил общество Джафара, его остроумие, образованность и умение себя вести, часто приглашал его во дворец и сделал его своим собеседником и со-трапезником (надимом).

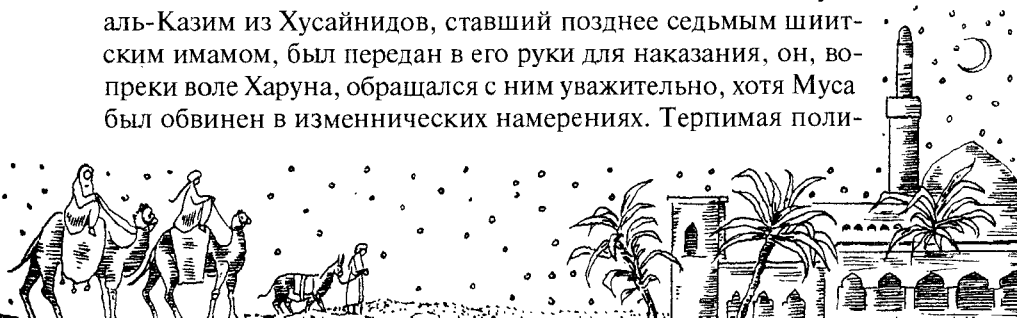
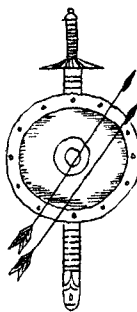
Мудрые и опытные политики, Бармакиды всячески старались добиться консолидации в мусульманском обществе, дабы предотвратить возможный распад государства. Предметом их особого беспокойства было положение в восточных областях Халифата, а также проблема взаимоотношений правя-

шей династии с Алидами, к которым они старались проявлять максимум снисходительности даже в тех случаях, когда те открыто демонстрировали оппозицию властям.

Особое внимание Бармакиды уделяли иранским областям империи. В силу своего происхождения они, вероятно, сочувствовали возрождению национальных чувств в Хорасане и других восточных областях и были озабочены тем, чтобы улучшить условия жизни обитателей этих провинций. Порой это вызывало недовольство Харуна, с подозрением наблюдавшего за процессами национального подъема в иранских провинциях империи. В условиях возрождения сасанидских государственных традиций и придворного церемониала Бармакиды служили при халифском дворе как бы живым воплощением бывшего иранского блеска. Их богатство, щедрость и великодушные снискали симпатии современников, что часто вызывало в душе халифа чувство досады. И хотя Бармакиды полностью предоставляли свой административный талант в распоряжение халифа, в сознании Харуна постепенно созревала мысль о том, что, исходя из его политических целей и для защиты личной самодержавной власти от возможного посягательства могущественного рода, ему следует избавиться от Бармакидов.

Подобно аль-Мансуру и аль-Махди, Харун ар-Рашид более всего опасался Алидов и вел за ними постоянное наблюдение. Он принял ряд мер, чтобы пресечь выступления Алидов против правящей династии. Один из Алидов, Йахья ибн Абдаллах, брат Мухаммада ибн Абдаллаха, в свое время поднявшего восстание против Аббасидов и погибшего в сражении с войском Исы ибн Мусы в 762 году, попытался создать в 792 году в Дайламе и Табаристане независимый эмират. Его поддержал через своего посланца Бармакид аль-Фадл. Позднее аль-Фадл от Йахьи отрекся и посоветовал ему сдать халифской армии. Йахья получил от Харуна обещание безопасности (аман), но после приезда в Багдад был заключен в тюрьму, где и умер.

В дальнейшем аль-Фадл также вел себя довольно двусмысленно и независимо по отношению к Алидам. Когда Муса аль-Казим из Хусайнидов, ставший позднее седьмым шиитским имамом, был передан в его руки для наказания, он, вопреки воле Харуна, обращался с ним уважительно, хотя Муса был обвинен в изменнических намерениях. Терпимая поли-

тика Бармакидов по отношению к Алидам вызывала недовольство Харуна. В гневе он даже лишил аль-Фадла всех полномочий и отстранил его от власти. Аль-Фадла спасло лишь заступничество его отца Йахьи и то обстоятельство, что, испугавшись, он сам отдал приказ о казни Мусы. Тем не менее еще за четыре года до окончательной расправы с Бармакидами аль-Фадл был посажен под домашний арест. Это был первый сигнал усиливающейся враждебности халифа к пользовавшемуся уважением во всех слоях общества роду.

В 790 году умерла покровительствовавшая Бармакидам мать халифа — Хайзуран, и Харун получил большую свободу действий в управлении страной. Поскольку сыновьям Йахьи — аль-Фадлу и Джафару было поручено воспитание наследников престола, Харун, видимо, опасался, что после его смерти они могут возглавить государственную политику.

Однажды ночью в 803 году Харун неожиданно приказал схватить и казнить своего советника Джафара, а вазира Йахью и его второго сына аль-Фадла бросить в тюрьму, где они и умерли. Нет сомнения в том, что Харун давно готовил эту операцию и неожиданной она показалась лишь людям, слабо осведомленным в придворной кухне. Жестокая расправа над Бармакидами, так поразившая современников, была следствием давно назревавшего конфликта.

Традиция сохранила образ Бармакидов как людей щедрых и великодушных, покровительствовавших ученым и поэтам. Они стали легендарными персонажами средневекового фольклора, сказок и новелл «Тысячи и одной ночи», как и сам Харун ар-Рашид, хотя образ халифа в народной литературе существенно отличается от своего реального прототипа.

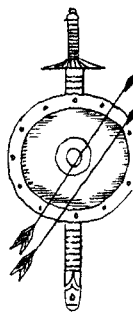
Преемником Бармакидов явился некий аль-Фадл ибн ар-Рабаи, сын одного из хаджибов (привратников) аль-Мансура. Это был завистливый интриган, сыгравший, видимо, немалую роль в падении Бармакидов. Его место при Харуне было значительно скромнее, ибо халиф сам решал важнейшие государственные дела. Факт выдвижения нового помощника лишний раз свидетельствовал о том, что ни один из халифов Аббасидской династии не был в состоянии управлять страной без хорошо подготовленной администрации и чиновников из мавали.

Внешняя политика Аббасидов не была столь активной, как политика Омейядов. В отличие от предшественников Аббасиды не предпринимали больших завоеваний. Только как бы по инерции, чтобы не допустить проникновение китайцев в Среднюю Азию и желая удержать эту богатейшую провинцию в своих руках, они предприняли поход на восток. В 751 году мусульманская армия сразилась с китайским войском династии Тан и ее тюркскими союзниками у реки Талас. Китайцы потерпели поражение, и многие китайские пленные были угнаны в Самарканд. Среди них были мастера по изготовлению бумаги; к 800 году это искусство проникло в Багдад, где бумага вскоре заменила дорогостоящий пергамент во всех сферах делопроизводства и культуры.

Во времена Харуна ар-Рашида Аббасидское государство считалось одним из могущественнейших в тогдашнем мире. Нет возможности выяснить причины отправки Карлом Великим двукратных посольств ко двору халифа, но известно, что их результатом было получение Римской церковью некоторых привилегий в Иерусалиме. Дружеские отношения двух правителей скреплялись общей неприязнью к омейядской Испании. Эти посольства дали повод Харуну отправить Карлу Великому ряд ценных подарков, среди которых, согласно легенде, фигурировал и слон.

Иначе складывались отношения Харуна ар-Рашида с Византией. Война с Византией в Северной Сирии, Анатолии и Иране при первых Аббасидах носила характер взаимных набегов с захватом добычи и угоном пленных, но не приводила к крупным завоеваниям. Харун ар-Рашид пытался активизировать военные действия. Еще когда он был наследником, отец поручил ему проведение ряда военных операций, в чем ему помогали Бармакиды Йахья и Халид. Придя к власти, он сначала довольствовался лишь защитными мерами и восстанавливал разрушенные крепости вдоль границ с Анатолией.

По приказу Харуна ар-Рашида пограничные с Византией районы («авасим») исключались из местного административного ведения и выделялись в особые пограничные области со своими военачальниками. Вдоль средиземноморского побережья была сооружена цепочка крепостей. В течение ряда лет военачальники Харуна успешно воевали с Византи-

ей и в 794 году на короткий срок даже достигли берегов Черного моря. Однако византийцам без особого труда удавалось удерживать фланги Анатолии, так как они владели островами Кипр, Родос и Крит. В результате кампании Харун сумел по договору 798 года добиться лишь незначительных территориальных уступок от императрицы Ирины. Однако новый император Никифор I (802–811) от договора отказался, и Харуну пришлось лично возглавить новый поход против Византии.

Незначительные успехи Харуна, расположившегося с армией в Ракке, существенно не изменили военную обстановку, война затянулась, и у халифа не оказалось сил, чтобы нанести Византии решающее поражение. А в 805 году Харун вынужден был вообще прекратить кампанию в Анатолии из-за волнений в Хорасане. Стали сбываться предостережения Бармакидов. В свое время аль-Фадл успешно управлял Хорасаном, но Харун заменил его начальником багдадской гвардии Али ибн Исой ибн Маханом, притеснявшим жителей налогами, часть которых отправлял не в казну, а лично Харуну.

Чтобы успокоить хорасанцев, Харун в 805 году прибыл в провинцию, но наместника не сместил, в результате чего в 806 году в Хорасане вспыхнули серьезные волнения, которые возглавил внук омейядского правителя Насра ибн Саййара — Рафи ибн Лайс. Он сумел собрать вокруг себя иранцев и тюрок из Мавераннахра и в 808 году захватил Самарканд. Харун вынужден был двинуться с войском против повстанцев, но по дороге умер в Тусе в 809 году.

Глава 3

Религиозно-философские течения
и мусульманское право
в первые века ислама

Хариджиты и мурджииты

Вскоре после смерти пророка Мухаммада перед руководителями мусульманской общины стали возникать различные проблемы богословского характера. Новая религия

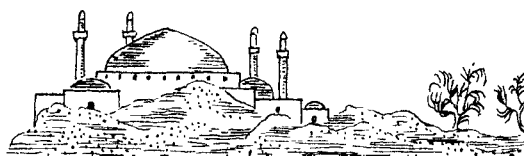
быстро распространялась, но преемники Пророка не могли претендовать на харизматическую роль учителей, способных давать ответы на порожденные новой исторической обстановкой вопросы, решение которых было необходимо не только с религиозной, но и с чисто практической, часто политической точки зрения.

Как и христианское, исламское вероучение складывалось постепенно на протяжении длительного времени. Почти через столетие после смерти Пророка, на рубеже VIII—IX веков, в исламском мире стали появляться кружки, в которых обсуждались проблемы греха, предопределения и свободы воли, природы Аллаха и его атрибутов. Подобные дискуссии велись главным образом в Багдаде и Басре, чему способствовало присутствие в этих городах большого числа новых мусульман из местного арамейского и пришлого иранского населения.

Первый, возникший в недрах исламской общины богословский спор был связан с различным пониманием «греховности» и «суверенитета общины». Инициаторами этого спора были последователи самой ранней в исламе религиозно-политической партии, образовавшейся в Халифате в ходе борьбы за власть между сторонниками четвертого «праведного» халифа Али и его противниками из династии Омейядов. Несогласные с политикой и поведением Али покинули его военный лагерь и «отделились» («хараджа»). Эти первые раскольники в исламе получили наименование «хариджитов», то есть «отделившихся» или «отколовшихся».

В раннем исламе сложилось представление о том, что грехи бывают «тяжкими» и «малыми». Самым великим грехом считалось неверие. Возник вопрос, можно ли считать мусульманином человека, совершившего «тяжкий грех». Хариджиты считали, что такой человек перестает быть мусульманином, должен рассматриваться как вероотступник и подлежит наказанию смертью.

Поставленная хариджитами проблема имела одновременно и догматический, и политический смысл, ибо мусульманская держава была теократическим государством, а халиф был одновременно и политическим и религиозным главой. Требуя от правителя совершения праведных дел и искрен-

ности в вере, хариджиты тем самым подняли вопрос о соотношении политической деятельности и религиозной совести. Поскольку, по их понятию, ни Омейяды, ни Аббасиды не были безгрешными, они не имели морального права стоять во главе общины, ибо хариджиты считали халифов из этих династий узурпаторами и тиранами, утверждали, что они совершили тяжкий грех, развязав войну внутри мусульманской общины, что они лицемеры, принявшие ислам из корыстных соображений, а не по велению сердца, и что с ними нужно вести войну как с неверными.

С понятием греховности была тесно связана проблема суверенитета исламской общины. Хариджиты настаивали на возвращении к ранним формам теократии, то есть к такому устройству общины, при котором власть принадлежала бы искреннейшим и преданнейшим носителям веры, и на праве всех членов общины принимать участие в решении государственных вопросов. Умма — община, принадлежащая всем, кто принял ислам. Хариджиты считали, что халиф должен получать власть только выборным путем, причем, если он проводил политику, не соответствовавшую предписаниям Корана и интересам общины, его, согласно учению хариджитов, можно было низложить и даже убить. Халиф не обязательно должен был происходить из племени курайш — им мог быть избран кто угодно, даже не араб, но всякий, кто искренен в своей вере и готов с оружием в руках ее защищать.

Еще во второй половине VII века в среде хариджитов произошел раскол. Около 685 года в Басре сложилось более умеренное крыло, получившее название ибадитов, по имени одного из его организаторов и идеологов Абдаллаха ибн Ибада. Ибадиты заняли более лояльную позицию по отношению к правящей династии и старались ужиться с существующей властью. Постепенно ибадиты распространили свое влияние почти во все области Халифата.

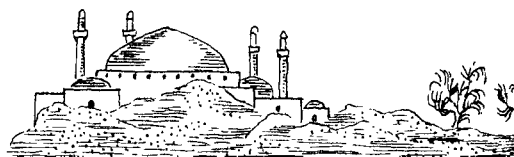
Более радикальное крыло хариджитов — азракиты, идеологом которых был некий Нафи ибн аль-Азрак (умер в 683 году), действовали в Восточном Иране до конца VIII века и доставляли багдадским властям много хлопот. Азракиты призывали мусульман к радикальному очищению ислама от всех нарушителей исламских законов, как они их понимали. Наруши-

телей надлежало изгонять из общины как «неверных» и убивать со всеми их женами и детьми. Экстремизм азракитов оттолкнул от них большинство мусульман, и к IX веку эта секта сошла на нет.

Большинство мусульман не восприняло хариджитского максимализма, полагая, что мусульманская вера (иман) требует, чтобы люди жили в соответствии с законами ислама в той мере, в какой это возможно. Признавая связь между исламской верой и совершаемыми во имя ее благими делами, мусульмане в своем большинстве не считали, что вера и строгое праведное поведение — понятия идентичные. Поэтому даже закоренелые враги Омейядов сочли за лучшее ради единства общины примириться с их властью и отвергнуть экстремистские теории хариджитов, предъявлявших правоверным невыполнимые и разрушительные для общины требования.

Однако не только традиционалисты, «люди сунны и общины» (ахл ас-сунна ва-ль-джамаа), выступили против хариджитов во имя сохранения исламского единства. Они не нашли поддержки и среди исламской аристократии — Алидов. Так, один из внуков Али — Хасан ибн Мухаммад ибн аль-Ханафия создал теорию «ирджа» («откладывания»), согласно которой решение о греховности того или иного человека «откладывалось» до вынесения приговора самим Аллахом, ибо лишь Ему одному было доступно знание того, что творится в душе человека и в какой мере человек искренен в вере. Теологи-традиционалисты восприняли эту теорию, сторонников которой называли мурджиитами, и было признано, что даже человек, совершивший тяжкий грех, остается мусульманином.

Таким образом, мурджииты не отождествляли политику с моралью, что создавало в их теории неразрешимое противоречие. В политике они были детерминистами и не признавали ответственности человека за его действия, поскольку все свершается по воле Аллаха. В области же морали они, напротив, требовали от мусульманина справедливости и достойного поведения, возлагали на человека ответственность за его поступки и лишь «откладывали» окончательный приговор до решения самого Аллаха.

Джабриты и кадариты

Со спором о том, остается ли человек, виновный в тяжком грехе, мусульманином, теснейшим образом был связан вопрос о предопределении и «свободе воли», о том, в какой мере действия человека определяются божественной волей и как совместить божественное предвидение и благодать с наличием в мире зла. В примитивной среде древних аравитян, равно как и на ранней стадии распространения ислама, внутренняя противоречивость учения о предопределении еще не осознавалась. Доисламские язычники помещали своих богов внутри космоса и тем самым делали их жертвами внутрикосмической несвободы. Их возмущала не сама совершавшаяся несправедливость (ведь все было во власти слепого рока), а то, что она оставалась без возмездия. К древним богам странно было бы предъявлять претензии за наличие в мире физического и морального зла, но от них можно было требовать того же, что и от добросовестного земного судьи или старейшины, — справедливого распределения наград и наказаний. Так же на первых порах трактовалась и власть Аллаха.

Но когда ислам стал распространяться в странах с древними эллинистическими и иранскими религиозно-философскими представлениями и традициями, учение об абсолютной предопределенности всего происходящего стало приводить в смущение многих вновь обращенных. Вчерашние византийские христиане, восприняв ислам, привнесли в мусульманскую религиозную мысль новую проблематику.

В Коране Аллах предстает как сверхприродная духовная личность, создавшая этот мир и управляющая им. Хотя Пророк призывал людей свободно следовать новой вере, он добавлял к этому призыву обещание посмертной награды подчинившимся и принявшим новую веру и угрозы посмертного наказания тем, кто ее отвергнет. Поэтому одним из первых в монотеистическом исламе возник вопрос о предопределении, о совместимости существования единовластного Бога с присутствием в мире зла.

Спор о «свободе воли», по-видимому, перешел в исламскую теологию из христианства. Еще виднейший из западных Отцов Церкви Блаженный Августин (354–430) задавался

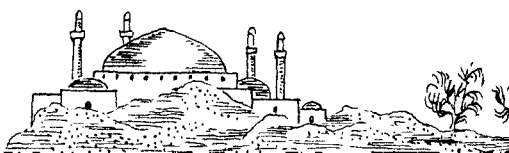
этим вопросом и утверждал, что воля Божья предваряет всякое творение. Действительность, согласно его учению, полна чудес, непостижимых для человеческого ума событий и явлений, за которыми скрывается воля Творца. В исламе сторонники учения об абсолютном предопределении получили наименование «джабриты» (от слова «джабр» — «принуждение, насилие»). Свои представления об обусловленности всех поступков человека, равно как и всего того, что происходит на белом свете, божественной волей джабриты основывали на соответствующих текстах Корана.

В Коране неоднократно повторялось, что Бог есть творец людей со всеми их помыслами и действиями. Но в то же время Коран налагал на людей ответственность за их грехи и дурные поступки, угрожая наказанием в загробной жизни. Мухаммад не объяснял, каким образом человек, будучи неволен в своих поступках, должен отвечать за них. Но Мухаммад не был теологом, он был проповедником и политиком. Разъяснить это противоречие должны были теологи и интерпретаторы священного текста.

Учение джабритов о предопределенности человеческих поступков божественной волей имело практическое значение, ибо на его основании утверждалось правомочие любых лиц или групп, добившихся политической власти, начиная с Мухаммада и первых «праведных» халифов и до Омейядов. Догмат предопределения оказался важным духовным оружием в период завоевательных войн, так как из него можно было вывести, что, какая бы опасность ни угрожала мусульманину, он не погибнет, если это ему не предопределено, и потому вел к фатализму и бесстрашию.

Против сторонников абсолютного детерминизма выступили кадариты («кадар» — «могущество, власть», что понималось как власть человека над своими поступками, то есть «свобода воли»). Согласно учению кадаритов, Аллах передает свои приказания Пророку посредством откровений, а человек волен прислушиваться к его повелениям или их нарушать, за что его и ожидает соответствующее вознаграждение или наказание.

В отличие от джабритов, кадариты не желали оправдывать всякую власть божественным предназначением и суди-

ли имама как знатока и исполнителя предначертаний Корана и сунны. Они осуждали поздних Омейядов, исходя не столько из политических, сколько из моральных соображений. Позиция кадаритов была воспринята человеком, стоявшим у истоков религиозных и интеллектуальных движений в исламе, — Хасаном аль-Басри (умер в 728 году), который безжалостно и открыто разоблачал аморализм, царивший в его время при дворе омейядских халифов.

Омейяды обладали абсолютной властью в государстве, но никогда не претендовали на контроль за исламской идеологией, которая оставалась в ведении либо священнослужителей Мекки и Медины, либо политических противников правящей династии. Придя к власти, Аббасиды начали претендовать не только на абсолютную политическую власть, но и на идеологический контроль над исламским обществом. При Аббасидах проблема «предопределения» несколько усложнилась. Тезис о «свободе воли» все еще вызывал в среде теологов догматические споры, но рамки теологических дискуссий расширились и постепенно стали включать ряд вопросов, позднее получивших освещение в основных положениях мутазилитского калама (об этом см. далее).

Бармакиды проявляли большой интерес к религиозно-философским движениям. Они покровительствовали диспутам на теологические, философские и политические темы. Подозрительный же от природы Харун был настолько преисполнен чувства превосходства над своими неарабскими министрами, что не придавал этим диспутам особого значения и всецело находился под влиянием исламских традиционалистов, полагая, что поиски религиозных истин полностью находятся в их компетенции. Весьма образованный в религиозных вопросах, он приближал ко двору теологов-юристов догматического направления, совершал с ними паломничество в Мекку и брал их в походы против христианской Византии. В вопросе о «свободе воли» Харун ар-Рашид занимал ту же позицию, что и Омейяды, но в отличие от Омейядов он не раз вмешивался в полемику. Так, одного из кадаритских теологов, багдадца Бишра аль-Мариси (умер в 833 году), он заточил в тюрьму. Преследовал он и одного из ранних сторонников мутазилитского калама Бишра ибн аль-Мутамира (умер

в середине IX века) и его ученика Сумаму ан-Нумайри, которого арестовали по обвинению в зиндикизме.

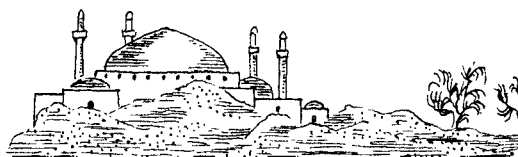
Стремясь сделать свою столицу не только центром могущественного государства, но и средоточием культурной жизни, Харун ар-Рашид всячески поощрял стремление бармакидских министров покровительствовать деятельности переводчиков, знакомивших образованную часть арабо-мусульманского общества с сочинениями индийских, иранских, а позднее и греческих авторов. По-видимому, по мере культурного развития городов возрастала потребность мусульманской интеллигенции в ознакомлении с культурой соседних народов. При этом следует также учесть, что подавляющую часть образованных горожан составляли мавали, для которых эта культура не была чуждой.

Парадокс заключался в том, что, придерживаясь близкой традиционалистам точки зрения на складывавшиеся принципы исламской догматики, Харун ар-Рашид, видимо, не отдавал себе отчета в существовании связи между интенсивной переводческой деятельностью и проникновением в ислам иноземных представлений культурного и религиозного характера, то есть негативными, по его понятиям, последствиями поощрявшейся им интеллектуальной космополитической терпимости и открытости.

А между тем привнесение в ислам некоторых традиционных элементов древней иранской культуры придало новые силы иранскому национализму и породило споры между арабами и иранцами о культурном приоритете. Проникновение же в ислам эллинистических философских традиций способствовало возникновению рационалистической исламской теологии, которую Харун ар-Рашид оценивал как проалидскую и поэтому политически опасную для его династии. Таким образом, Харун ар-Рашид оказался вовлеченным в борьбу исламского традиционализма и культурно-религиозного модернизма, начавшуюся еще до его вступления на трон, но в его время ставшую явной и напряженной.

Возникновение мусульманского права

Ранние Аббасиды не ограничивались вторжением в сферу исламского богословия, они попытались также устано-

вить контроль и над исламским законоведением. Основной мусульманский закон, мусульманское право — шариат — начал складываться незадолго до прихода Аббасидов к власти. Шариат включал всю совокупность юридических норм, принципов и правил поведения мусульманина в быту и в религиозной жизни, соблюдение которых соответствовало божественной воле, высказанной в Коране и в сунне. Шариат должен был регулировать все внешние формы отношения мусульман к Аллаху и друг к другу и определять наказания за их нарушения.

Во время борьбы за власть Аббасиды заигрывали с экстремистами из шиитского лагеря, но, укрепившись, они решительно отвергли шиитскую идеологию и прочно стали на путь союза с консервативными улемами-традиционалистами, в отличие от их предшественников Омейядов, которые не контролировали деятельность этих улемов и не стремились привлечь их на свою сторону. Теперь халиф должен был управлять уммой не только в силу своих личных привилегий, но как восприемник пророка Аллаха. В качестве образца поведения Аббасиды избрали стиль сасанидских предшественников, быстро трансформировав модель племенного «шейха» в сасанидского «шаха».

Разработкой принципов интерпретации и конкретного использования Корана и сунны для решения практических вопросов (фикхом) занимались мусульманские юристы — факихи. Поскольку исламское государство было теократическим, факихи были одновременно и законоведами, и теологами, исходившими в своих определениях из священных текстов.

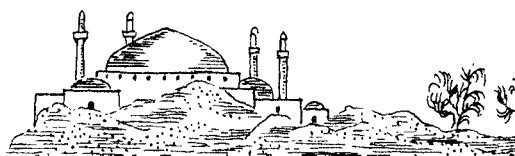
В первые десятилетия существования исламского государства его правовые нормы были всецело основаны на предписаниях Корана и сунны. Однако по мере развития мусульманского общества и образования огромной империи теологи оказались вынужденными при решении новых, возникавших в ходе социально-экономического развития вопросов, никак не отраженных в священных текстах, в ряде случаев отходить от буквального понимания Корана и, руководствуясь личным мнением, действовать по аналогии с подобным или сходным казусом, зафиксированным в священной книге. Такой метод решения вопроса по аналогии и сама аналогия получи-

ли наименование «кийас» (от «каса» — «мерить, сравнивать») и стали, наравне с Кораном и сунной, еще одним источником мусульманского права. Однако со временем мусульманские правоведы сочли, что и «кийас» в сложных случаях следует применять лишь тогда, когда по данному конкретному юридическому казусу имеется согласованное мнение авторитетных факихов. Такое согласованное решение получило название «иджма» (от «аджмаа» — «соглашаться»). «Иджма» стала четвертым источником мусульманского права.

Одной из главных спорных проблем при теоретической разработке мусульманского права был вопрос о степени использования его источников. Использование Корана и сунны, естественно, ни у кого не вызывало сомнения, но по вопросу о правомерности использования «кийаса» (решения по аналогии) и «иджма» (совокупного решения авторитетных правоведов) в VIII—IX веках в среде факихов возникли серьезные споры, в результате которых сложилось несколько юридических школ, или мазхабов, из коих четыре были признаны суннитскими авторитетами правоверными и законными.

Одним из самых ранних мазхабов был ханифитский, основателем которого был житель Куфы, внук иранского военнопленного Абу Ханифы (умер в 767 году). Абу Ханифа и его ученики Абу Йусуф Йакуб (умер в 795 году) и Мухаммад аш-Шайбани (умер в 805 году) допускали при решении юридических вопросов свободное индивидуальное суждение, широко применяли «кийас» и были весьма терпимы к инакомыслию. В результате ханифитский толк в исламе приобрел славу более либерального.

Другого мазхаба придерживались маликиты, последователи религиозно-правовой школы мединского имама Малика ибн Анаса (умер в 795 году), известного в качестве автора одного из самых авторитетных сборников хадисов «аль-Муватта». Маликиты отличались более строгой приверженностью хадисам и неприятием умозрительных толкований предписаний Корана. «Кийас» они допускали в строго ограниченных пределах. Факихи Мекки и Медины маликитского толка поддерживали Алидов, и именно Малик ибн Анас был тем человеком, который в 762 году освободил Алидов от прися-

ги аль-Мансуру и тем самым разрешил им выступить против Аббасидов.

Основателем третьего, шафиитского, мазхаба был ученик Малика ибн Анаса — судья в Йемене аш-Шафии (767–820). За оказанную Алидам поддержку он в 803 году был арестован и отправлен в Ракку к Харуну ар-Рашиду, но позднее помилован и сослан в Египет. С собственным юридическим учением он выступил в Багдаде в 810 году уже после смерти Харуна ар-Рашида. Шафиитская система права была неким компромиссом между ханифитским и маликитскими толками, хотя, подобно маликитам, шафииты несколько ограничивали применение «кийаса». Шафиитский толк был широко распространен в образованной части общества. Среди его сторонников были такие известные теологи, как аль-Ашари (умер в 935 году), автор сочинения по государственному праву аль-Маварди (умер в 1058 году) и выдающийся теолог и суфий аль-Газали (умер в 1111 году).

Наиболее консервативным мазхабом был ханбалитский толк последователей имама Ахмада ибн Ханбала (умер в 855 году). Правовая система ханбалитов отличалась стремлением строжайше следовать законам шариата, его обрядовым и правовым нормам и нетерпимостью к любым «новшествам». Ханбалиты отвергали всякую возможность свободного толкования священного текста, допускали «кийас» в исключительных случаях, а под «иджма» понимали лишь согласованное единодушное решение сподвижников Пророка и не признавали мнения более поздних авторитетов. Общая традиционалистская установка объединяла все четыре мазхаба, однако между сторонниками разных правовых систем постоянно возникали схоластические споры.

Тесная связь между религией и правом и юридическое всевластие сословия богословов-законоведов делали влияние религии на общественную и частную жизнь более значительным, чем в странах христианской Европы, где гражданское, уголовное и государственное право не зависело от церкви и где законы издавались светской властью. Поскольку право строилось на религиозных принципах, считавшихся вечными и неизменными, оно со временем все менее соответствовало реальной жизни и превращалось в застывшую систему.

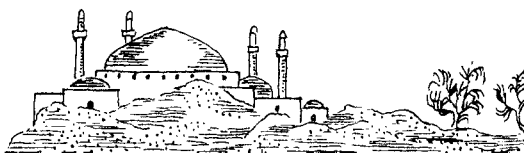
Факихи всячески препятствовали внесению в юридическую практику изменений и стремились к тому, чтобы законодательство как можно точнее отражало идеал теократии, создавая тем самым существенный тормоз для социального и культурного развития общества.

Аббасиды довольно рано поняли, каким образом можно использовать авторитет шариата в интересах династии. Поэтому Харун ар-Рашид поддерживал самые дружественные отношения с основателем шафиитского толка аш-Шафии; если верить фольклорной традиции, Абу Йусуф Йакуб также был близок с халифом и неоднократно приходил к нему на помощь в ситуациях шекотливого характера, для разрешения которых требовалась правовая казуистика. Аббасиды контролировали не только вопросы исламского законоведения, но и деятельность мусульманских судей (кади), отправлявших правосудие на основании шариата.

В первые века ислама проблемы государственной власти, по существу, еще не было. Возникший стихийно как государство теократическое, Халифат с первых же шагов был основан на принципе единства духовной и светской власти, олицетворяемой в халифе, религиозном и светском (имаме и эмире) вожде мусульманской общины. Согласно учению теологов-факихов, исламское государство основывалось на неизменных, данных в священном законе принципах. В Коране, разумеется, не могла упоминаться должность халифа, но она неизбежно должна была возникнуть в период формирования исламской государственности, поскольку завоевательные войны требовали централизованного управления и единого командования.

Однако теория государственной власти в исламе начала разрабатываться не тогда, когда проблема эта была, казалось бы, особенно актуальна, а значительно позднее, в конце X и в начале XI века, когда власть халифа пришла в упадок и провозглашаемые теоретические принципы оказались недостижимым идеалом, не имевшим почти ничего общего с реальной жизнью. В этой теории отразилась ностальгия по былому могуществу централизованного исламского государства.

Самым авторитетным трудом по исламской теории государственного права считается сочинение Абу-ль-Хасана аль-

Маварди (974–1058) «аль-Ахкам ас-султанийа» («Законы правления»), написанное в Багдаде во времена господства династии Бувайхидов (945–1055). Возможно, жалкое положение, в котором оказалась власть халифа, лишенного реальных прав и ставшего игрушкой в руках шиитских завоевателей из Дайлама, побудило этого автора выступить с обоснованием прав главы государства на фактическую власть в исламской империи. Аль-Маварди вынужден был проявлять известную осторожность, отражая в своем труде недовольство халифа аль-Каима (1031–1075) реальной властью бувайхидского правителя в Ираке Джалал ад-Даула (1025–1044), присвоившего себе в 1037 году старый сасанидский титул «шаханшаха» (о Бувайхидах см. ниже).

В сочинении аль-Маварди, самом раннем из дошедших до нас трактатов по государственному праву, рассматривается вопрос о роли халифа как главы государства. Конечно, и до аль-Маварди было много трактатов, посвященных имамату, но историческая ситуация, в которой это сочинение было написано, придает изложенной в ней теории халифской власти особый смысл. В трактате говорится о характере, качествах и функции халифа, критикуются теоретические рассуждения мутазилитов и претензии шиитов на то, чтобы имамат переходил от одного имама из Алидов к другому, и обосновывается традиционный суннитский принцип избрания халифа.

Аль-Маварди решительно выступал против всякой попытки свести роль халифа к выполнению исключительно религиозных функций, как это было во времена правления Бувайхидов. Он утверждал, что, исполняя функции имама, халиф вместе с тем несет ответственность за общественный и политический порядок. Он может по собственной воле делегировать кому-либо свою власть, но ее нельзя у него узурпировать. Если же власть будет отнята у него силой, что случалось в Багдаде, и узурпатор не будет управлять страной в духе шариата, халиф может призвать другие силы себе на помощь.

Аль-Маварди признавал законными два способа избрания халифа: общиной или предшествующим правящим халифом еще при жизни. В первом случае избирать имели право только мусульмане с безупречной репутацией, умные и образованные, иными словами, «муджтахиды» — авторитетные

факихи и высокопоставленные лица. Второй способ — замещения поста халифа по назначению его предшественника — должен был быть признан и утвержден согласным мнением («иджмас») суннитских муджтахидов, людей, достигших высших ступеней знания в юридическо-богословских науках, имеющих право самостоятельно выносить решения по вопросам исламского права. Прецедентом для подобного решения служило назначение первым халифом Абу Бакром своим преемником второго «праведного» халифа Умара.

Глава 4

Аббасидский халифат в первой половине IX века

Со смертью Харуна ар-Рашида бывшее единство Аббасидского государства оказалось нарушенным. Роковую роль сыграло решение Харуна ар-Рашида о преемнике. У халифа было два сына: Мухаммад — от жены из знатного арабского хашимидского рода по имени Зубайда и Абдаллах — от персидской наложницы. В 782 году Харун назначил младшего сына Мухаммада под именем аль-Амин своим первым наследником, а в 799 году старшего сына Абдаллаха под именем аль-Мамун следующим после аль-Амина наследником. В 802 году Харун дополнил свое решение, назначив аль-Мамуна, второго наследника престола, несменяемым правителем Хорасана.

Следует отметить, что расправа над Бармакидами вызвала большое недовольство в иранских провинциях империи. От открытого мятежа восточных провинций империю спасло лишь то обстоятельство, что примерно за год до свержения Бармакидов халиф назначил в Хорасан правителя наполовину персидского происхождения, что, по понятиям хорасанцев, означало предоставление им некоторой автономии. Аль-Мамун был наделен почти неограниченными полномочиями. В 802 году во время паломничества в Мекку у стен Каабы оба брата торжественно поклялись уважать решение отца, и контракт о наследовании был широко обнародован в Мекке. Та-

ким образом, мусульманская империя оказалась разделенной на две части на время, пока у власти находился аль-Амин.

Решение о преемниках Харун ар-Рашид сформулировал не слишком удачно, и после его смерти между сыновьями началась борьба за власть. Под влиянием вазира аль-Фадла ибн ар-Рабаи аль-Амин в 809 году, вступив на трон, объявил наследником собственного сына, а получив послание аль-Мамуна, возражавшего против этого решения, вовсе лишил его права на наследование власти в Халифате.

Аль-Амин прекрасно понимал, что аль-Мамун не примирится с его решением, и двинулся против брата с армией, в которой важную роль играли образованные еще Харуном ар-Рашидом отряды тюркских наемников, на чью преданность халиф мог вполне положиться. Несмотря на чистоту арабской крови, аль-Амин снискал себе славу дурного правителя и не вызывал особой симпатии ни у арабов, ни у персов. Это был слабый и легкомысленный человек, пренебрегавший государственными делами, проводивший время в развлечениях и предоставивший дурным советникам вершить все государственные дела. Он восхищался поэзией Абу Нуваса, прославлявшего в стихах винные радости и любовные похождения, в том числе и с мальчиками, и сделал его своим другом.

Положение аль-Мамуна было более выигрышным. В своих действиях он следовал законным решениям Харуна, которые были подтверждены взаимными клятвами. Его активно поддерживали и армия, и жители Хорасана, поскольку им импонировали его происхождение и четкие проиранские установки. Аль-Мамун получил хорошее образование под руководством перса аль-Фадла ибн Сахла, назначенного ему в наставники отцом еще в 803 году, вскоре после падения Бармакидов. Для этого аль-Фадлу пришлось публично отказаться от зороастризма и перейти в ислам. Аль-Фадл ибн Сахл и его брат аль-Хасан играли при аль-Мамуне ту же роль, какую в свое время при Харуне ар-Рашиде играл Джафар.

Получив пост правителя Хорасана, аль-Мамун мог бы оставаться в Багдаде, поручив наблюдение за провинцией своей администрации, но по совету аль-Фадла он отправился в Хорасан, где создал для себя прочную базу. Он сопровождал отца во время поездки Харуна на восток в 803 году и сумел сразу

же после его смерти взять в свои руки все управление провинцией.

После смерти Харуна ар-Рашида в 809 году один из его военачальников в Мавераннахре Рафи ибн Лайс отказался подчиняться багдадской власти и овладел Самаркандом. Халиф выслал против него войско во главе с эмиром Харсамой, который осадил Самарканд и, взяв город в 811 году, казнил мятежника. После усмирения восстания вазир аль-Амина аль-Фадл ибн ар-Рабиа приказал войску Харсамы возвратиться в Багдад. Это, по мнению аль-Мамуна, считавшего, что оно должно остаться под его командованием, противоречило распоряжению покойного Харуна о его суверенитете в Хорасане. По совету аль-Фадла ибн Сахла он отказался отправить войско в Багдад. Так началась война между двумя братьями.

Аль-Амин отправил войско против непокорного брата, но небольшая армия аль-Мамуна под командованием Харсамы и хорасанца Тахира в 811 году нанесла ему поражение и двинулась на запад. Война продолжалась два года. Армия аль-Мамуна заняла весь Западный Иран и подошла к Багдаду. Осада города продолжалась около года. Сторонники аль-Амина при поддержке горожан, боявшихся хорасанской армии и рассматривавших ее приход почти как иноземное вторжение, яростно сопротивлялись. В 813 году город пал, аль-Амин был убит солдатами Тахира, а аль-Мамун был провозглашен халифом (813—833).

Постепенно и западные провинции Халифата объявили о своей лояльности новому халифу. Аль-Мамун поручил правление Ираком Тахиру, а сам решил поселиться в Мерве, который собирался сделать столицей государства. Позднее он доверил управление Ираком брату аль-Фадла — аль-Хасану ибн Сахлу, в прошлом зороастрийцу — и взял в жены одну из его дочерей.

Гражданская война между аль-Амином и аль-Мамуном, в ходе которой хорасанские солдаты вторглись в Ирак, рассматривалась средневековыми историками как конфликт иранцев, возглавляемых аль-Мамуном, и арабов, возглавляемых сыном хашимидской матери аль-Амином. В этом утверждении несомненно была доля истины. Аль-Мамун, окруженный принявшими ислам персами, был вынужден, вне

зависимости от своих личных симпатий, занять по отношению к входившим в его владения восточным областям империи разумную позицию покровителя. Следуя заветам Бармакидов, он всячески старался примирить верхушку иранского общества с властью Аббасидов и многого в этом отношении достиг. Разумеется, в окружении аль-Мамуна также было много арабов, что мешало ему апеллировать к персидским национальным чувствам большинства его сторонников. Да он и не собирался это делать. Одной из глубинных и важнейших причин династийного конфликта был религиозно-догматический спор, в контексте которого аль-Мамун — продолжатель линии Бармакидов — вызывал неприязнь влиятельных теологов-традиционалистов.

Захватив сильно разрушенный Багдад, аль-Мамун стал полновластным главой империи, но эта победа не принесла ему мира. Сподвижники аль-Амина были еще сильны в Сирии, а в Азербайджане продолжались волнения на религиозной почве. Еще при Харуне ар-Рашиде движение хуррамитов дважды выливалось в 796 и 808 годах в открытое восстание, а в 816 году, уже при аль-Мамуне, оно привело к большому и многолетнему восстанию под руководством Бабека (*перс.* Папака), который объявил себя воплощением раннего хуррамитского имама и собрал вокруг себя в Северном Азербайджане большое число сторонников. Разумеется, вера в имама, происходящего из дома Абу Муслима, носила чисто шиитский характер.

Но каковы бы ни были верования хуррамитов и каково бы ни было происхождение этих верований, они категорически отвергали власть халифа и признавали только своих имамов или харизматических пророков. Поэтому аль-Мамун вынужден был предпринять против них меры, не столько защищая исламскую ортодоксию, сколько оберегая аббасидскую власть, для которой они представляли существенную угрозу. Ситуация осложнялась тем, что византийцы из Анатолии всячески поощряли одного из главных хуррамитских предводителей, Бабека, к активным действиям против власти Багдада, а местные мусульманские правители, равно как и военачальники аль-Мамуна, не имели достаточно сил, чтобы им противостоять.

Между тем движением хуррамитов попытались воспользоваться наиболее радикально настроенные алидские главари из числа Хасанидов. В принципе они, разумеется, не могли сочувствовать сторонникам этого движения, но по тактическим соображениям решили согласиться на союз с ними. Восстание должен был возглавить авантюрист-шиит, в прошлом сражавшийся в армии аль-Амина, некий Абу-с-Сарайа. В 814 году он встретился с лидером Хасанидов Ибн Табатабой, и они договорились о совместных действиях против правительственных войск в районе Куфы.

На первых порах восставшие имели успех. Абу-с-Сарайа сумел отбить наступление халифской армии и удержать Куфу. Восстание начало распространяться по всему Южному Ираку. Однако в 815 году, когда вазиру удалось собрать достаточно сил, Абу-с-Сарайа был разбит, бежал, но позднее был схвачен и убит.

Шиитское восстание Абу-с-Сарайи произвело на аль-Мамуна большое впечатление, и он решил коренным образом изменить свою политику. Он пригласил в Мерв из Медины восьмого алидского имама Али ар-Рида и дал всем понять, что хочет отказаться от исключительного права Аббасидов на власть в Халифате и намерен назначить после себя халифом одного из Алидов. Однако аль-Мамун не упомянул, кого конкретно он хочет видеть после себя на халифском престоле. Из его заявления вытекало, что Аббасиды не отстраняются; аль-Мамун, по-видимому, пытался установить новый порядок, по которому потомки Али или аль-Аббаса могли быть избраны в качестве глав государства, исходя из их личных качеств. Сама по себе идея назначения имама в соответствии с его личными заслугами была выдвинута и разработана шиитскими теоретиками из секты зайдитов (о зайдитах будет сказано ниже), и, возможно, аль-Мамун решил следовать этой доктрине.

По примеру шиитских претендентов на власть в государстве аль-Мамун не только провозгласил, что намерен во всем следовать предписаниям Корана и сунны, но объявил себя также имамом. Этот титул официально не употреблялся аббасидскими правителями с момента прихода их к власти. Вообще аль-Мамун явно сочувствовал шиитам, и это сочувствие, а не только политические соображения подвигли его на поли-

тический шаг, невозможный для его более осторожного отца. Свою религиозную политику с явным прошиитским акцентом он поручил проводить вазиру аль-Фадлу ибн Сахлу.

Аль-Мамун продолжал управлять государством из провинциального Мерва, где у него была мощная поддержка — хорасанская армия. Приглашенный им в Мерв Али ар-Рида, сын убитого Мусы аль-Казима, получивший по наследству от отца звание шиитского имама, был в это время в Медине всецело сосредоточен на изучении религиозных наук и не проявлял большого интереса к политике. Узнав, что аль-Мамун имеет намерение сделать его своим преемником, он, хотя сначала и неохотно, принес клятву верности, предложенную халифом. Аль-Мамун проявил осторожность только в одном отношении. Отдавая дань господствующим в обществе традиционалистским чувствам, он провозгласил, что Али ар-Рида должен был сменить его на посту халифа не потому, что был шиитским имамом, а как человек, наиболее достойный исполнять столь ответственную миссию и лучше других к ней подготовленный. Следуя традиции брачных связей, аль-Мамун выдал свою дочь за Али ар-Рида и обещал выдать другую дочь за сына Али ар-Рида, в то время еще ребенка.

Политика аль-Мамуна в отношении Алидов была попыткой примирения. Однако халиф недостаточно просчитал ее возможные последствия. Выступления Алидов против Аббасидов не были вызваны тем, что правящая династия предпочитала опираться на жителей восточных провинций, но иными взглядами на природу власти в Халифате. Предшественники аль-Мамуна, управляя страной из Багдада, также опасались раскола в империи и старались как в политической, так и в культурной сфере привлекать из восточных провинций людей, поддерживавших на первых порах их династию. Такое поощрение иранского самосознания вовсе не означало примирения с бывшими союзниками Алидами и сопровождалось репрессиями против алидских лидеров, даже тех, которые казались им политически безвредными.

Иракцы же, в первую очередь жители Багдада, по-своему понимали политику аль-Мамуна. Они считали Аббасидскую династию законной и в попытках реформ халифа усматривали лишь происки вазира аль-Фадла ибн Сахла, желавшие

го, по их мнению, установить господство иранцев в государстве. Поэтому, воспользовавшись отсутствием аль-Мамуна, постоянно проживавшего в Мерве, они в 817 году неожиданно подняли восстание и провозгласили халифом сына халифа аль-Махди — замечательного певца и музыканта Ибрахима ибн аль-Махди (817–818). Ополчение из жителей Багдада ходило по городу и требовало возврата к законам Корана и сунны.

О происходящих в Багдаде событиях аль-Мамун узнал не сразу, но, поняв, что установление нового порядка престолонаследия, допускавшего приход к власти одного из Алидов, вызывает в Ираке среди традиционалистов столь бурное возмущение, чреватое для него потерей Халифата, он круто порвал с опасной для него политикой и предал своих сподвижников.

Провозглашение жителями столицы халифом Ибрахима ибн аль-Махди вызвало незамедлительную реакцию со стороны сторонников аль-Мамуна. Лояльные аль-Мамуну силы выступили против антихалифа, к ним через некоторое время присоединился и сам аль-Мамун с армией. По-видимому, первоначально он замыслил свой поход лишь как карательную экспедицию, однако по мере развития событий изменил свою позицию и принял решение отказаться от столь непопулярной в народе прошиитской политики.

В 818 году гвардейцы из свиты аль-Мамуна неожиданно убили аль-Фадла ибн Сахла и перед казнью под пыткой заявили, что действовали по приказу самого халифа. Разумеется, их признание было оставлено без внимания. Одновременно при таинственных обстоятельствах умер Али ар-Рида, и ходили слухи, что он был отравлен. Осада Багдада, во время которой жители испытывали трудности из-за недостатка продовольствия, длилась несколько месяцев. Наконец, в 819 году аль-Мамун вступил в Багдад, а Ибрахим ибн аль-Махди бежал. Впрочем, позднее он был прощен, а вопрос об алидском наследнике был снят с повестки дня. Возвращение аль-Мамуна в Багдад положило конец тому, что часто принято считать его «прошиитской политикой». Зеленые знамена, символизовавшие примирение с Алидами, были заменены в Мерве традиционными аббасидскими черными.

Однако аль-Мамун, отмежевавшись от Али ар-Рида, не обрел для себя мира. Аббасидская верхушка в Багдаде не симпатизировала ему из-за его явной приверженности к шиизму, а в Северной Сирии близ византийской границы у покойного аль-Амина все еще было много сторонников. Аль-Мамун решил действовать более энергично. В 821 году он назначил правителем большой области, куда входили Сирия и Египет, сына своего военачальника Тахира — молодого Абдаллаха, который после тяжелой кампании взял наконец под контроль сирийских противников халифа.

Из Алеппо Абдаллах двинулся в Египет, где бежавшие из Андалузии участники мятежа в ар-Рабате (предмесье Кордовы), противники кордовского эмира Хишама I, пытались найти для себя новое убежище и создавали беспорядки. В 825 году Абдаллах сумел изгнать кордовцев из Египта и направил их на завоевание находившегося под властью Византии острова Крит, что они и осуществили в 826 году.

Во время правления аль-Мамуна становилось все более ясно, что всякая попытка сохранить целостность империи обречена на неудачу. Гражданская война между аль-Амином и аль-Мамуном имела для государства трагические последствия. Испания была утеряна еще при первых Аббасидах, а теперь пришлось иметь дело с Ифрикией, на территории которой не прекращались берберские волнения.

Еще в 799 году Харун ар-Рашид, столкнувшись с беспорядками, вспыхнувшими в расположенном в этой провинции войске, вынужден был отдать Ифрикию под контроль единственному человеку, который был в состоянии держать ее в повиновении. Это был Ибрахим ибн Аглаб, в прошлом военачальник хорасанского ополчения, который сумел усмирить повстанцев, но в качестве компенсации потребовал и получил от Харуна ар-Рашида наследственное право на управление провинцией, при условии уплаты в казну налога. Так в Тунисе возникла династия Аглабидов, правившая страной на протяжении ста лет (800–909).

Аналогичная ситуация сложилась при аль-Мамуне и в Хорасане. Когда аль-Мамун принял решение покинуть Мерв и переселиться в Багдад, он доверил управление провинцией своему лучшему военачальнику иранцу Тахиру. Тот

правил всего лишь один год (821–822), но перед смертью объявил провинцию независимой и приказал опускать упоминание имени халифа в пятничной молитве (акт, равносильный неповиновению). Аль-Мамуну ничего не оставалось делать, как передать управление провинцией сыну Тахира — Тальхе (822–828), и с той поры в Хорасане установилась власть династии Тахиридов (821–873) со столицей в Нишапуре, хотя Тахириды и посылали в Багдад ежегодную подать.

Мутазилитский калам

Впредшествовавшие воцарению аль-Мамуна годы исламская догматика еще окончательно не оформилась. Кроме двух основных направлений в исламе — суннизма и шиизма, было довольно широко распространено сектантство, причем каждая из сект настаивала на своих, в некоторых случаях достаточно жестких, принципах и готова была предать другие секты анафеме. Как и в христианстве, основные положения исламской догматики в значительной степени сложились под влиянием античной и ближневосточной философской мысли. Совокупность различных дискурсивных (то есть рассудочных, в противоположность интуитивным) доктрин и школ в исламе получила наименование «калам», а первых теоретиков калама, богословов-рационалистов, называли мутазилитами.

Согласно исламской традиции, мутазилитский калам ведет свое происхождение из кружка проповедника эпохи Омейядов Хасана аль-Басри (642–728). Два его ученика, Васил ибн Ата (699–748) и Амр ибн Убайд (умер в 761 году), «отделились» («итазала») от своего учителя и основали новую школу. Приверженцы этой школы и получили наименование «мутазилитов» («аль-мутазила»).

Поскольку калам означал обращение к рассудочным аргументам при решении догматических вопросов, первые творцы складывавшейся доктрины получили наименование «мутакаллимов», то есть участников споров при обсуждении теоретических проблем ислама. Постепенно логические аргументы участников дискуссий стали затрагивать основное

содержание веры, которая стала приобретать характер законченной системы рационалистической апологетики.

Еще убитый в 818 году аль-Фадл ибн Сахл надеялся добиться такого положения в империи, когда ее единство будет сохранено и традиционалисты благодаря компромиссу будут жить в мире с умеренными реформаторами. Но хотя этот план после 819 года оказался невыполнимым и антагонисты не примирились, аль-Мамун все же не отказался от его осуществления. Правда, он вынужден был прекратить свою открытую проалидскую политику, но при этом попытался, сохраняя верность шиитской и мутазилитской идеологии, по возможности примирить враждующие религиозно-политические группы. Следуя заветам аль-Фадла ибн Сахла, аль-Мамун стремился балансировать между суннитами и шиитами, отвергая в обоих направлениях экстремизм. Чтобы дать общине, как ему казалось, приемлемую для всех религиозную доктрину, он стал вводить мутазилитский калам, стараясь этим добиться благорасположения всех религиозных групп и направлений. Принятие мутазилитского калама рассматривалось аль-Мамуном как средство консолидации религиозной жизни, укрепления единства всех этнических слоев мусульманской империи и, что было для него несомненно особенно важным, повышения роли халифа в качестве арбитра при решении религиозных вопросов.

Сложившаяся еще в период правления Харуна ар-Рашида мутазилитская доктрина базировалась на пяти принципах, или корнях (усул), совокупность которых представлялась ее сторонникам теологической основой, дающей возможность защитить ислам от проникновения иноземных рационалистических доктрин. Вместе с тем из этого учения вытекало новое решение политических проблем, поскольку оно подчеркивало особое значение главы общины и предусматривало необходимые для исполнения этой миссии качества.

Мутазилиты отвергали мистицизм, учение о возможности познания Божества интуитивным путем. Они создали схоластическое богословие в виде законченной системы догматов, которой пытались дать философское и логическое обоснование, отсутствовавшее в первоначальном исламе. При этом

они многое позаимствовали у своих предшественников — калифов.

Основоположник мутаизма Васил ибн Ата не был теологом в точном смысле этого слова, он лишь стремился правильно понять Коран и сделать из него верные выводы. Как и его учитель Хасан аль-Басри, он расходился с хариджитами во взглядах на грех и считал, что человек, совершивший его, не перестает быть мусульманином, но и не остается мусульманином (как полагал и Хасан аль-Басри), а пребывает в «промежуточном состоянии» до окончательного решения его судьбы самим Аллахом. В этом вопросе он следовал представлениям мурджиитов. Оставаясь шиитом, он занимал умеренную позицию и, хотя считал, что Али имел больше прав на занятие поста халифа, чем Усман (как думали все шииты), тем не менее полагал, что первые два халифа Абу Бакр и Умар были избраны халифами на законных основаниях.

Васил ибн Ата, равно как и его современник Амр ибн Убайд, был из числа вновь обращенных. Оба они находились под влиянием распространенной в это время зайдитской теории и способствовали распространению проалидских симпатий в кругу образованных и благочестивых людей.

Среди сторонников их учения наибольшую известность получили басрийцы Абу-ль-Хузайль аль-Аллаф (умер в 840 году), ан-Наззам (умер в 855 году), ученик ан-Наззама — знаменитый литератор аль-Джахиз и багдадцы Бишр ибн аль-Мутамир (умер в 825 году), Ибн Аби Дуал (775—854) и один из приближенных халифа аль-Мамуна — Сумама ан-Нумайри (умер в 828 году). Во взглядах участников кружков мутаизитов были различия, но в основных положениях учения они были едины.

Харун ар-Рашид не имел определенного мнения о теологических теориях нового движения в исламе. Однако он не мог мириться со снисходительным отношением багдадских мутаизитов к его противникам Алидам. Вероятно, этим можно объяснить, почему по его приказу многие из ранних мутаизитских теоретиков преследовались, а некоторые даже были брошены в тюрьму. Положение коренным образом изменилось при просвещенном халифе аль-Мамуне и его преемни-

ках. При них мутазилитская доктрина была официально признана и стала господствующей в исламе.

В 827 году аль-Мамун впервые в истории Халифата попытался использовать халифскую власть, чтобы сформулировать некоторые принципы исламской догматики. Он обнародовал мутазилитские тезисы о «сотворенности Корана», о преимущественном праве Али над другими претендентами на халифский престол и ввел некоторые изменения в признанный в шиитской практике исламский ритуал. Осуществление своих планов и проведение в жизнь мутазилитской доктрины аль-Мамун поручил своему другу, мутазилиту Ахмаду Ибн Аби Дуаду, назначенному им великим кади.

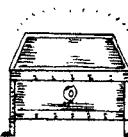
В основе рационалистической теории мутазилитов лежал принцип божественной справедливости. Назначение разума они видели прежде всего в его нравственной функции различения добра и зла, справедливого и ложного. Добро мутазилиты считали объективно существующей ценностью; различение добра и зла, как они полагали, доступно разуму в такой же степени, как доступно зрячему человеку различение цветов. Поскольку добро и зло — объективные категории, они независимы от воли Аллаха. Доктрина об объективном характере добра приводила к признанию, что в различении добра и зла человек и Аллах находятся в равном положении и что, поскольку Аллах по своей природе добр, Он не может творить зло. Таким образом, на божественную свободу воли накладывались некоторые ограничения.

Поскольку Аллах может творить только добро, а в мире существует много зла, мутазилиты отрицали предопределенность как человеческих поступков, так и вообще всех явлений в природе и жизни человека. Отсюда они выводили закон о «свободе воли» человека в совершении как добрых, так и злых деяний, за которые Аллах его либо вознаградит, либо накажет. Это снимало с Аллаха ответственность за зло на земле. Человек оказывался ответственным за свои поступки, ибо их он «творит» сам. Это дало повод традиционалистам обвинять мутазилитов в «многобожии», ибо они приписывали человеку способность «творить», которая, по Корану, принадлежала только Аллаху.

Наряду с принципом «справедливости» Аллаха выдвигался также принцип его «единства» (таухид). Принцип «единства Аллаха» лежал в основе монотеистического ислама, но понимался мутазилитами с большей последовательностью, чем суннитскими традиционалистами. Мутазилиты видели это единство не только в отношении Аллаха с миром, но и в самой сущности Аллаха. Они считали, что факт существования Аллаха устанавливается не в результате мгновенного озарения, но постепенным изучением мира, который был создан в определенное время, а стало быть, предполагает наличие единого извечно существующего Создателя.

Это единство было бы нарушено, если бы рядом с божественной экзистенцией существовали извечно, как это утверждалось в догматическом богословии, и божественные атрибуты (божественное знание, воля, могущество, вездесущность и т. д.). Пользуясь методом схоластики, мутазилиты доказывали, что все эти атрибуты идентичны божественной сущности, ибо если признать извечными и существование предмета, и его качества, то это ведет к признанию существования нескольких сущностей одновременно и извечно, то есть к нарушению принципа единства Аллаха. Таким образом, мутазилиты, в свою очередь, обвиняли традиционалистов в «многобожии».

С принципом «единства Аллаха» связан и другой тезис мутазилитов — о «сотворенности Корана». Мутазилиты объявляли догмат об «извечности Корана» языческим, ибо утверждение традиционалистов, будто слово Аллаха существовало извечно и независимо от него, вело к признанию существования другого вечного божества помимо Аллаха. Объявив Коран сотворенным во времени, мутазилиты вообще ставили под сомнение значение божественного откровения, переданного устами Пророка. Они отвергали утверждение традиционалистов, будто Коран является чудом, доказательством пророческой миссии Мухаммада, и даже осмеливались говорить, что стиль его — всего лишь следствие литературного таланта Пророка, который пользовался «ужасными образами», дабы воздействовать на слушателей и убедить их в истинности своих слов. Поэтому мутазилиты позволяли себе аллегорическое толкование Корана и отказывались пони-

мать буквально те тексты Корана, в которых Аллах рисуется в человеческом облике. Они ставили под сомнение существование «сират» — моста, ведущего в рай, «книги», в которую записываются людские деяния, и «весов», на которых взвешиваются человеческие поступки.

Во времена мутазилитов богословы продолжали спорить о том, остается ли человек, совершивший тяжкий грех, мусульманином или становится «неверным» (как утверждали хариджиты). Мутазилиты, следуя за Хасаном аль-Басри, со свойственной им страстью к софистическим построениям считали, что человек, совершивший тяжкий грех, не будет ни мусульманином, ни неверным, а займет промежуточное положение («манзиль байна-ль-манзилатайн»). В этом они были близки к позиции мурджиитов, «откладывавших» решение о греховности человека до божьего суда.

В отдельный «корень» своей доктрины мутазилиты выделяли «корень увещаний и угроз», то есть учение о загробном воздаянии за поступки человека. Аллах при посредстве Корана увещевает тех, кто совершил легкий грех, и угрожает загробным наказанием тем, кто совершает тяжкий грех. Последним элементом мутазилитской доктрины был «корень приказаний и запретов» (эти понятия позаимствованы из Корана), имевший совершенно конкретное политическое значение. На главу исламской общины возлагалась обязанность указывать мусульманам, что для них обязательно и что запрещено, то есть подтверждалась неограниченная власть правящего халифа-имама над подданными в вопросах идеологии и в преследовании еретиков. При этом именно свою доктрину мутазилиты объявляли правильной с точки зрения ислама и обязательной для всех мусульман. Из этого исходил аль-Мамун, жестоко преследовавший тех, кто уклонялся от признания официальной доктрины.

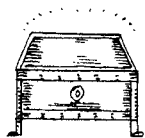
Учение мутазилитов о «свободе воли», «божественных атрибутах» и «сотворенности Корана», как и вообще создание законченной системы рационалистической апологетики, вызывало нападки theologов-традиционалистов. Принятие этих доктрин ограничивало роль религиозных учителей, знатоков Корана и мусульманского права, считавших, что только они могут правильно интерпретировать священные тексты.

«Дом мудрости» аль-Мамуна

Около 827 года аль-Мамун решил основать свой знаменитый «Дом мудрости» («Бейт аль-хикма») в Багдаде. Дом этот был основан в подражание сасанидской медицинской Академии в Джундишапуре, дабы пропагандировать мутазилитское учение. На протяжении VIII—IX веков в Халифате все большее распространение получали восточные учения пророческого и мессианского характера, питаемые зороастрийскими и манихейскими идеями. Это становилось опасным для ислама, ибо могло засорить его чуждыми элементами. Желая противостоять иранскому культурному проникновению, аль-Мамун стал всячески содействовать переводу греческих научных и философских сочинений, дабы уравновесить влияние иранского культурного наследия античным и эллинистическим.

Во главе «Дома мудрости» аль-Мамун поставил двух образованных людей — перса Сахла ибн Харуна и Сальма «Харранца», переводчика на арабский язык трудов Аристотеля и знатока языка пехлеви. В «Доме мудрости» располагался целый штат переводчиков, занятых переложением на арабский язык греческих сочинений по практическим знаниям, в первую очередь по математике, астрономии и медицине, астрологии и алхимии, а также трудов по философии и логике, воспринимавшихся мутазилитами как могучее средство в религиозной борьбе. Существует предание, будто по приказу халифа в поисках и для копирования рукописей в Константинополь снаряжались специальные экспедиции во главе с Сальмом.

При «Доме мудрости» была и библиотека («Хизанат аль-хикма»), основанная еще при Бармакидах, положивших начало широкой переводческой деятельности, столь успешно продолженной при аль-Мамуне и его преемниках. Таким образом, вне зависимости от планов аль-Мамуна деятельность «Дома мудрости» основывалась на тех же принципах, на которых строились и мутазилитская, и шиитская доктрины: на изучении и переводах трудов греческих философов и ученых. Однако если чужеземные естественные и точные науки, подобно медицине и математике, принимались исламом

без особого сопротивления, то философия многими рассматривалась как основа новой исламской апологетики (калама) и в сознании традиционалистов связывалась с сомнительной религиозной направленностью в деятельности халифа — сторонника мутазилитской доктрины.

Чтобы закрепить свои доктринальные нововведения и обеспечить за ними всеобщее согласие, аль-Мамун в 833 году, во время похода против Византии, из своего лагеря в Ракке обратился с серией назидательных посланий к правителю Багдада и эмирам провинций, требуя оживления деятельности основанной еще аль-Махди «михны» для борьбы с зиндиками и манихеями. Теперь ее деятельность должна была быть направлена против тех, кто не принимал мутазилитского учения, в частности тезиса о «сотворенности» Корана. Аль-Мамун приказал заставить правоведов и религиозных учителей под угрозой инквизиции публично заявить о своем признании мутазилитского калама.

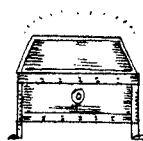
Действия багдадской «михны», допрашивавшей кади, факихов и знатоков хадисов, вызвали большое волнение. Под влиянием страха большинство проходивших через эту процедуру на словах высказало верность мутазилитской доктрине и приняло тезис о «сотворенности» Корана. Однако нашлись и такие, которые упорствовали. Среди них был знаменитый традиционалист Ахмад ибн Ханбал. Было приказано доставить его к халифу для расправы, от которой его спасла только смерть аль-Мамуна в 833 году в Тарсусе, после чего ибн Ханбал был отпущен в Багдад. Отказ Ахмада ибн Ханбала пойти на компромисс сделал его в глазах народа мучеником в борьбе за исламскую ортодоксию и против «новшеств». При этом следует учесть, что в отличие от Ирака и особенно от Ирана, быстро развивавшихся в первой половине IX века в экономическом и культурном отношении, Сирия, Египет и африканские провинции не были готовы к серьезным идеологическим переменам. Мусульманская аристократия не сочувствовала новшествам в области веры и особенно методам их введения. Это подкреплялось народным сопротивлением всем попыткам внедрить элитарно-интеллектуальный подход к исламу, которые в народе истолковывались как стремление навязать ему религию знати.

Халиф-реформатор был, несомненно, просвещенным человеком, и его деятельность сыграла большую роль в развитии арабской науки и религиозно-философской мысли. Пользовавшиеся его поддержкой переводчики сделали многие произведения древнегреческой и эллинистической науки и философии доступными арабским, а позднее через них — и европейским ученым. Одновременно продолжалось усвоение различных элементов иранской, а через Иран и индийской культур.

Еще монархи позднего Рима, следуя примеру древнеперсидских царей, имели обыкновение подбирать себе личных друзей, с которыми разделяли трапезу и вели изысканную беседу. Так же поступал и аль-Мамун. Поселившись в 800 году в Багдаде, он приказал представить ему список тех, кого он мог включить в круг своей застольной компании. В соответствии со вкусами повелителя эта компания надимов — собеседников или сотрапезников — состояла из людей образованных, литераторов и ученых, обладавших изысканными манерами и умевших вести себя в обществе (адибов). Они развлекали халифа дружеской беседой, а также доставляли ему необходимую информацию о положении дел и состоянии умов.

Аль-Мамун был весьма веротерпим по отношению к неисламским конфессиям. «Любая община любого вероисповедания, — говорил он, — пусть даже она будет состоять всего из десяти человек, имеет право избирать себе собственного духовного владыку, и халиф признает его».

Около 815 года халиф собирался дать находившимся «под покровительством» конфессиям полную свободу во всех связанных с культом вопросах, однако под давлением исламского духовенства вынужден был отказаться от осуществления своих планов. Тем не менее нарушение единства в исламе, которому аль-Мамун способствовал своей промутазилитской политикой, привело к оживлению христианских общин Ирака и Ирана. Впервые со времен Хосрова I в провинциях Фарс и Кирман намечилось возрождение зороастризма, носители которого были включены в число «людей книги» («ахл аль-китаб»); таким образом, им было предоставлено «покрови-

тельство», и они стали «ахл аз-зимма» наравне с христианами и иудеями.

Однако некоторый расцвет языка пехлеви, на котором зороастрийские жрецы писали свои сочинения и которому способствовала политика аль-Мамуна, вскоре угас. Иранские интеллектуалы перешли на арабский язык, а городское простонародье и сельские жители обратились к более примитивным формам национального языка, который арабы именovali «дари». Позднее, в X веке, иранские национальные чувства приняли форму «культурного национализма» (шуубия), что привело к поразительному расцвету иранской историографии, эпоса и лирики, возникших на основе разговорного языка дари, в то время как зороастризм стал забываться и носители его сохранились лишь за пределами Ирана, в частности в Индии.

Хотя аль-Мамун был всецело занят внутренними делами, мешавшими ему вести активные военные действия против Византии, у него в руках оказалось оружие, которое он с успехом использовал. Византийский военачальник славянского происхождения, некий Фома Капподокийский, бежавший к нему из Анатолии, был хорошо принят, а в 820 году аль-Мамун при помощи патриарха Антиохии устроил ему коронацию и, снабдив деньгами и солдатами из пограничных провинций, отправил обратно в Анатолию завоевывать себе престол. Фома сумел поднять мятеж по всей византийской Анатолии, объявил себя иконоборцем, защитником бедноты и вообще всех обиженных режимом жителей и в 821 году осадил Константинополь. Лишь после трехлетней войны (821–823) император Михаил II Заика (820–829), опираясь на союзников-болгар, сумел прорвать осаду; Фома бежал, был схвачен и казнен.

Благоприятная обстановка складывалась для аль-Мамуна и позднее. В 826 году Абдаллах ибн Тахир очистил сирийскую границу от последних приверженцев аль-Амина, а в следующем году изгнал из Египта эмигрантов из Андалусии. Последствием этого явилось предпринятое андалусцами в 826 году завоевание Крита, а в 827 году номинальный вассал халифа, аглабидский эмир, захватил Сицилию, в чем ему помог бежавший в Тунис командующий византийским флотом Ефи-

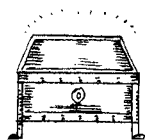
мий. Таким образом, оба острова перешли в руки мусульман. При императоре Феофиле (829–842) аль-Мамун попытался вторгнуться в Центральную Анатолию, поскольку Феофил был всецело поглощен войной в Сицилии.

В течение трех последних лет жизни аль-Мамун вел упорную войну с византийским императором, причем оба они вынуждены были в это же время противостоять своим идейным противникам внутри страны: Феофилу пришлось бороться с иконоборцами, а аль-Мамуну — с противниками мутазилитского калама.

Аль-Мамуна беспокоили также и волнения в Египте, которые начались задолго до его вступления на престол и не прекращались с 829 по 832 год. Недовольных фискальной политикой коптов трудно было держать в повиновении, и для наведения порядка аль-Мамун направил в Египет своего брата аль-Мутасима. Аль-Мутасим не сумел справиться с коптами, и в 832 году аль-Мамун вынужден был лично возглавить карательную экспедицию.

Перед смертью аль-Мамун назначил правителя Египта аль-Мутасима своим преемником, хотя военачальники хорасанской армии настаивали на том, чтобы преемником халифа стал его сын Аббас. Однако последний уговорил хорасанцев признать выбор отца и присягнул аль-Мутасиму. Аль-Мамун завещал брату проводить ту же политику в отношении калама, которая, как ему казалось, могла удовлетворить всю мусульманскую общину и способствовать усилению авторитета халифа в вопросах исламской догматики.

Новому халифу аль-Мутасиму (833–842) пришлось решать непростые проблемы, связанные с реформой войска. Ранне-мусульманская армия состояла из бедуинов, которые незадолго до завоевательных походов восприняли ислам и вели священную войну, за участие в которой они получали компенсацию не столько в виде жалованья, сколько в форме военной добычи. Окончание внешних завоеваний привело к тому, что эти ресурсы оказались исчерпанными и появилась необходимость в образовании оплачиваемой армии, функционирующей не по принципу племенных или религиозных обязанностей. К тому же армия эпохи завоеваний не располагала техническими средствами, которые имелись на воору-

жении византийского и сасанидского войска, в частности не имела осадного оружия.

Еще аль-Мамун предпринял ряд шагов по реформированию армии. При нем возникли части, солдаты которых были поименованы в специальных списках (диванах), то есть в списках лиц, получавших за службу вознаграждение. Исключением были лишь мусульманские добровольцы (гази) и арабы-бедуины, которые вели войну на границах Анатолии или в Центральной Азии и продолжали жить и служить за счет добычи от набегов и пожертвований благочестивых верующих. Новая армия получила осадную технику, научилась пользоваться арбалетами, овладела «греческим огнем».

При этом, однако, придворная гвардия из хорасанцев требовала себе все больше привилегий. Чтобы противостоять влиянию хорасанцев в самой столице, аль-Мутасим обратился за помощью к юркам и дайламитам (жителям Дайлама, нагорной части Гилана к юго-западу от Каспийского моря). Он шел по стопам своего предшественника: при аль-Мамуне специальная халифская гвардия, состоявшая из тюрок, достигала численности в четыре тысячи человек.

Многие гвардейцы были в прошлом военнопленными, захваченными в ходе почти непрерывных войн халифской армии с кочевниками-степняками в Мавераннахре за Амударьей. Этих пленных частично отправляли в Багдад в качестве ежегодной военной дани халифу, а частично продавали на невольничьих рынках Средней Азии и Ирана, где их покупали правительственные чиновники для службы в армии. Кроме тюрок и наемников-дайламитов в число принятых на военную службу бывших рабов попадали также молодые люди, захваченные в странах Восточной Европы и Северной Африки.

Отобранные молодые рабы — мамлюки, или «гуламы» («юноши, или слуги»), воспитывались при дворе в специальных школах, а затем зачислялись в гвардию халифа, которая таким образом пополнялась опытными наездниками и стрелками из лука. На такую гвардию аль-Мутасим мог вполне положиться. Он не без основания считал, что войско будет более надежным, если его укомплектовать иноземными наемни-

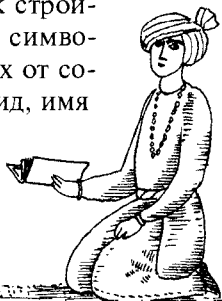
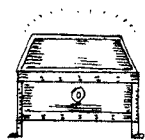
ками и рабами, а не свободными жителями, вовлеченными в местные социальные и межконфессиональные конфликты.

Гвардейцы были превосходными солдатами и зарекомендовали себя во многих военных предприятиях. О внушающей уважение боеспособности тюркских солдат писал в специальном трактате «Использование тюрок» ученый и литератор аль-Джахиз. Всей гвардией командовали тюркские эмиры, которые управляли также халифским двором и почтовым ведомством. Тюркские кавалерийские части располагались в казармах в Багдаде и использовались для умирения народных беспорядков в столице. Им было запрещено вступать в брак с местными жительницами, и для них специально привозили женщин из восточных областей Халифата. Пешие гвардейские части из наемников-дайламитов также располагались по признаку землячества.

С возвышением тюркской гвардии былая основа халифской армии — хорасанцы, — как прежде и арабы, утратила свое военное значение и постепенно из армии халифа вовсе исчезла. Гвардейцы относились к жителям Багдада с высокомерием и часто занимались грабежами и вымогательством. Тюрки, как до них хорасанцы, были причиной постоянных беспорядков в столице.

Опасаясь беспорядков, возникавших в столице из-за произвола военщины, аль-Мутасим решил покинуть «Город мира» и перенести свою резиденцию в более безопасное место. Для этого он избрал большой участок земли на берегу Тигра к северу от Багдада и начал строить новый город — Самарру, который почти столетия (с 836 по 892 год) служил резиденцией халифов и столицей империи. Подобно тому как это делал аль-Мансур при строительстве Багдада, аль-Мутасим приказал собрать архитекторов и строителей, равно как и необходимые материалы, со всех концов Халифата. Достаточно сказать, что мрамор везли из Египта и Анатолии. Позднее преемник аль-Мутасима — аль-Мутаваккил продолжал отстраивать этот город.

Аббасидские правители вообще имели слабость к строительству новых резиденций, которые должны были символизировать их могущество, а к тому же избавляли их от соседства беспокойных багдадцев. Даже Харун ар-Рашид, имя

которого в средневековом арабском фольклоре всегда связывали с Багдадом, не любил жить в столице и на многие годы переселился в Ракку, город, основанный еще аль-Мансуром на берегу Евфрата в Верхней Месопотамии.

По приказу аль-Мутасима в Самарре, как прежде при аль-Мансуре в Багдаде, были сооружены дворцы халифа и его семьи, членов двора и глав администрации, казармы и большая мечеть. Город не был круглым, как Багдад, но тянулся вдоль Тигра. И поныне развалины города и минарет главной мечети поражают воображение путешественников своим величием.

Но, убежав от своих багдадских подданных в Самарру, халиф вскоре оказался в тяжелой зависимости от военачальников придворной гвардии. Командиры тюркских, иранских и других отрядов боролись за влияние на правителя, что со временем стало создавать хаос в управлении государством.

Хотя беспорядки, периодически вспыхивавшие в Багдаде при аль-Мутасиме, провоцировались не столько религиозно-догматическими спорами, сколько бесчинствами гвардейцев, насильственное введение мутазилитского калама в качестве официальной идеологии усиливало неприязнь жителей столицы, как суннитов, так и шиитов, к халифу и его окружению. Сам аль-Мутасим не вполне разделял мутазилитские убеждения своего брата, но не хотел отступать от его политики, опасаясь религиозного раскола в государстве. По совету брата аль-Мутасим поручил дальнейшее проведение религиозных реформ великому кади Ахмаду ибн Аби Дуаду.

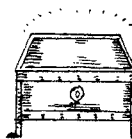
Ибн Аби Дуад начал с преследования Ахмада ибн Ханбала: знаменитый факих был арестован, допрошен Ибн Аби Дуадом, а потом избит и брошен в тюрьму. Правда, затем его освободили в обмен на обещание не вести никакой пропагандистской деятельности. Трагичнее сложилась судьба другого защитника традиционных верований, Ахмада ибн Насра аль-Хузаи. В отличие от Ибн Ханбала, который не позволял себе публичных высказываний против власти, аль-Хузаи подстрекал жителей к открытому мятежу. В 846 году он был схвачен, лично допрошен новым халифом аль-Васиком, но не пожелал отказаться от своих убеждений, после чего его казнили, а голову выставили для всеобщего обозрения.

Восстание Бабека

С первых же дней после восшествия на трон аль-Мутасиму пришлось одновременно вести войну на два фронта: с многолетним восстанием хуррамитов под руководством Бабека и Мазьяра в восточных провинциях империи и с Византией, которая, воспользовавшись нестабильностью внутреннего положения Халифата, активизировала военные действия на его границах.

Для осуществления карательных и военных планов аль-Мутасим назначил в 835 году тюркского военачальника Афшина. Военные способности Афшин проявил еще при халифе аль-Мамуне, во время подавления коптских волнений в дельте Египта в 831–832 годах и беспорядков на религиозной почве в самом Багдаде. Теперь Афшин стал во главе всей халифской армии. Этим было положено начало выдвижению тюркских военачальников на главенствующую роль в политической жизни государства. Само имя военачальника «Афшин» исторически было титулом правителя или князя небольшого эмирата в Ошрусане (горной области между Самаркандом и Ходжентом), находившемся в подчинении у правителя Хорасана. В прошлом Афшин был буддистом и перешел в ислам незадолго до того, как поступил на халифскую службу.

Хуррамитские волнения в восточных областях Халифата не прекращались на протяжении всего VIII и первой половины IX века, но самым крупным из них было восстание Бабека. Оно началось в Азербайджане еще при аль-Мамуне в 816 году. Его первоначальным успехам способствовало неустойчивое положение империи в период борьбы между аль-Амином и аль-Мамоном. Восстание Бабека продолжалось свыше двадцати лет (816–837). В нем приняли участие разные слои общества: иранцы и тюрки, крестьяне и феодалы, зороастрийцы и вновь обращенные мусульмане. Оно было направлено против арабского господства и сопровождалось захватом земель арабских землевладельцев. Во взглядах Бабека, объявившего себя воплощением хуррамитского имама, восходящего к дому Абу Муслима, сложное сочетание зороастризма, манихейства и гностических верований причудливо дополнялось ши-

итско-исмаилитскими тезисами об эманации божественной благодати и переселении душ.

Бабек заключил союз с некоторыми армянскими феодалами, вступил в переписку с византийским императором Феофилом (829–842), объявив себя христианином и обещав обратить в христианство своих сторонников. Багдадские противники Бабека и его последователей обвиняли их в проповеди «общности жен». Видимо, положение женщин у хуррамитов было более свободным, чем это допускали исламские законы, кроме того, у них позволялась шиитская практика браков на время («завадж аль-мута»).

Аль-Мамуну так и не удалось справиться с восстанием хуррамитов. В свое время он подготавливал большую военную экспедицию против них во главе с Абдаллахом ибн Тахиром (828–845), собравшим для этой цели армию в Джибале. Однако Абдаллах ибн Тахир был вынужден неожиданно возвратиться на родину в Хорасан из-за смерти брата, правителя области, пост которого он собирался занять. Поэтому аль-Мамуну пришлось отложить поход и переключить все внимание на войну с Византией.

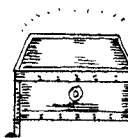
Хуррамиты успешно использовали передышку, и к моменту воцарения аль-Мутасима их движение распространилось к югу Азербайджана и охватило огромную область, включавшую часть Хорасана, Табаристан, Джурджан, Дайлам и Хамадан вплоть до Исфахана. В 835 году аль-Мутасим снял свои лучшие части с византийской границы и во главе с Афшином отправил против Бабека. Афшин преследовал повстанцев в течение двух лет, пока в 837 году не осадил главную резиденцию Бабека, крепость Базз в горной области Арран на реке Аракс в Армении. Когда стало ясно, что падение крепости неминуемо, Бабек бежал по подземному ходу и отправился в Византию, но был схвачен в пути. В 838 году Бабека отправили в Самарру, где жестоко казнили. Вскоре было подавлено и другое восстание хуррамитов в Табаристане, которым руководил Мазьяр. После этого аль-Мутасим получил возможность продолжить войну с Византией.

Граница Халифата с Византией охранялась целой цепью крепостей-городов, которые все вместе именовались «авасим» (от «асама» — «удерживать, защищать»). Среди этих

городов особенно важное военное значение имели Тарсус, Малатия, Манбидж, Аднах, Зиберта и Самосата (*араб.* Сумайсат), о чем свидетельствовал тот факт, что они были выделены в особую административную единицу. Воспользовавшись тем, что аль-Мамун и сменивший его аль-Мутасим были заняты войной с хуррамидами, император Феофил вторгся с войском в пределы Халифата и захватил ряд городов-крепостей, в том числе Зиберту, Сумайсат и Малатию. Аль-Мутасим двинул против византийцев освободившееся на востоке войско Афшина, которому удалось отбросить византийцев в глубь Малой Азии, отбить крепость Аморию и занять город Анкиру. Однако византийцы сумели остановить дальнейшее наступление халифской армии в сторону Константинополя и, в свою очередь, вынудили ее отступить к Тарсусу, чем поход Афшина и закончился.

Победы на востоке и поход на запад укрепили позиции Афшина в его собственном эмирате Ошрусане, формально находившемся под контролем правителя Хорасана Абдаллаха ибн Тахира. Добившись военных успехов, Афшин стал стремиться уменьшить влияние Тахиридов как в своем эмирате, так и в самом Багдаде. Для этого он стал оказывать всяческую поддержку борющемуся за независимость правителю Табаристана. Расположенный на южном побережье Каспийского моря Табаристан находился под опекой Абдаллаха ибн Тахира, который нес ответственность за спокойствие в этой области перед халифской властью. В 838—839 годах Абдаллаху удалось после жестоких боев подавить мятеж правителя Табаристана, схватить его союзника Афшина, привести его в Самарру и учинить над ним суд.

Любопытно, что он сумел перевести обвинение против своего соперника в религиозную плоскость, что свидетельствовало о реальном присутствии в политической борьбе религиозного элемента. Афшина, в прошлом буддиста, обвинили в вероотступничестве, в сношениях с Бабеком и поддерживавшим движение хуррамидов правителем Табаристана Мазьяр. Ему вменили в вину, что он якобы предлагал Бабеку свергнуть халифа и возвести на трон его самого, а соучастникам заговора обещал сохранить их власть над некоторыми об-

ластями Халифата. Афшин был заключен в тюрьму, а в 841 году убит.

Аль-Мутасима на халифском престоле сменил его сын от рабыни-гречанки аль-Васик (842–847). Он продолжал политику отца и дяди в области исламской догматики и покровительствовал мутазилитам. При нем особенно возросло преследование инакомыслия, активизировалась михна, которая с новой силой обрушилась на традиционалистов. В это время мутазилиты полностью захватили власть в качестве придворных теологов и господствовали в Багдаде, Самарре и Басре, где на собраниях религиозных деятелей в главной мечети города разыгрывались целые баталии по догматическим вопросам. Аль-Джахиз в «Книге о скупых» с большой иронией рисует картины этих схоластических споров.

Центр консервативной теологии в это время перемещается на восток. Видимо желая найти опору среди духовенства, хорасанские Тахириды стали покровительствовать традиционалистам, а их двор в Нишапуре стал центром консервативной суннитской теологии: туда стекались устранные деятели михны суннитские улемы. Таким образом, Тахириды в лице Абдаллаха ибн Тахира и сменившего его сына Тахира II (845–862) были готовы защищать законность власти Аббасидов против Алидов и других врагов династии, но не разделяли мутазилитской идеологии.

Разумеется, и в Багдаде в среде духовенства была значительная оппозиция мутазилитскому каламу. Но большинство богословов, подобно Ахмаду ибн Ханбалу, даже если они и не принимали новую доктрину, старались открыто не выражать своих враждебных чувств по отношению к правящей династии, а многие умеренные традиционалисты, такие, как Ибн Кулаб (умер в 854 году), даже готовы были примириться с официальной догматикой, для чего разработали компромиссную теорию о «сотворенности» Корана, делая различие между содержащимися в нем словами Аллаха, которые, по их мнению, были извечны в качестве атрибута, пребывающего в самом божественном бытии, и человеческим их выражением, существующим во времени. Таким способом они пытались осторожно увязать не защищенную логическими доводами буквалистскую интерпретацию Корана с концепцией мутазилитов.

Глава 5

Социально-экономическое состояние Халифата в VIII–XII веках

Арабские завоевания сыграли важную объединяющую роль в социально-экономической жизни вошедших в состав исламской империи стран Востока. Политическое объединение разрозненных в прошлом областей и стран повлекло за собой образование единой экономической общности и способствовало, по крайней мере на первом этапе, значительному развитию производительных сил. Это объединение привело к широкому экономическому и культурному общению регионов, различавшихся как уровнями экономического развития, так и традиционными формами жизни, а также видами производимой сельскохозяйственной и ремесленной продукции, открыло большие возможности для обмена опытом и повсеместно способствовало развитию земледелия, ремесла и торговли.

Арабские завоевания происходили в двух формах: бедуинской миграции и военной колонизации. Бедуины не получили права селиться на обрабатываемых землях, ибо завоеватели понимали, что это привело бы к разрушению экономики страны. Весьма часто сами племенные вожди, когда они получали поместья в награду за подвиги в войне, отказывались от земли, ибо не хотели обеспечивать ее обработку. На протяжении некоторого времени племена еще продолжали кочевать на тех землях, которые по характеру местности оставались свободными и не культивировались, что обеспечивало взаимовыгодный обмен между земледельцами и кочевниками-скотоводами.

Как и до арабского завоевания, главной отраслью производства оставалось основанное на искусственном орошении земледелие. Исламский средневековый мир расположен в субтропической зоне, и жизнь в безводных пустынях и степях имела свою специфику. Земледелие, основанное на ирригации, достигло наибольшего развития в Ираке, особенно

в его нижней части (Саваде), и в Египте, вдоль Нила, особенно в его дельте. Нил в Египте и Евфрат с Тигром в Месопотамии благодаря разветвленной системе искусственного орошения давали возможность собирать два урожая в год. Проблема воды была жизненно важной, и жители стран Востока задолго до возникновения ислама сумели развить широкую сеть каналов и знали машины для подъема воды на необходимый для орошения уровень. Обычай диктовал справедливое распределение воды, и государство оказывало поддержку общественным работам для содержания системы орошения на должном уровне, не прекращавшимся даже во время войн и восстаний.

Способы обработки земли были достаточно примитивными. Для выращивания огородных и садовых культур использовалась лопата, а на полях — легкий средиземноморский плуг. Практиковалась очередность в высевании культур на полях, чему порой мешала частая смена землепользователей из-за ежегодного перераспределения земли между членами общины. Как в больших земельных владениях, так и в малых способ обработки земли был одинаков. Существовали и ветряные, и водяные мельницы.

Ко времени прихода к власти Аббасидов оросительная система во всех областях Халифата, особенно в Ираке, пришла в упадок, и первые аббасидские правители направили немалые усилия на улучшение системы искусственного орошения, строительство каналов, плотин, водохранилищ, шлюзов и гидравлических колес, движимых рабочим скотом.

Основными культурами в сельском хозяйстве были зерновые: пшеница — главный продукт питания людей и ячмень — основной корм для животных. В садах и на огородах выращивались овощи всех видов, бобовые растения и специи, культивировались все виды фруктовых деревьев, а на границе с пустыней — финиковые пальмы. Большое распространение получило выращивание винограда и слив. Были также большие плантации сахарного тростника, а из технических культур — хлопка и льна. Из отдаленных областей Азии на Ближний Восток были занесены разнообразные виды цитрусовых.

О том, какое значение придавалось сельскому хозяйству в странах арабского Востока, свидетельствует специальная литература. Одним из трудов подобного рода было сочинение

иракца Ибн Вахшии (IX век) «Китаб аль-фалаха ан-набатия» («Набатейское сельское хозяйство»), посвященное сельскому хозяйству Месопотамии. В этом трактате сочетались сведения, почерпнутые автором из народных обычаев земледельческого труда и позаимствованные из древних источников. Аналогичные сочинения появлялись также в Иране, Андалусии и даже в Йемене, что свидетельствует об особом интересе богатых людей к эксплуатации их поместий и разведению загородных садов. В этих трактатах исламские авторы продолжали традиции древних писателей Греции и стран Востока.

По мусульманским представлениям земель владеет Аллах. Она как бы дается в дар тем, кто ее обрабатывает и пользуется ее плодами. Поэтому арабы-завоеватели сохранили в покоренных провинциях бывшие формы собственности, и старые владельцы земли получили право пользоваться принадлежавшими им в прошлом земельными участками при условии, что они будут их обрабатывать и исправно платить налоги.

Конфискации в пользу казны подлежали лишь бывшие владения византийских императоров и членов правящей в Византии династии, земли погибших во время войны противников завоевателей, а также выморочные земли, оказавшиеся бесхозными в результате бегства их владельцев. Эти земли считались собственностью государства — «савафи». Часть земель переходила в собственность халифа и членов его рода, а также мусульманской знати, имевшей особые заслуги в служении новой вере или отличившейся в ходе священной войны.

Из казенных земель государство жаловало частным лицам надель в форме отдельных селений или даже целых районов с жившими на этих землях крестьянами во временное или пожизненное пользование с обязательством нести военную службу. Это было условное частное землевладение — «икта». Понятие «икта» иногда сближают с европейским феодальным пожалованием и переводят как «феодальное поместье или лен». Но вернее будет переводить «икта» как «передача прав на присвоение части налогов с данного селения или района», то есть поземельного налога — «хараджа».

Таким образом, пожалование «икта» официально не меняло положение крестьянина, который, как и прежде, должен

был платить налоги либо правительственным сборщикам, либо владельцу «икта» — «мукта». Передача права на сбор налогов («икта аль-истиглал») практиковалась в центральных областях Халифата при Аббасидах и позднее, в период господства Бувайхидов и Сельджукидов.

В результате поземельный налог, который служивый человек взимал с определенной земли в свою пользу, превратился в феодальную ренту. Новый владелец («мукта») нес ответственность за обработку полученных владений («катаи», *мн.* «катаи»). «Икта» предоставлялась либо на время службы, либо пожизненно. Благодаря обычаю наследования должностей «икта» со временем стала фактически передаваться по наследству.

При Аббасидах государственная собственность на землю преобладала в центральных областях Халифата, в первую очередь в Ираке и в Египте, где имелись крупные оросительные системы. Налоги с земель «савафи» собирались специальными сборщиками и частично шли в казну. Таким образом, крупное феодальное землевладение в Халифате сочеталось с мелким крестьянским землепользованием.

Существовали также земли, находившиеся в частном владении («мульк»). Это были земли халифа и членов его рода, а также высокопоставленных персон, получавших поместья в собственность за заслуги в «священной войне» или в поддержке правящей династии. Частное землевладение было широко распространено в восточных областях Халифата, в первую очередь в провинциях Ирана. Владельцы «мульков» могли свою землю продавать, дарить, передавать по наследству. Земли «мульк» обрабатывались издольщиками. Крупные землевладельцы, собственники «мульков» и владельцы «иктас», сдавали землю в аренду феллахам-крестьянам либо на условиях издольщины («музараа»), либо, чаще, уплаты в денежной форме. В зависимости от природных условий рента иногда достигала размеров половины урожая.

Существовали и другие типы соглашения между землевладельцами и арендаторами. На землях с плантациями из фруктовых деревьев, требующими искусственного орошения («мусакат»), доход делился пополам между землевладельцем и арендатором. Существовала также форма «мугараса», при

которой арендатор разводил фруктовый сад и отдавал владельцу половину урожая.

Трудно выявить соотношение больших и малых земельных владений, но социальная иерархия, несомненно, существовала. Наравне с крупными поместьями на протяжении всей средневековой истории существовали небольшие земельные владения, часто принадлежавшие горожанам в прилежавших к городу районах. Теоретически ислам не признавал никаких привилегий за вычетом тех, которыми пользовалась родня Пророка — Алиды и Аббасиды. Все мусульмане считались равными, что должно было укрепить чувство солидарности между верующими подобно тому, какое в доисламский период существовало между всеми членами племени.

В исторических хрониках нашло отражение враждебное отношение крестьян-феллахов к владельцам больших поместий. Однако следует отметить, что труд в сельской местности, за вычетом некоторых областей (например, Нижнего Ирака), был свободным и рабы использовались главным образом в домашнем хозяйстве, а на сельскохозяйственных работах рабский труд использовался мало. Как правило, на землях всех категорий землевладельцы не вели своего господского барщинного зернового хозяйства, а взымали феодальную ренту, продуктовую или денежную, с пользователей земельными участками.

В отличие от Европы, владельцы пожалованных угодий в странах мусульманского Востока жили в городах, а не в усадьбах своих поместий. Поэтому не выделялись особые земли, которые образовывали бы собственное владение помещика и обрабатывались бы барщинным трудом. Непосредственной связи между землевладельцами и держателями земли не было, и ренту, в основном денежную, собирали для владельцев специальные чиновники, сборщики налогов, о произволе которых свидетельствуют средневековые источники.

Следует особо отметить, что в отличие от раннесредневековой Европы в странах Халифата феодальные поместья никогда не играли решающей роли в экономической жизни государства. При скудости культивируемых земель город с его ремеслами и торговлей был главным источником доходов

казны, а поскольку денежная оплата была обычной формой вознаграждения за военную и гражданскую службу, халиф постоянно нуждался в средствах для содержания чиновников и солдат-наемников.

Значительная часть земельного фонда Халифата находилась в руках различных религиозных учреждений: мечетей, медресе, благотворительных организаций, а позднее — суфийских братств. Имущество религиозно-благотворительных учреждений не отчуждалось, поэтому, стремясь обезопасить свои владения от посягательств властей или избавиться от непосильных налогов, многие владельцы земель передавали их в вакф, то есть завещали для религиозно-благотворительных целей.

Владельцы вакфов или вакуфного имущества продолжали пользоваться завещанными землями и обязаны были отдавать лишь часть своих доходов в пользу того или иного религиозного учреждения. Так они защищали себя и своих наследников от феодального произвола и одновременно выражали свои религиозные чувства.

Со временем имущество, переданное под покровительство религиозных учреждений, разрослось, и вакфы приняли форму огромных ведомств, что привело к серьезным изменениям в социальной жизни общества. Появился значительный слой людей, живших за счет вакуфного имущества. Этих людей объединяла общая забота о сохранении их коллективной собственности. Поэтому руководители религиозных учреждений искали защиты у военачальников наемной гвардии и поддерживали тех ее лидеров, которые им покровительствовали.

В свою очередь, многие военачальники, стремясь заручиться поддержкой обладавших авторитетом в среде простолюдиа религиозных руководителей, покровительствовали им в надежде на их помощь в борьбе за власть с другими военными группировками и чиновничеством. В результате по мере развития феодальных отношений зажиточные горожане оказывались все менее защищенными от произвола военщины, а союз военных и религиозных руководителей становился все более прочным. Этот союз сыграл весьма отрицательную роль в культурной и экономической жизни мусульманского мира в период позднего Средневековья.

Со всех земель со времени арабского завоевания взимался поземельный налог — «харадж». Земли, находившиеся во владении членов семьи Аббасидов, земли «катаи» и вакуфные земли налогом в казну не облагались. Все, что владелец собирал с арендаторов, превращалось в ренту в его пользу либо в пользу религиозных учреждений. На государственных землях «харадж» собирался с крестьян специальными сборщиками. Все категории собственности мусульман, включая земли икта, облагались налогом «ушр» (десятина). Разница между размером «хараджа» и «ушра» образовывала феодальную ренту и составляла чистый доход владельцев икта — мукта.

Система налогообложения, видоизменявшаяся в зависимости от местных условий, была главным свидетельством подчиненного положения иноверцев в мусульманском государстве. В некоторых областях, например в Сирии, налог на иноверцев первоначально взимался со всей общины в размере установленной завоевателями суммы, которую собирали сами жители, и сборщиков не интересовало, с кого какая часть налогов причиталась.

Все иноверцы платили подушный налог «за покровительство» («джизью»), который всегда взимался в денежном выражении. Первоначально «харадж» и «джизью» рассматривали как единую, собираемую с иноверцев подать. Со времен Омейядов «джизью» собирали только с иноверцев, а «харадж» продолжали взимать и с вновь обращенных в ислам. Во многих провинциях Халифата (в Иране, Ираке и в несколько иной форме в Египте) земли оставались хараджными и при Аббасадах вне зависимости от того, кто на них жил — мусульмане или иноверцы. Поскольку вся община несла коллективную ответственность за собранную сумму, по меньшей мере за поземельный налог, то получалось, что обращение отдельных лиц в ислам в обложении налогом не предусматривалось и вновь обращенные уплачивали «харадж» наравне с немусульманами. Это толкало жителей к бегству в города Ирака и Египта, где они фигурировали уже как мусульмане, что приводило к быстрой урбанизации провинций и наносило ущерб как земледелию, так и казне.

Создавшаяся ситуация вынудила администрацию проводить на практике различие между налогом на землю, взимае-

мым в зависимости от религиозной принадлежности, и подушным налогом, который в случае обращения заменялся «закатом», что способствовало переходу в ислам целых сельских общин. В городах «обращение» носило более индивидуальный характер.

В отличие от Западной Европы, в средневековом мусульманском мире почти вся экономическая и культурная жизнь была сосредоточена в городе. В городах обитали халифы и султаны, а также провинциальные наместники и военачальники, отсюда велось управление империей, рассылались сборщики налогов, и сюда стекались все богатства.

Степень урбанизации в разных провинциях Халифата была различна. Мусульманское законодательство не знало города как некой автономной административной единицы. Хотя город часто располагался на месте селения или города поздней Античности (например, Багдад возник вблизи древнего Ктесифона), в нем не сохранялись индивидуальные особенности его предшественника. В отличие от городов-коммун Центральной Италии XI–XII веков, располагавших известной независимостью в рамках слабоцентрализованного европейского государства, мусульманский город не обладал никакой автономией. Мусульманское государство было слишком сильным и централизованным, чтобы город мог добиться какой-либо самостоятельности. Существенным препятствием для этого служило и то обстоятельство, что город был местом пребывания феодального правителя, в то время как в Европе бароны и рыцари жили в своих поместьях и замках.

Большинство арабов-завоевателей осело в городах, мало кто из них предпочел жизнь в сельской местности. Гарнизонные лагеря завоевателей (Куфа, Басра, Фустат, Кайраван и др.) довольно быстро превратились в большие города, причем изначально их правители стремились отделить арабов-завоевателей от местных жителей и этим обеспечить большую надежность военной оккупации.

Значительная часть жителей городов (за исключением Багдада) обитала в них еще до прихода арабов-завоевателей. Однако вскоре туда устремилось местное сельское население, которое привлекала возможность трудиться, обслуживая придворных и армию в качестве ремесленников и торгов-

цев, и перспектива обогащения за счет разных видов деловой активности. Это привело к культурному взаимовлиянию, и вскоре пришельцы усвоили местные культурные традиции, а аборигены овладели языком завоевателей и стали принимать участие не только в общей экономической, но и в культурной жизни. Бедуины Аравии, принадлежавшие раньше к разным племенам, стали смешиваться с горожанами и перенимать их образ жизни.

В результате к VIII веку племенные традиции в среде арабов-горожан из реального культурного фактора превратились в далекие от социальной действительности сентиментальные воспоминания, в то время как традиции коренного населения все более воспринимались арабами-завоевателями. Одним словом, шел процесс взаимной культурной ассимиляции пришельцев и местного населения. Обе категории сближались, хотя религиозный барьер еще долго служил разъединяющим фактором. Дамаск при Омейядах и Багдад в VIII—X веках, равно как и Каир в XI веке, по культурной жизни и деловой активности смело могли соперничать с Константинополем и намного превосходили современные им европейские столицы.

Социально-экономическая структура города и сельских поселений сильно различалась. В областях, подвергшихся интенсивной урбанизации, владельцами сельских поместий были горожане, снабжавшие город сельскохозяйственной продукцией. Для отдельных горожан, равно как и для государства в целом, земля оставалась важным источником богатства, и преуспевающие купцы стремились вкладывать в нее свои доходы.

В VIII—XII веках в городах процветали традиционные для стран Ближнего и Среднего Востока ремесленные промыслы. Каждая из провинций славилась своими особыми ремесленными изделиями, и между ними был налажен широкий обмен. Существовало различие между свободными ремесленниками и государственной промышленностью, особенно в Египте, где на протяжении всей истории страны государство сохраняло контроль над ремеслами и торговлей. Под контролем государства находилось производство оружия и военных кораблей. Свободные ремесленники обязаны были постав-

лять государству всю или часть производимой ими продукции. В других областях Халифата деятельность ремесленников носила более свободный характер, но и в этом случае государство вело над ремесленным производством неусыпное наблюдение.

Особое развитие в странах мусульманского Востока получило текстильное производство: прядение, изготовление тканей из льна, хлопка, шелка и шерсти. Сирийские ремесленники специализировались на изготовлении тканей из шелка, ремесленники городов Египта и иранской провинции Фарс славились своими льняными тканями. Производство шелковых тканей получило повсеместное развитие также и в иранских городах Хузистана и Фарса, особенно в Ширазе, Исфахане и Рее, причем ремесленники этих городов изготавливали также превосходные шерстяные ткани и ковры, а производство хлопчатобумажной материи получило широкое распространение на востоке империи в городах Мерв, Нишапур и Кабул. Во всех городах Халифата выделялись тонкие и прочные сукна. О высоком качестве работы мусульманских мастеров свидетельствует тот факт, что арабские названия многих сортов тканей и изделий из них проникли в европейские языки.

Текстиль был не единственной развитой областью ремесленного производства: ювелирное ремесло было развито во всех провинциях Халифата. В разных городах Халифата изготавливались превосходные кожаные товары, седла, украшенные дорогими тканями, металлическими бляхами и даже драгоценными камнями. Сирийские ремесленники славились во всем мире пришедшим из Индии искусством изготовления особенно прочных сортов стали. Они делали знаменитые дамасские мечи и кинжалы, щиты, кольчуги, панцири и шлемы, а также различные виды металлической посуды: чаши, кувшины и блюда с дорогой инкрустацией. Города Фарса были знамениты парфюмерными изделиями (изготовлением благовоний, цветочных эссенций, масел и мыла).

В начале IX века новшеством явилось производство бумаги. Это искусство было завезено около 800 года из Китая в Самарканд и в середине IX века утвердилось в городах Ирака, Сирии, а позднее и Египта, вытеснив папирус, выделкой ко-

торого славились египетские мастера. Производство бумаги быстро распространилось по странам Средиземноморья и достигло Западной Европы.

На протяжении многих столетий технология ремесленных производств почти не изменялась. В Средние века, как и в древности, традиции ремесленного производства передавались из поколения в поколение, что и обеспечивало сохранность навыков. Каждый ремесленник работал в окружении учеников и подмастерьев.

Многочисленные свободные ремесленники разных специальностей сами распоряжались своей продукцией и продавали свои изделия на местных рынках. Однако в некоторых отраслях ремесла сложилась сложная иерархия. Так, богатые, торговавшие тканями купцы («базаз») нанимали ткачей и прядильщиков и организовывали торговлю, а конкретным сбытом их продукции занимались мелкие торговцы, а иногда и рабы.

Ближний Восток не слишком богат минеральными ресурсами, востребованными в Средневековье, но для потребностей человека их в основном было достаточно. Железная руда встречалась реже, чем медная, и необходимое для производства оружия железо приходилось частично ввозить в центральные области Халифата. Серебро добывалось в Центральной Азии и в Иране, а идущее на чеканку монет золото — в Нубии. Добыча золота и чеканка монеты были государственной монополией. Восточный Иран и Северная Индия были богаты драгоценными камнями. В каменоломнях Ирака находился в изобилии и добывался необходимый для строительства материал, а в Иране широко использовался кирпич. Египет располагал большими залежами квасцов, идущих на производство красок и составлявших одну из важных статей египетского экспорта. Жемчуг вылавливался со дна Персидского залива, кораллы добывались в Красном море. Разработки соляных месторождений интенсивно велись в Египте, причем на многих этапах средневековой истории добыча соли и ее продажа за пределы страны составляли государственную монополию.

Возникновение единого исламского государства способствовало образованию общего внутреннего рынка, прости-

равшегося от Испании на западе и до западных границ Индии на востоке. Купеческие караваны двигались по всей этой огромной территории, не встречая на пути таможенных барьеров или каких-либо иных препятствий. Лишь с IX века, по мере распада Халифата на отдельные независимые области со своими правящими династиями, начали возникать некоторые трудности для осуществления международных и внутренних коммерческих предприятий.

Законность доходов от торговли никогда не ставилась под сомнение в исламе. Ведь многие сподвижники Пророка были торговцами, да и сам Пророк принимал участие в торговых операциях. Правда, особенно ревностные в вере, склонные к аскетизму люди задумывались над вопросом о пределах дозволенного в обретении материальных благ путем торговли, но для большинства мусульман торговля, как и всякое профессиональное занятие, никогда не считалась чуждым правоверию. На всех этапах истории Халифата, особенно начиная с IX века, торговля повсеместно процветала в исламском мире.

Арабские завоевания привели к некоторому изменению направления торговли сельскохозяйственными продуктами, и если прежде продукты питания направлялись из Египта в Константинополь, то теперь их отправляли в священные города Аравии или в соседние области империи. Таким образом, сельское хозяйство не пострадало от изменения политической карты Ближнего и Среднего Востока.

Широкие торговые отношения между провинциями Халифата и интенсивный культурный обмен привели к росту старых и образованию новых, лежавших на торговых путях, центров товарного производства и торговли — больших городов с сотнями тысяч жителей, по своим размерам намного превосходивших средневековые города Европы. Крупнейшими среди них были в Ираке — Багдад, Куфа и Басра, в Сирии — Дамаск и Антиохия, в Египте — Фустат и Александрия, в Северной Африке — Кайраван и Фес, в Иране — Шираз, Исфахан, Рей, в Хорасане — Нишапур и Мерв, в Мавераннахре — Самарканд и Бухара.

С ростом внутренней и международной торговли купец становится все более важной и заметной фигурой в жизни города.

Ему противостояло хищное и безответственное сословие чиновников и наемников-гвардейцев, военачальники которых, иногда в союзе с духовенством — знатоками юридических наук и мусульманского права, — все более оттесняли на второй план торговую аристократию. Любопытно, что в средневековых хрониках жизнеописания улемов, чиновников и военачальников занимают значительное место, в то время как биографии крупных торговцев встречаются довольно редко. Тем не менее именно расцвет торговых отношений оказал решающее влияние на экономическое развитие стран Халифата до его распада в конце IX и в начале X века, и масштабы торговых сделок в мусульманском государстве на много превосходили торговые операции в средневековой Европе.

Существовали какие-то корпоративные формы организации. Торговцы находились под государственным контролем, подобно гильдиям позднесредневековой Европы, и их ассоциации играли существенную роль в общественной и частной жизни своих членов. Позднее некоторые такие ассоциации стали облекаться в религиозную форму суфийских братств, что позволяло им противостоять враждебным силам, готовым посягнуть на их имущество и саму жизнь. Торговцы гордились принадлежностью к определенной корпорации. При уплате налогов военной администрации эти ремесленные и торговые корпорации могли совместно противостоять феодальному произволу. Члены ремесленно-торгового объединения («синф») коллективно выплачивали налоги, а при собирании их устанавливали справедливые, равные для всех правила. В них шла какая-то совместная культурная жизнь с праздниками, шествиями и молениями.

Были специальные, назначавшиеся полицией и исполнявшие свои обязанности под наблюдением судей (кади) чиновники, которые несли ответственность за соблюдение правил торговли. Первоначально их именовали «главами рынка». Со временем их функции расширились и их стали называть «мухтасибами», то есть чиновниками, ответственными за «хисба» (букв. «счет, расчет» и «воздаяние на небесах»), то есть обязанностями поощрять «хорошее» и препятствовать совершению «дурного». Они должны были следить за соблюдением всех правил общественной морали, профессиональной эти-

ки и за поведением мусульман. Им вменялось в обязанность контролировать правильность мер и весов, дабы уберечь потребителей от обмана, а в голодное время — от незаконного повышения цен. В XI веке на арабском Востоке появились специальные руководства, определявшие функции «мухтасибов».

В среде торговцев четко различались два слоя: мелкие торговцы и купцы («таджир», *мн.* «туджар»), занимавшиеся крупной коммерцией. Все ввозимые иноземные товары размещались в специальных складах, «фундуках», и после уплаты пошлины государству передавались для продажи в руки местных мелких торговцев. Крупным купцам обычно не разрешалось самостоятельно выходить на внутренний рынок.

Через области Халифата проходили международные трансконтинентальные торговые пути, соединявшие страны Средиземноморья и Южной Европы с Индией и Дальним Востоком. На этих путях были расположены большие города, служившие перевалочными и обменными пунктами для крупной оптовой торговли. К сожалению, о масштабах торговых операций мы можем судить лишь косвенно и главным образом по данным из обширной географической литературы и из многочисленных полуфольклорных описаний дальних заморских путешествий. При Аббасидах одним из главных центров международной торговли был Багдад, уступивший в XI веке пальму первенства Каиру.

Большое развитие в Халифате получила морская торговля. Главными портами для заморских торговых операций служили Басра и Сираф. Торговые корабли отправлялись из Басры (точнее, из басрийского порта Убуллы) в Персидский залив или из Сирафа с заходом в Оман и Аден на побережье Аравии к берегам Восточной Африки и к острову Занзибар. Двигаясь на восток, они достигали Индии, Малайи, островов Индонезии и Китая (Кантон). Со своей стороны индийские и китайские купцы время от времени посещали порты Халифата, а чаще прибывали на Цейлон или к портам Малайского архипелага, где встречались с мусульманскими купцами и обменивались с ними товарами. После беспорядков в Китае в конце IX века, сопровождавшихся мусульманскими по-

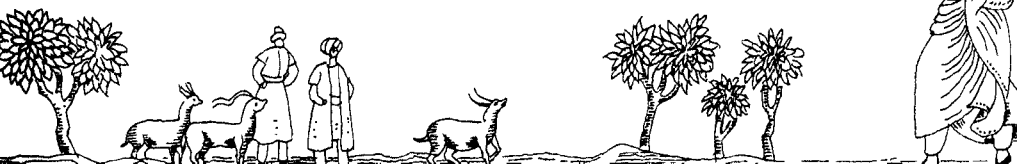
громами в Кантоне, эти промежуточные места встречи стали играть важную роль.

Торговля со странами Европы приняла широкие размеры лишь с XI века, а торговле с Византией постоянно препятствовали войны. Тем не менее торговые операции с Византией не прекращались никогда. Существовали и широкие торговые связи с хазарами (в столице которых Итиле находилась мусульманская колония), тюркскими кочевниками и Русью.

Привозимые в Багдад заморские товары частично раскупались халифом и придворной аристократией, но большая их часть отправлялась в порты Сирии и Египта и предназначалась для продажи в христианские страны Средиземноморья, а остальные шли по суше и морем в Константинополь, а отсюда развозились по странам Восточной Европы и в византийскую Италию. Часть товаров перевозили по суше в города Мавераннахра, знаменитого центра международной торговли, и далее по шелковому пути в Китай. Из Европы в мусульманские страны ввозились изделия из кожи, пушнина, лесоматериалы для кораблестроения, железо для изготовления оружия. По Индийскому океану также доставлялось тиковое и каштановое дерево, использовавшееся при строительстве кораблей, а из Африки — особенно ценные породы дерева и слоновая кость. Процветала и работорговля. Рабов привозили из Черной Африки, особенно с острова Занзибар, Восточной Европы и тюркской Центральной Азии. Не последнюю роль в торговле живым товаром играли венецианские работорговцы.

Европа ввозила из стран исламского мира не только предметы роскоши, специи и продукты питания (например, финики и соль), но и товары, необходимые для фабричного производства, например квасцы из Египта. Как для европейских, так и для мусульманских купцов смысл торговли состоял в игре на различии цен в странах Востока и Запада. Проблемы завоевания рынков или конкуренции в Средние века не было. Баланс импорта и экспорта товаров постоянно сохранялся, и все расчеты велись в наличных деньгах.

В торговле мусульманского Востока участвовали купцы всех религиозных и национальных групп: мусульмане, христиане, евреи и зороастрийцы. Так, в торговых операциях в Индийском океане ведущая роль принадлежала персам

и арабам, а за пределами Индийского океана доминировали евреи и христиане, перевозившие свои товары на кораблях мусульман. Торговля со странами Запада по традиции находилась в основном в руках южноитальянских и венецианских купцов и евреев из Испании и Южной Франции, прославившихся своей предприимчивостью. Обширные сведения о еврейской торговле между странами Запада и Востока содержатся в материалах каирской генизы (места хранения в синагоге священных и иных документов).

В X—XI веках отсутствие прочной власти в Халифате и войны в его восточных провинциях, а также торговая политика Фатимидов и усиление итальянских городов способствовали изменению торговых путей в Индийском океане. Важным центром на пути между Красным и Средиземным морями стал Йемен. Торговые пути с Южной Италией проходили через Магриб, а еще с VIII—IX веков — через Испанию. Через Испанию везли главным образом наиболее ценные предметы и продукты небольшого веса: специи (особенно перец), благовония, наркотические вещества, драгоценные камни и жемчуг, а также привозимые из Китая тонкие ткани из шелка.

Во время Крестовых походов торговлю по Средиземному морю контролировали в основном христианские купцы, а с Африкой и Азией вплоть до португальских открытий — мусульманские. Операции совершались в Египте, который служил перевалочным пунктом для товаров, и в Сирии, причем мусульманские и еврейские купцы держали в своих руках торговлю Азии со странами Средиземного моря.

Ремесленники и торговцы одной профессии обычно располагались, как и в европейских городах, в отдельном квартале, причем средневековый мусульманский город развивался как конгломерат закрытых, а порой даже враждебных друг другу районов, иногда разделенных стенами с запиравшими на ночь воротами, а иногда пустошами или руинами разрушенных сооружений.

Некоторые кварталы заселялись по национальному или религиозному признаку. Например, квартал аль-Карх в Багдаде был населен почти только шиитами. Исключение составляли поставщики предметов питания, которые проживали в боль-

ших городах во всех кварталах. В центре города, близ большой мечети, обычно располагались поставщики текстильных товаров с центральными складами, большими лавками и крытым базаром. Тут же обычно сидели менялы и золотых дел мастера. Около городских ворот находились рынки для торговли с кочевниками, а также «фундуки» или караван-сарай для хранения товаров и торговли с иноземными купцами.

По обе стороны улиц обычно сооружались дома без окон, в которых горожане держали свою собственность, здесь же находились их семьи. Обитателей дома нельзя было увидеть снаружи, единственная открытая для воздуха его часть была обращена во внутренний дворик или к проходу на крышу, где жители проводили жаркие южные ночи.

Разумеется, в каждом городе были какие-то формы хозяйственной администрации, в функции которой входило наблюдение за исправностью проезжих дорог, источниками водоснабжения и очистки города от мусора. Была и полиция, которая наблюдала за благонаравием горожан, порядком и охраняла покой жителей.

Богатый горожанин жил в окружении большого количества слуг и имел одного или нескольких невольников. Рабы в основном использовались для домашних услуг в качестве ремесленников, но почти никогда не работали в сельском хозяйстве. Арабский средневековый фольклор полон рассказов о нерадивости рабов и их своенравии, к которому хозяева часто относились с известной долей юмора. На службе у халифа или иных высокопоставленных персон они могли достичь высокого положения. Именно так происходило со многими тюркскими и африканскими рабами, из которых комплектовались отряды придворной гвардии. Иногда их назначали управляющими имениями, а иногда их судьба складывалась трагично: их кастрировали и помещали евнухами в гаремы. Дети от рабынь-наложниц и их хозяев обычно получали свободу, так же как и сами рабыни после смерти их господ.

Смешанные браки и внебрачные отношения рабовладельцев с их рабынями, возможно, объясняют сравнительно слабое распространение расовых предрассудков в средневековом исламском обществе, да и сами халифы часто были плодами подобных связей.

Глава 6Арабы и Халифат
во второй половине IX века

Аль-Мутаваккил.

Восстановление суннитского правоверия

Во второй половине IX века во внутренней жизни Халифата наметился решающий перелом. В 847 году умер халиф аль-Васик, и власть перешла в руки ставленника тюркских военачальников, брата аль-Васика — Джафара, вступившего на трон под именем аль-Мутаваккила (847–861). Уже в первый год своего правления аль-Мутаваккил был вынужден коренным образом изменить религиозную политику своих предшественников и, в отличие от Мамуна и его преемников, больше не оказывать покровительства философам и богословам-мутакаллимам. Небольшая группа мусульманских интеллектуалов, которую традиционная часть исламского общества постоянно подозревала в ереси, была не в состоянии оказать сколько-нибудь серьезную поддержку предшественникам аль-Мутаваккила, и тем приходилось опираться на преторианскую гвардию сперва в Багдаде, а позднее, после 836 года, и в самом халифском дворце в Самарре. Гвардейцы вскоре осознали, что халиф не обладает реальной силой, и предпочли считать своим лидером не его, а того или иного из своих военачальников.

Аль-Мутаваккилу пришлось учесть опыт своего предшественника и считаться с тем, что авторитет халифской власти в государстве упал, а чиновники и военачальники, борясь за власть, все больше вмешиваются в государственные дела. Понимая, какую опасность для правящей династии и для него самого представляют неуправляемые и склонные к политическим авантюрам тюркские гвардейцы, аль-Мутаваккил стал лихорадочно искать способ избавиться от их насильственной опеки и попытался найти опору в консервативных кругах общества. Поэтому в последней судорожной попытке восстановить утраченное положение династии халиф решил принять сторону популярной в народе консервативной теологии и от-

верг насаждавшуюся его предшественниками элитарную мутазилитскую догматику, к которой ни он, ни его преемники больше никогда не возвращались.

Халифы аль-Мансур и Харун ар-Рашид всячески стремились сохранить известное равновесие между требованиями исламского фундаментализма и теми разнообразными культурными традициями, которые приносились в жизнь Халифата интеллектуалами из числа вновь обращенных мусульман. Так они рассчитывали сохранить мир в империи и укрепить свою власть. Аль-Мамун нарушил это равновесие, выступив в поддержку сравнительно узкого круга приверженцев греческой философской мысли и попытавшись основать исламскую догматику на непонятных для широкого круга верующих рационалистических философских основах. Тем самым он нарушил неустойчивый баланс сил и вызвал против себя гнев традиционалистов. Когда же это случилось, Аль-Мутаваккил вместо того, чтобы восстановить этот баланс, попытался переориентироваться на традиционный ислам в его самых крайних формах и истребить всякое проявление религиозного свободомыслия, надеясь таким образом укрепить пошатнувшуюся власть Аббасидской династии и предотвратить неизбежный распад империи. Разумеется, успеха эта политика принести не могла.

Аль-Мутаваккил решительно осудил один из главных мутазилитских тезисов о «сотворенности» Корана, равно как и вообще всю рационалистическую теологию — «калам», и запретил какие-либо дискуссии по поводу символа веры. Для пропаганды традиционного вероучения он призвал некоторых факихов консервативного толка публично отвергать в своих проповедях все положения доктрины мутазилитов и других сторонников тезиса о «свободе воли». Он приказал в торжественной обстановке произвести перезахоронение праха Ахмада ибн Насра аль-Хузаи, казненного по приказу халифа аль-Васика за отказ признать мутазилитскую доктрину, а сместив через некоторое время главного кади Ахмада ибн Аби Дуада, велел заточить его в тюрьму, где он и умер в 854 году. По совету Ахмада ибн Ханбалы на пост главного судьи был назначен традиционалист Ибн Ахтам. Сам же Ахмад

ибн Ханбал от предложенного ему поста судьи отказался, сославшись на возраст.

Рационалистическое направление в исламе после 847 года стало предметом интересов и занятий лишь небольшого числа исламских интеллектуалов. В результате суннитский ислам оказался на долгое время лишенным каких-либо рационалистических подходов, которые отныне были присущи лишь шиитским теоретикам.

Гонения на мутазилитов отразились и на положении Алидов. Со времени непродолжительного союза аль-Мамуна с Али ар-Рида, столь трагически завершившегося для последнего, Алиды не пользовались благосклонностью властей, однако репрессиям не подвергались. А при аль-Мутаваккиле их стали жестоко преследовать. В 850 году аль-Мутаваккил приказал собрать в Самарре всех проживавших в Багдаде Алидов, присоединить к ним вызванных из Египта членов рода и сослать их в Медину. Некоторые, находившиеся в Египте, Алиды пытались уклониться от исполнения этого приказа, за что были жестоко наказаны. Позднее сменивший аль-Мутаваккила халиф аль-Мунтасир (861–862) отправил в Египет специальный указ, запрещающий остававшимся там Алидам арендовать государственные земли, покидать пределы египетской столицы, ездить верхом на лошадях, держать более одного раба, давать в суде свидетельские показания. И хотя этот указ никогда не исполнялся, он может служить примером отношения аль-Мутаваккила и его преемников к мусульманской аристократии.

В 851 году аль-Мутаваккил открыто выразил свое враждебное отношение к шиитам. По его приказу шиитская святыня, могила Хусайна в Кербеле, была осквернена, и халиф запретил паломничество к ней. Десятый шиитский имам аль-Хади был насильственно перевезен из Медины в Самарру, где в 868 году и умер. Халиф распорядился наказывать смертью всякого, кто осмелится оскорблять сподвижников Пророка и первых трех праведных халифов. Он старался общаться только с ярыми ненавистниками четвертого праведного халифа. Рассказывали, что один из них имел обыкновение Али всячески поносить. Кривляясь и паясничая, он засовывал под одежду подушку и, обнажив лысый череп, пускался

в пляс, припевая: «Вот идет лысый пузан, халиф правоверных», имея в виду Али.

Приняв решение возвратиться к консервативной версии ислама, аль-Мутаваккил стал преследовать сторонников других философско-религиозных учений, в первую очередь христиан-несторианцев, которых изгнали из диванов. Дружеский и просвещенный диалог между исламом и христианством сменился ожесточенной полемикой. От времени аль-Мутаваккила сохранились два сочинения, содержащие нападки на иноверцев, в первую очередь христиан: труд уроженца Мерва, перешедшего в ислам христианина Абдаллаха ат-Табари (не путать с известным арабским историком Ибн Джариром ат-Табари), написавшего в 855 году по просьбе аль-Мутаваккила «Книгу о религии и истории» (Китаб ад-дин ва-д-даула), заслужившую одобрение халифа, и трактат аль-Джахиза «Отвержение христиан». Основываясь на истолковании соответствующих мест в Коране, эти авторы обвиняли христиан и иудеев в том, что они исказили священные книги, и объясняли, как они это сделали. Однако при этом мусульманские писатели вынуждены были признать, что проповеди Мухаммада явились завершением иудейско-христианского откровения.

В ответ на высказанные в этих сочинениях обвинения христиане со своей стороны указывали, что ни в Ветхом, ни в Новом Заветах не было никаких указаний на пришествие нового пророка. Таким образом, полемика, связанная с толкованием священных текстов, приняла идеологический характер. В этих спорах исламские теологи не только высказывали свои взгляды на роль и место Иисуса Христа, но оперировали множеством трансформированных в ближневосточном фольклоре легенд. Это обстоятельство, равно как и путаница в Коране по поводу двух Марий (сестры Моисея и матери Иисуса Христа), давало христианам обильный материал для аргументации в спорах с их противниками. Многие темы антихристианской полемики со временем стали постоянными, и такие позднейшие теологи, как Ибн Хазм (умер в 1064 году) и аль-Газали, обладавшие глубочайшими познаниями в области догматики враждебной стороны, могли цитировать священные книги иудеев и христиан столь же свободно, как и Коран.

Позднейшие суннитские и шиитские историки трактовали действия аль-Мутаваккила в первую очередь как результат его личных религиозных убеждений. В действительности же его побуждало к ним политическое положение в стране. Это хорошо понимал аль-Джахиз, который был не столько профессиональным теологом, сколько писателем и эссеистом. Как он справедливо отмечал, источник религиозного ожесточения аль-Мутаваккила и его нетерпимости следовало искать в первую очередь в самой исторической ситуации, в частности в положении халифа, зажато́го между, с одной стороны, своим ближайшим советником аль-Фатхом ибн Хаканом и верховным кади традиционалистом Ибн Ахтамом, а с другой — тюркскими эмирами. Аль-Джахиз обратил внимание и на социальный аспект ситуации. Он отметил, что христиане более образованны и богаты, ездят на охоту, играют в поло и носят более красивую одежду, что производит впечатление их превосходства и тем самым унижает мусульман. Это и создает условия для религиозных конфликтов. Аль-Джахиз доказывал, что для подобного чувства униженности у мусульман нет никаких оснований и что их религиозное превосходство совершенно очевидно.

В 853 году аль-Мутаваккил издал указ о восстановлении старинных дискриминационных мер против христиан и иудеев, обычно в последние годы не применявшихся. Было предписано надзирать за соблюдением правил в отношении поведения и одежды иноверцев. Иноверцам было запрещено занимать какие бы то ни было должности в администрации и изучать в школах арабский язык, что должно было, по мнению халифа, воспрепятствовать их проникновению во властные структуры и отделить их от мусульман. Установленной еще при халифе аль-Махди михне были приданы новые функции. Теперь михна должна была не только преследовать мусульман, которых подозревали в манихействе, зороастризме или в том, что они исповедуют учение «дахрия» (так именовалась секта, члены которой верили в извечность материального мира — «дахр»), но также следить за деятельностью религиозных меньшинств.

В Египте, где еще со времен Омейядов практиковались различные строгости и ограничения в отношении христиан, си-

туация еще более обострилась. Особенно тяжелым оказалось положение коптских христиан в IX веке, когда началась интенсивная миграция бедуинских племен в страну. Центры коптского христианства, монастырские общины и обители в пустыне подвергались жестокому разграблению, и монахи вынуждены были превращать свои монастыри в крепости, а власти не принимали никаких мер, чтобы их защитить. В результате такой политики Египет все более исламизировался, а христиане были сведены до положения бесправного религиозного меньшинства.

Отказавшись от религиозной политики своих предшественников, аль-Мутаваккил продолжал их строительную деятельность. Грандиозный дворец в Самарре, созданию которого халиф уделял столь большое внимание, дорого обошелся казне. Впрочем, опасаясь за свою жизнь, аль-Мутаваккил однажды решил вовсе покинуть свою резиденцию и приказал соорудить к северу от Самарры новый город, названный по его имени Джафария, где построил дворец, мечеть и казармы, стоившие казне, по свидетельству хронистов, много денег.

Не доверяя окружавшим его людям, аль-Мутаваккил оказался одним из немногих аббасидских халифов, пытавшихся управлять страной без официально назначенного вазира. Функцию его ближайшего помощника и советника выполнял славившийся своей образованностью, преданный халифу и опытный администратор аль-Фатх ибн Хакан, которого часто, вероятно не вполне справедливо, арабские историки называли интриганом и доносчиком. В окружении аль-Мутаваккила было много тюркских военачальников, занимавших высшие посты в придворной иерархии, и аль-Фатх ибн Хакан в значительной мере противостоял их влиянию, за что, возможно, и заслужил неприязнь многих своих современников.

Аль-Фатх ибн Хакан принадлежал к знатной тюркской семье из Ферганы. Его отец возглавлял тюркских солдат из Мавераннахра, составлявших личную гвардию халифа аль-Мутасима. Аль-Фатх попал к аббасидскому двору в возрасте шести лет в роли товарища по детским играм будущего халифа. Поэтому он воспитывался вместе со своим сверстником аль-Мутаваккилом и позднее стал его другом и помощ-

ником во всех государственных делах. Сначала аль-Мутаваккил назначил его надзирающим за строительными работами в Самарре, а в 856 году — правителем Египта, сместив с этого поста своего собственного сына, впоследствии халифа аль-Мунтасира, чего тот никогда не мог простить ни отцу, ни его другу.

Просвещенный помощник аль-Мутаваккила был большим меценатом, в его дворце часто бывали ученые, писатели и поэты, в том числе аль-Джахиз, знаменитый поэт, аббасидский панегирист аль-Бухтури (821–897), филолог и историк ас-Салаб (815–904) и другие. В доме у аль-Фатха была обширная библиотека, которую любили посещать ученые и теологи из Басры и Куфы. Он был страстным «книголюбом», и легенда повествует, что всякий раз, выходя по какой-либо причине из-за стола халифа, он извлекал из рукава или туфли какую-либо рукопись и читал ее до тех пор, пока не возвращался к столу. Сочинял он и стихи, и прозу. Погиб аль-Фатх трагически, пытаясь своим телом заслонить от кинжала убийцы своего друга и покровителя.

Аль-Мутаваккил, как и другие аббасидские правители его времени, очень серьезно относился к поддержанию своего авторитета путем строгого соблюдения внешней атрибутики. В соответствии с древнеиранскими обычаями торжественные аудиенции во дворце давались в форме установленного церемониала, который лишней раз должен был подчеркнуть величие халифской власти. Праздники халифской семьи отмечались во дворце с необыкновенной пышностью. Одним из впечатляющих, отмеченных историками торжеств был праздник, устроенный халифом в связи с днем обрезания его любимого наследника аль-Мутазза.

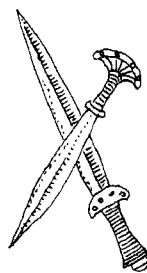
Аль-Мутаваккил пал жертвой дворцового заговора, который был устроен не без содействия будущего халифа аль-Мунтасира гвардейцами-тюрьками — теми самыми, что привели его к власти. Он назначил своим преемником не старшего сына аль-Мунтасира, а младшего отпрыска от любимой фаворитки, греческой наложницы, — аль-Мутазза, что вызвало недовольство эмиров. Тюркские военачальники решили поддержать аль-Мунтасира, предварительно заручившись его обещанием управлять государством, строго сообразуясь с их

интересами, а аль-Мутацца заточили в тюрьму. Однако вскоре между новым халифом и гвардейцами возникла ссора. Аль-Мунтасир, видимо, не сумел или не захотел выполнять их волю и спустя шесть месяцев тоже был убит.

Смерть аль-Мутаваккила положила начало целому десятилетию кровавых смут и дворцовых переворотов, во время которых тюркские эмиры назначали и низвергали халифов. Эта чехарда была результатом борьбы за власть, которая разыгралась между различными кликами придворных и гвардейцев. За десять лет, с 861 по 870 год, на престоле сменилось четыре халифа, из которых по крайней мере трое умерли насильственной смертью. Это были аль-Мунтасир (861–862), аль-Мустаин (862–866), аль-Мутаzz (866–869) и аль-Мухтади (869–870).

Свергая аль-Мунтасира, тюркские военачальники, видимо, решили действовать более осмотрительно и не доверять обещаниям претендента на престол. Они возвели на трон сына аль-Мутасима — аль-Мустаина. Но этот выбор не был сделан ими единодушно. Часть военачальников сочла, что новый халиф не обладает нужными им качествами, и отказалась его поддерживать. Противники аль-Мустаина изгнали его из Самарры в Багдад, вызволили из тюрьмы аль-Мутацца и провозгласили его халифом. Таким образом, возникло двоевластие: один халиф находился в Багдаде, а другой — в Самарре. В 865 году тюркские сторонники аль-Мутацца двинулись на Багдад.

С полным основанием опасаясь грабежей со стороны приближавшегося тюркского войска, имевшие богатый и горький опыт междоусобиц горожане решили оказать сопротивление. Осада города сторонниками аль-Мутацца продолжалась около года (865–866), причем оборону возглавили тахиридские эмиры, стоявшие во главе полиции. Они сумели объединить вокруг себя горожан всех конфессий и соорудить прочные защитные укрепления. За время осады и боев предместья города сильно пострадали. Некоторые районы были совершенно разрушены. В конце концов багдадцы вынуждены были капитулировать. Аль-Мустаин отрекся от престола, но это его не спасло, и он был убит.

Желая укрепить позиции центральной власти в Египте, одной из самых богатых провинций Халифата, аль-Мутазз направил туда своего наместника, а в помощь ему назначил его пасынка, тюркского военачальника Ахмада ибн Тулуна. В 868 году Ахмад ибн Тулун сумел полностью захватить власть над Египтом и даже частично над Сирией и, воспользовавшись слабостью халифской власти, основал в своих владениях фактически независимую от Багдада династию Тулунидов.

Но и аль-Мутаззу не было суждено долго оставаться у власти. Утратив за три года правления благорасположение тюркских гвардейцев в Самарре, он был схвачен, избит, его заставили отречься от престола (это было необходимо для придания видимой законности переходу власти к другому члену правящей династии), а затем убит.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю жителей Багдада, и отсутствие в городе стабильной власти оказали влияние и на положение дел в провинциях. Все десятилетие было временем беспрецедентного произвола провинциальных эмиров и чиновников, полностью вышедших из-под контроля центральной власти и облагавших жителей вверенных им владений огромными налогами в свою пользу, что давало им возможность создавать собственные армии. Разумеется, в этой сложнейшей обстановке государственная казна ничего из провинций не получала.

После убийства аль-Мутазза и шестимесячного правления его преемника аль-Мухтади (869–870) на престол вступил брат аль-Мутазза, еще один сын аль-Мутаваккила — аль-Мутамид, которому суждено было продержаться у власти более двадцати лет (870–892). Молодой халиф был слабой фигурой, может быть, это и обеспечило ему долгое царствование. С самого начала он счел за лучшее разделить управление государством на две части, что символически положило начало будущему распаду империи. Своему сыну Джафару он пожаловал западные провинции, включавшие Ифрикию, Египет и Сирию, а эмиром Ирака, Ирана и Аравии назначил своего брата аль-Муваффака, который стал фактическим правителем всего востока и которому через некоторое время неспособный руководить государством халиф, возможно вопреки соб-

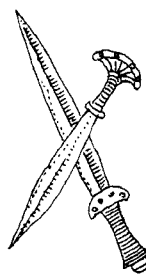
ственной воле, полностью доверил всю власть, избрав для себя резиденцией Самарру, откуда редко выезжал.

В качестве регента аль-Муваффах вскоре стал фактически неограниченным правителем Халифата. Энергичный и деятельный руководитель, он поставил перед собой задачу укрепить авторитет центральной власти, добиться восстановления порядка в провинциях и подчинения их Багдаду. Он начал с того, что навел порядок в самой столице, где в условиях государственной смуты бесчинствовал плебс, грабивший имущество зажиточных горожан. Кроме того, на его долю выпала тяжелая задача по ликвидации восстания занджей и война с Саффирами — династией, захватившей власть в восточных провинциях империи.

Восстание занджей

Потребность в рабах в общественном производстве стимулировала весьма оживленную работорговлю. Особенно интенсивно использовался труд рабов в Нижнем Ираке. Крупные землевладельцы владели здесь поместьями, на которых выращивался сахарный тростник и хлопок и где шла большая работа по осушению болот и проведению каналов, предназначенных для искусственного орошения. На плантациях трудились исключительно чернокожие рабы, привозимые арабскими и персидскими купцами с восточного побережья Африки и с острова Занзибар (араб. Зандж), откуда и произошло их наименование «занджи». Часть плантаций принадлежала государству. Условия работы были каторжными. Надсмотрщики обращались с рабами жестоко, а полуголодное существование и болотная лихорадка убивали их сотнями. Особенно большое скопление рабов на плантациях было в районе Басры и в иранском Хузистане.

В 869 году вспыхнуло большое восстание занджей. Некий Али ибн Мухаммад, утверждавший, что он ведет свое происхождение от Али и Фатимы, провозгласил себя халифом в районе, занятом повстанцами, приказал молиться за него в мечетях как за суверенного государя и даже чеканить монеты с его именем. Он объявил себя «скрытым имамом», собрал в окрестностях Басры около 15 тысяч рабов и возвестил, что

явился, чтобы улучшить их положение и сделать их владельцами имущества и рабов. Арабские средневековые историки с презрением отвергали «алидскую генеалогию» Али ибн Мухаммада и мало что сообщали об идеологии, которая стояла за волнениями занджей. Занджи не создали особой секты, и поэтому их действия не нашли отражение в трудах арабских ересеографов.

Историк Ибн Джарир ат-Табари довольно подробно описывает ход восстания, но почти ничего не говорит о его идейном содержании. Рабы плохо разбирались в идейных основах, на которых покоились проповеди Али ибн Мухаммада, как правило, они его даже плохо понимали, ибо арабского языка не знали. Из источников следует, что Али проповедовал некую крайнюю форму хариджизма, родственную азракизму, согласно которой смерть предопределялась не только неверным, но и всем тем мусульманам (и даже их семьям), кто отвергал хариджитское понимание ислама.

В средневековом исламе хариджизм был удобным ярлыком для описания всякого социального движения и даже для чистой анархии. Недовольство безграмотных занджей было вызвано социально-экономическими, а не идеологическими или тем более теологическими причинами. Они были голодны, озлоблены и охотно шли на самый страшный разбой. Они не ставили себе целью создание свободного от рабства утопического общества, а просто ненавидели своих мучителей и, покинув плантации, предавались грабежам городов и деревень Южного Ирака. При этом они либо не могли, либо не хотели обосновываться в тех областях, которые грабили. Действия халифа против занджей в столь же малой степени были мотивированы идеологическими соображениями, как и действия самих занджей.

В 869 году занджи захватили и разграбили Убуллу и Абадан. Последовательно нанеся поражение нескольким выступившим против них правительственным отрядам, они распространили свою власть по всему Хузистану и овладели Ахвазом. В 869 году занджи впервые попытались овладеть Басрой, но, не сумев этого сделать, подвергли страшному опустошению окрестности, убивая землевладельцев и захватывая добычу и оружие. В 871 году им удалось наконец ворваться в Басру,

где они, по свидетельству историка аль-Масуди, убили многих жителей и сожгли большую часть города.

Повествуя о бедствиях, которые обрушились на жителей Басры, современник событий знаменитый арабский поэт, грек по происхождению Ибн ар-Руми (836—896) писал:

Сколько отцов увидело самого дорогого из сыновей поднятым на острие недремлющего (копья)!

Сколько младенцев было раньше срока отнято от груди острым мечом!

Сколько девушек, девственность которых охраняла печать Аллаха, они (занджи) открыто обесчестили, не бледнея (при этом от стыда).

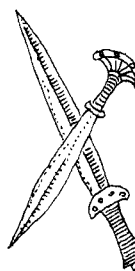
Сколько целомудренных женщин, сорвав с их лица покрывало, они увели в плен.

Они пришли утром — и столько вытерпел народ от них за день, как будто прошла тысяча лет.

Взятием Басры руководил некий аль-Мухаллаби, один из сподвижников Али ибн Мухаммада. В проповедях азракитского характера и молитвах, которыми сопровождался грабежи, он проклинал Аббасидов как деспотов и тиранов.

Аль-Масуди сообщает, что занджи обратили в рабство и увели из города много жителей. По его словам, они продавали на рынках арабских женщин знатного происхождения — алидок и курайшиток. Каждый из грабителей владел десятками женщин, находившихся у него в качестве рабынь-наложниц. Постепенно руководители занджей превратились в крупных землевладельцев и рабовладельцев. Обладая большими богатствами и неограниченной властью, они объявили свою деспотию идеальным государственным устройством.

В 879 году занджи захватили город Васит и таким образом отрезали пути, ведущие из Багдада к Персидскому заливу, прервав нормальный ход речной и морской торговли с заморскими странами (в первую очередь с Индией), приносящей казне большие доходы. Продвигаясь на север, они стали угрожать самому Багдаду. Нарушение традиционной торговли по рекам Ирака пошло на пользу главному торговому сопернику Багдада — правителю Египта Ибн Тулуну, ибо торговые

корабли избегали беспокойный район Персидского залива, и купцы стали доставлять свои товары к Средиземному морю через порты Красного моря.

Оценив всю опасность сложившейся ситуации, аль-Муваффак отправил войско во главе со своим сыном, будущим халифом аль-Мутаидом, которое изгнало занджей из Васита.

Подавление восстания занджей заняло полтора десятилетия. Занджи храбро сражались, ибо им нечего было терять, а их главари проявили немалое военное умение. Они не пытались долго удерживать захваченные города, понимая, что это невозможно, но, подвергнув их разграблению, уходили в Нижний Ирак, где в болотах, на островах Шатт аль-Араба, создали укрепленные базы, расположив там свои жилища и склады. Сюда они свозили награбленную добычу и отсюда же совершали набеги на купеческие караваны и нападали на речные суда. Халифская армия, отборные части которой состояли из кавалерии, была непригодна для войны в таких условиях. При этом на сторону занджей часто переходили чернокожие солдаты из отрядов правительственных войск.

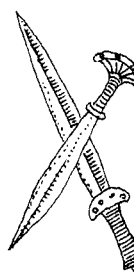
Сначала аль-Мутамид пытался справиться с ситуацией сам, однако несколько отправленных им против занджей карательных экспедиций оказались малоэффективными. Дело усложнялось тем, что в 875 году у занджей появился новый союзник в лице правителя Сиджистана Йакуба ас-Саффара (о ас-Саффаре и Саффаридах будет сказано ниже), который возымел честолюбивые намерения захватить власть в Халифате и двинулся с войском на Багдад. Однако здесь в дело вмешался энергичный аль-Муваффак. Войско Йакуба ас-Саффара было разгромлено на пути в Багдад, а отряд его наместника в Хузистане, пытавшийся предпринять совместные наступательные действия с занджами, был разбит под Сусом в 876 году. После этого аль-Муваффак начал массированные операции против занджей. Сперва в 880 году он отправил в поход отряд во главе с собственным сыном, но, когда тому не удалось добиться реального успеха, сам в 883 году возглавил армию.

Войско аль-Муваффака в сопровождении многочисленной речной флотилии из мелких судов, барок и лодок стало медленно продвигаться по протокам и каналам к убежищам занджей. Аль-Муваффак оказался неплохим стратегом и вместе

с тем умелым дипломатом. Его войско брало укрепленные лагерь за другим, и одновременно он сманивал повстанцев хорошим обращением с пленными и обещаниями помиловать всех, кто добровольно выйдет из болот. Наконец ему удалось пробиться к крепости на болотах, где была резиденция Али ибн Мухаммада; он предложил вождю восстания капитулировать и принести присягу халифу в обмен на помилование. Али отказался. Началась длительная осада. В крепости голодали. Наконец в 883 году она пала, Али был убит, а регент с войском возвратился в Багдад, где ему была организована торжественная встреча и где за победу над занджами он удостоился почетного имени ан-Насир ли-дин Аллах («Победитель во имя веры Аллаха»).

Триумфальная победа аль-Муваффака над занджами не устранила, естественно, опасности местного сепаратизма, но на несколько десятилетий задержала окончательный распад государства.

Фактический правитель мусульманской империи при бесильном халифе, аль-Муваффак был требовательным и жестким руководителем. Он не пользовался большой любовью у подданных Халифата, которых безжалостно облагал все новыми налогами. Однако жители Ирака были ему благодарны за ликвидацию занджской опасности. Своей главной целью аль-Муваффак положил любыми путями сохранить целостность государства, но добиться этого в полной мере ему не удалось. Его главной опорой продолжали оставаться тюркские военачальники, которых он щедро вознаграждал, пытаясь при этом опереться также и на служивую бюрократию, на мавали и на христианских чиновников, чье влияние при нем заметно возросло. Все они, разумеется, в первую очередь преследовали свои клановые интересы. За спиной халифа аль-Мутамида стояла богатая шиитская верхушка, также обладавшая в стране значительным экономическим и политическим влиянием. Конфликт социальных и религиозных групп часто приводил в Багдаде к различным заговорам, с которыми аль-Муваффак, играя на противоречиях сторон, безжалостно расправлялся. Аресты, конфискации имущества и даже убийства в период его правления были обычным делом.

Глава 7

Распад арабо-мусульманской империи в IX–X веках

Арабы и Халифат в первой половине X века

В 891 году аль-Муваффак умер. Перед смертью он сумел добиться провозглашения своего сына от рабыни-гречанки тем, кем он формально был сам, — «вторым наследником» халифа после сына аль-Мутамида. Однако молодой человек проявил большую ловкость и добился утверждения «первым наследником», и, когда аль-Мутамид умер, именно он, а не законный наследник, сын халифа, занял трон под именем аль-Мутаид (892–902). Это произошло не в резиденции аль-Мутамида в Самарре, а в Багдаде, куда перед началом правления аль-Мутамида была переведена столица; с той поры Багдад оставался столицей Халифата до монгольского завоевания в 1258 году.

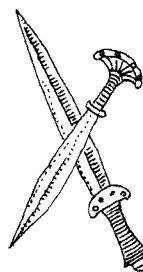
Аль-Мутаид вступил на престол в трудное для государства время. Многие провинции империи вышли из подчинения багдадской власти, а казна была пуста. Правда, с помощью опытного вазира Убайдаллаха ибн Сулаймана и военачальника из числа вольноотпущенников Бадра аль-Мутаид сумел подавить восстание в Табаристане и восстановить контроль над провинцией Фарс, где некий Абу Дулаф пытался образовать независимое княжество, а также пресечь попытки византийцев воспользоваться тяжелым положением Халифата и проникнуть в его пределы. Но главной проблемой для него оставалось тяжелое экономическое положение страны. Аль-Мутаид прежде всего попытался найти средства для уплаты жалованья правительственным чиновникам и, что было для него особенно важно, наемникам с их военачальниками, без которых его власть в государстве была бы эфемерной, как о том свидетельствовал пример многих его предшественников.

С конца IX века багдадским правителям приходилось постоянно балансировать между различными враждебными друг другу религиозными и политическими силами, и аль-Мутаид проявлял в этом отношении несомненную ловкость.

В начале правления он, в подражание аль-Мутаваккилу, попытался опереться на суннитских традиционалистов и даже в угоду им запретил распространение всяких трудов по каламу, а также пошел на уступки ханбалитам в некоторых юридических вопросах. Однако позднее под влиянием финансовых проблем он вынужден был смягчить свою политику в отношении мавали и шиитов.

Еще предшественники аль-Мутадида завели обыкновение привлекать на государственную службу образованных людей из числа перешедших в ислам христиан. Например, аль-Муваффах принял на службу некоего Саида ибн Махлада из христиан-несториан, который потянул за собой множество катибов из числа своих бывших единоверцев. И хотя через некоторое время Саид ибн Махлад был отстранен от должности за какие-то провинности, традиция привлечения на государственную службу иноверцев сохранялась. Особенно часто их использовали тюркские эмиры, не страдавшие чрезмерным религиозным пуританизмом и ценившие опытных катибов.

Аль-Мутаид также стал назначать на высокие должности в государстве шиитов и, как сообщают источники, даже имел намерение предать официальному проклятию память ненавистного шиитам Муавии, полагая, что этим жестом он привлечет шиитских лидеров на свою сторону. Но приближенные отсоветовали ему пойти на этот шаг из страха спровоцировать беспорядки среди суннитских жителей столицы. Такая политика аль-Мутадида в значительной степени была продиктована финансовой ситуацией, поскольку главы шиитских кланов владели огромными богатствами, и халиф вынужден был для укрепления своего экономического и политического положения искать с ними компромисса. При халифе аль-Мутаиде и его преемнике аль-Муктафи наметилась некоторая стабилизация государственной власти. В фискальных ведомствах был наведен порядок, в чем немалая заслуга принадлежала чиновникам-шиитам. Поэтому шииты начинают играть все большую роль в жизни государства. И хотя в прошлом они вели интриги против аль-Муваффака в пользу его брата, халифа аль-Мутамида, ныне, при сыне аль-Муваффака, они были прощены и при этом нередко становились влиятельными чиновниками и даже вазирами.

Так, нуждаясь в опытной финансовой администрации и стремясь положить конец шиитско-суннитским конфликтам в стране, аль-Мутаид в 892 году назначил одного из шиитских лидеров, члена богатейшего рода Фурат — Ахмада Ибн аль-Фурата, — главой казначейства, для чего ему пришлось предварительно освободить того из тюрьмы, куда он был заточен по приказу аль-Муваффака. Ахмад Ибн аль-Фурат был отличным финансистом, у него были большие связи в восточных провинциях империи, и халиф полагал, что он может благотворно повлиять на ход происходивших там событий.

Исторические хроники рисуют аль-Мутаида в весьма неприглядном виде. С одной стороны, он изображается как невероятный скряга и садист, а с другой — как человек, не жалевший государственных денег на свои удовольствия и придворные развлечения и тешивший свое тщеславие возведением в Багдаде архитектурных сооружений. Аль-Масуди сообщает о чудовищных пытках, которым по приказу аль-Мутаида подвергались его жертвы. О смерти халифа в 902 году, по свидетельству того же аль-Масуди, ходило много слухов, в частности, в народе говорили, что он был отравлен одной из своих рабынь.

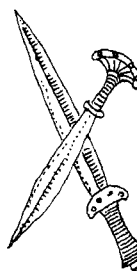
Трон аль-Мутаида унаследовал его двадцатидвухлетний сын аль-Муктафи (902–908). Молодой халиф оказался деятельным лидером и за годы своего шестилетнего правления добился, хотя бы на короткий срок, известной стабилизации положения в стране и нормального функционирования государственной машины. Для того чтобы покончить с казнокрадством и другими злоупотреблениями высших чиновников, он назначил на пост вазира жесткого и решительного человека аль-Касима ибн Убайдаллаха.

Отдавая себе отчет в том, что одной из главных причин отсутствия порядка в государстве было безответственное поведение военщины, аль-Касим прежде всего отстранил от должности гвардейского военачальника — турка Бадра. В результате этого решительного акта влияние тюркских эмиров на государственные дела было на какое-то время ослаблено, и проведение всех военных мероприятий оказалось под контролем вазира, который в качестве помощника и советника халифа возглавил как военную, так и гражданскую админи-

страцию, иными словами, сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти. Деятельность всех ведомств и диванов, всех высших финансовых чиновников в Багдаде и в провинциях на время оказалась под строгим контролем центра, где были собраны все государственные документы, деловая переписка и инструкции, что обеспечивало нормальное поступление в казну налогов. Одним словом, на короткий срок в империи был налажен нормальный государственный порядок.

Во главе финансового ведомства при аль-Муктафи, как и при его предшественнике аль-Мутаиде, по-прежнему оставались шиитские чиновники, к которым халиф был вынужден постоянно обращаться за финансовой помощью и которые обворовывали казну и присваивали себе значительную часть государственных доходов. Зная о нечистоплотности шиитских банкиров и финансистов, аль-Касим потратил немало сил, чтобы добиться смещения Ахмада Ибн аль-Фурата с поста руководителя финансового ведомства, а когда в 904 году Ахмад Ибн аль-Фурат умер, убил его брата — Али Ибн аль-Фурата, но так и не сумел добиться своей цели. Смерть аль-Касима в том же 904 году помешала ему до конца разоблачить финансовые махинации братьев, а сменивший его в качестве вазира аль-Аббас то ли не сумел, то ли не захотел продолжать расследование, и Али Ибн аль-Фурат (855–924) продолжал сохранять свой пост управляющего всеми финансами государства.

Некоторых успехов в упрочении власти династии аль-Муктафи достиг в Сирии и Египте, где до того бесконтрольно хозяйничали Тулуниды. Этому способствовали неудачи Тулунидов на военном поприще. Еще в последнее десятилетие IX века в Халифате появилась новая страшная сила — одна из крайних шиитских сект — карматы (о карматах будет сказано ниже); они закрепились в Аравии и Бахрейне и совершали набеги на города и селения Южного Ирака и Сирии. Правившие Египтом и Сирией Тулуниды не смогли оказать карматам существенного сопротивления, и только войско аль-Муктафи в 903 году сумело изгнать их из Сирии. Воспользовавшись слабостью Тулунидов, аль-Муктафи в 905 году отправил войско сначала в Сирию, а затем в Египет. Столица Египта — Фустат была занята, а последние уцелевшие члены династии

Тулунидов были высланы в Багдад. Таким образом, две важнейшие провинции Халифата были возвращены под власть Аббасидов.

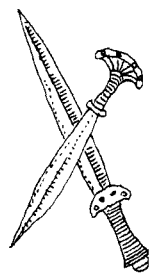
Но успехи багдадской власти оказались недолговечными, и после смерти в 908 году аль-Муктафи Аббасидская империя вновь вошла в период глубочайшего политического и экономического кризиса. Умерший в возрасте 28 лет аль-Муктафи не успел сделать каких-либо распоряжений о наследнике, и вновь началась борьба за власть, на этот раз между его родичами. Дети халифа были еще слишком малы для того, чтобы претендовать на трон, а брату аль-Муктафи — Джафару едва исполнилось тринадцать лет. Был, однако, еще один претендент, сын бывшего халифа аль-Мутазза — Ибн аль-Мутазз, который всю жизнь провел в заточении, так как его, как возможного соперника, опасался правящий халиф. Ибн аль-Мутазз прославился своими трудами по филологии и был замечательным поэтом. Он, несомненно, был достаточно квалифицированным и образованным человеком, чтобы исполнять обязанности главы исламского государства, однако, по-видимому, это обстоятельство более всего пугало вазира и его многочисленных секретарей, которым представлялось, что при малолетнем Джафаре у них будет больше возможностей для политического и экономического контроля над страной. Шиитские банкиры рассчитывали, что Джафар будет в большей мере покровительствовать шиитам, чем взрослый, сложившийся человек с четко выраженными просуннитскими симпатиями.

Сторонников Ибн аль-Мутазза возглавлял периодически назначавшийся на пост вазира Али ибн Иса, полагавший, что только Ибн аль-Мутазз способен искоренить коррупцию в государстве и спасти его от распада, а сторонников Джафара — все тот же Али Ибн аль-Фурат, которого поддерживала не только шиитская «партия», но и многие чиновники, опасавшиеся сильного правителя. В 908 году малолетний Джафар под именем аль-Муктадир (908–932) был избран халифом, а для контроля над его деятельностью были поставлены опекуны. Всеми этими действиями руководил аль-Аббас, который был назначен вазиром; своим ближайшим помощником он избрал Али Ибн аль-Фурата.

Но приверженцы Ибн аль-Мутазза тоже не дремали. Они составили тайный заговор, во главе которого стояли суннитские секретари. Заговорщики сумели схватить аль-Аббаса и убить его; лишь по чистой случайности расправы избежал сам аль-Муктадир. Ибн аль-Мутазз был провозглашен халифом. Однако ему удалось продержаться на троне всего один день 17 декабря 908 года. Позднее он даже получил прозвище «однодневного халифа». На следующий день он был предан некоторыми из своих бывших сторонников, схвачен и убит, а халифат аль-Муктадира восстановлен. Правой рукой халифа и вазиром стал Али Ибн аль-Фурат, который принялся яростно преследовать противников аль-Муктадира. Многие из числа тех, кому покровительствовал Али ибн Иса, были наказаны. Тогда же был схвачен знаменитый мистик аль-Халладж, который позднее, в 922 году, был обвинен в связи с карматами и казнен.

Халиф аль-Муктадир правил более двух десятилетий (908–932). Это было время крайней нестабильности центральной государственной власти. Сначала халифа-мальчика опекал регентский совет, состоявший из его матери, одного из его дядей и нескольких высокопоставленных лиц из числа придворных. Вазирам предоставлялась почти абсолютная свобода действий во всех государственных сферах. Однако их положение в значительной мере определялось политической расстановкой сил в Багдаде, сложившейся в результате борьбы различных придворных групп; поэтому за годы правления аль-Муктадира сменилось четырнадцать вазиров, хотя некоторые из них, такие, как Али Ибн аль-Фурат и Али ибн Иса, удерживались на этом посту подолгу и занимали его по нескольку раз.

Вазиром в Халифате мог стать любой мусульманин, суннит или шиит, в зависимости от того, какие веяния преобладали в тот или иной период. Почти все вазирьы были вновь обращенные, причем некоторые из них приняли ислам незадолго до назначения. Несмотря на противоречивые религиозно-политические симпатии и устремления, все вазирьы старались сохранить режим халифской власти, от которого зависело их благополучие и с которым они были связаны даже тогда, когда, подобно шиитам из рода Фурат, считали

его незаконным. Вазирь контролировали поступление налогов с провинций, несли ответственность за подготовку военных экспедиций и вели переговоры с иностранными послами. Обычно они были инициаторами главнейших мероприятий в государстве и часто лишь формально представляли бумаги со своими распоряжениями халифу на подпись. Главнейшей функцией вазиров было наблюдение за состоянием финансов. Без преувеличения можно сказать, что в первые годы правления аль-Муктадира вазирь держали в своих руках все управление государством.

Впрочем, власть вазиров была велика, но не безгранична, и не случайно они часто оказывались жертвами придворных интриг. Вазир не имел собственной конституированной функции, и все его действия юридически совершались в результате делегирования ему полномочий правящим халифом. Непрочность положения вазира обуславливалась тем, что он не обладал фактической властью над армией, которую возглавлял эмир-военачальник. В то время как эмир, опираясь на поддержку армии, мог действовать по своему усмотрению почти совершенно независимо, вазир приходилось постоянно политиканствовать и добиваться своей цели уговорами, лестью, угрозами и даже подкупом. Всякая его неудача на политическом поприще могла иметь для него трагические последствия, повлечь за собой арест или даже казнь. Не имея в своих руках военной силы, вазирь мало что могли сделать, чтобы воспрепятствовать дезинтеграции государства.

В своей деятельности вазир опирался на многочисленных чиновников-катибов, которые заседали в диванах. Среди них были не только мавали, вчерашние выходцы из христиан, но часто в их среду допускались чиновники, продолжавшие исповедовать другие религии, в частности христианство. Их культурное и интеллектуальное формирование обычно было связано с несторианскими монастырскими школами Месопотамии. Все они трудились с большой энергией, стараясь как можно добросовестней исполнять свои обязанности, дабы угодить главному чиновнику государства — вазирю. Со временем они составили устойчивую социальную группу со своей профессиональной этикой и культурными интересами. Еще при поздних Омейядах появились первые пособия,

предназначенные для начинающих катибов и включающие не только узкопрофессиональные инструкции и наставления, но и правила хорошего поведения, приличествовавшего образованному человеку, адибу. При Аббасидах число подобных сочинений возросло.

За вазират соперничали, периодически сменяя друг друга, четыре лидера различных религиозно-политических группировок. Во главе шиитской партии стоял способствовавший выдвижению аль-Муктадира на пост халифа, волевой, богатый и корыстный Али Ибн аль-Фурат, трижды занимавший должность вазира и в конце концов казненный в результате интриг своих политических противников в 924 году. В годы своего вазирства он собрал вокруг себя чиновников-шиитов, с помощью которых управлял всеми финансами государства.

Главным соперником Ибн аль-Фурата был просвещенный суннит, умеренный, прагматичный и деловой администратор Али ибн Иса (умер в 946 году). Часто, из страха рассердить халифа и потерять должность, он не противился расходам на содержание двора и этим наносил казне значительный ущерб. В поисках все новых источников доходов Али ибн Иса по всякому поводу вводил внеочередные налоги, чем снискал себе всеобщую нелюбовь жителей. Как человек образованный и гуманный, он неодобрительно относился к разжигаемым ханбалитами антишиитским страстям и старался проводить умеренную в отношении шиитов и иноверцев политику.

Третью группировку представлял религиозный суннитский консерватор, тюрок аль-Хакани (умер в 926 году), поддерживавший ханбалитскую часть законоведов и активно преследовавший шиитское население Багдада. К своим служебным делам, в отличие от Али Ибн аль-Фурата и Али ибн Исы, он не испытывал большого интереса, и годы его вазирства были не лучшими с точки зрения государственного управления. Аль-Хакани имел обыкновение назначать чиновников и вскоре их снимать, что, по свидетельству современников, объяснялось его алчностью, ибо в его время существовало правило, по которому всякий новый чиновник давал определенную сумму в качестве взятки за назначение на должность.

Наконец, четвертую группу представлял амбициозный и беспринципный Ибн Мукла (умер в 940 году). Он был вы-

ходшем из низов, причем очень рано, еще в шестнадцатилетнем возрасте, стал чиновником и достиг высокого положения при поддержке Ибн аль-Фурата. Он трижды занимал пост вазира при первых трех халифах столетия и был готов приспособиться к любым правителям. Рожденный в бедности, он за годы своего вазирата разбогател, владел роскошным дворцом в Багдаде и, если это диктовалось политической обстановкой, спешил выдать себя за решительного антишиита.

Вазирьы при аль-Муктадире были людьми весьма опытными, старавшимися взять под свой контроль поступление налогов с провинций; тем не менее чиновники, которых они посылали, часто встречали на местах противодействие, а иногда и прямое неповиновение со стороны властителей-эмиров, в свою очередь добивавшихся права, в качестве представлявших халифа наместников, собирать с подвластных территорий налоги в свою пользу. Например, так поступал правитель Азербайджана Ибн Аби-с-Саджа, присваивавший большую часть собранных налогов, а богатые Хорасан и Мавераннахр, перешедшие под управление Саманидов (819–1005), и вообще перестали пересылать налоги в казну. Али Ибн аль-Фурат дважды отправлял армию в Фарс, первый раз, чтобы помочь Саффаридам отобрать у Саманидов эту область, а второй — чтобы добиться от новых правителей регулярной отправки дани в Багдад. Положение с доходами было столь неблагоприятным, что вазирам иногда приходилось вносить в казну свои личные деньги, дабы покрыть образовавшийся дефицит.

Неустойчивый баланс государственной власти, на котором держалась династия Аббасидов, оказался нарушенным в 924 году. Непосредственной причиной этого было зверское нападение карматов на караван с паломниками, двигавшийся из Багдада в Мекку. Власти проявили слабость и не смогли обеспечить безопасность паломников; всеобщее возмущение жителей Багдада этим было столь велико, что аль-Муктадир вынужден был лишить вазира части его полномочий, передав всю полноту власти тюркскому военачальнику Мунису. Занимавший в то время в третий раз пост вазира Али Ибн аль-Фурат вынужден был лично призвать на помощь Муниса, которого он незадолго до этих событий изгнал из столицы. Таким

образом, представленная вазирами гражданская власть окончательно капитулировала перед военной.

Получив в свои руки почти неограниченные права, эмир Мунис поспешил прежде всего расправиться со своими главными соперниками. Он отстранил от решения государственных вопросов высших чиновников, включая вазира, и более не обращал внимания на приказы самого халифа. Его неоднократные успехи в войне с Фатимидами (о Фатимидах будет сказано ниже), пытавшимися овладеть Египтом, принесли ему имя аль-Музаффар (Победоносный). Он сумел также без большого труда защитить Багдад от карматских набегов.

Укрепив свой авторитет военными победами, Мунис решил, что ему открыт путь к достижению высшей власти в государстве. В 929 году он тайно принял участие в дворцовом заговоре, сопровождавшемся народными волнениями в столице. Аль-Муктадир на короткий срок был отстранен от власти, бежал из города, и на престол был возведен его брат. Однако на этот раз аль-Муктадиру удалось вернуться в Багдад и удержаться на престоле. Но в 932 году Мунис открыто выступил против халифа. Заговор удался, халиф снова бежал из Багдада и погиб в сражении с заговорщиками. Торжествуя победу, Мунис, по совету влиятельных шиитов из семейства Наубахт, назначил халифом брата аль-Муктадира — аль-Кахира (932–934).

Однако и правление Муниса оказалось недолговечным. Опасаясь своего могущественного тюркского военачальника, пришедший к власти аль-Кахир поспешил от него избавиться и, взойдя на престол, приказал его казнить. Сменивший аль-Кахира ар-Ради (934–940) в 936 году доверил пост «амира аль-умара» могущественному правителю Васита и Южного Ирака хазару Ибн Раику, который попытался восстановить порядок в центре империи. Он отправил своего помощника тюрка Баджкама в Хузистан для того, чтобы привести в повиновение местного правителя Абу Абдаллаха аль-Бариди. К этому времени реальная власть халифа распространялась лишь на небольшую область, прилегавшую к Багдаду. Баджкам сумел овладеть Хузистаном и вынудить аль-Бариди бежать, что дало ему силы свергнуть своего бывшего начальника Ибн Раика и, в свою очередь, в 938 году полу-

чить пост «амира аль-умара». Впрочем, через два года Ибн Раик при новом халифе аль-Муттаки (940–944) сумел восстановить свое положение в Багдаде, а Баджкам был в 940 году свергнут и убит. Но и Ибн Раика через несколько лет ожидала печальная участь. Его попытки превратить часть Сирии в свои владения встретили противодействие вторгнувшегося из Джазиры Насира ад-Даула из Хамданидов (о Хамданидах будет сказано ниже), и в 942 году в завязавшейся войне Ибн Раик был также убит.

Итак, последние годы первой половины X века прошли в непрерывной борьбе за власть между различными военачальниками, а бессильные халифы вынуждены были все время маневрировать, чтобы хотя бы номинально оставаться на своем посту. Аббасидское государство пришло в полный упадок и было неспособно противостоять новым завоевателям. Знаменитый арабский философ аль-Фараби, покинувший столицу около 942 года и наблюдавший, как различные силы боролись за власть при беспомощном халифе, писал: «Не следует порядочному человеку оставаться в испорченном обществе, у него нет иного выбора, кроме эмиграции (хиджра) в добродетельное государство, если таковое существует в его время. Если же такого нет, тогда он чужак в этом мире, несчастен в жизни, и для такого человека смерть предпочтительней жизни».

После нескольких лет относительного спокойствия в начале X века Аббасидская империя вновь вошла в полосу глубочайшего политического кризиса. Утрата Аббасидами всех восточных и западных провинций, набеги карматов и укрепление в Северной Африке власти Фатимидов, неоднократным попыткам которых проникнуть в Египет до сих пор с большими трудностями удавалось противостоять, внутренние неурядицы, борьба военачальников за власть и вспыхивавшая временами религиозная вражда между суннитами и шиитами в самой столице — все это окончательно подорвало авторитет халифской власти и открыло путь для господства в столице случайных авантюристов. Аббасидская империя, остававшаяся единой почти полтора столетия, распалась на ряд самостоятельных провинций.

Дезинтеграция Халифата

Во второй половине IX и первой половине X века в Халифате возросли центробежные тенденции, и началась его постепенная дезинтеграция. Существование многонациональной империи, объединяющей территории с различным экономическим уровнем развития и различными языковыми и культурными традициями населяющих их народов, всегда непрочны и возможно лишь на протяжении ограниченного отрезка времени. Известный швейцарский востоковед Адам Мец (1869–1917) писал: «Существование мировых империй всегда обусловлено наличием гениального властелина или особо жесткой касты и во всех случаях противоестественно». Исламское государство не избежало общей участи. Единство этого пестрого образования держалось в первую очередь на военном могуществе центральной власти: как только это могущество было утрачено, начался постепенный распад.

После победы арабов-мусульман общемусульманская империя (Халифат) сформировалась как единое государство с достаточно четко обозначенной территорией. Повсеместно в разросшейся до огромных размеров мусульманской общине высшим выразителем коллективной религиозной и политической воли была признана халифская власть, которая со второй половины IX века начала ослабевать. В результате династийных междоусобных войн, начало которым положил конфликт аль-Амина с аль-Мамуном, и не прекращавшейся борьбы между гражданской администрацией, представленной вазирами и чиновниками, с одной стороны, и военачальниками, командирами отрядов наемников и военных клик — с другой, начался распад империи на провинции, управлявшиеся местными династиями.

В создавшихся условиях правитель империи, халиф, был вынужден разделять власть с местными элитами. Формально подчиняясь центральной власти, провинциальные лидеры фактически отказывались признавать светскую власть халифа над управляемыми ими территориями и уплачивать налоги в общегосударственную казну. А в случаях, когда амбициозные местные правители обладали достаточной военной мощью и к тому же могли опереться на господствовавшие

в их провинциях культурные и религиозные традиции, они отказывались признавать халифа и как религиозного лидера. Огромная территория распадавшейся исламской империи возвращалась в состояние, предшествовавшее арабскому завоеванию. Вновь образовывались обособленные государства, ограниченные естественными географическими пределами в том виде, в каком они, за исключением коротких промежутков времени, пребывали на протяжении многих столетий своей истории.

Смуты и дворцовые перевороты в столице империи привели к утрате правящей в Багдаде династией остатков авторитета и влияния как в западных, так и в восточных провинциях Халифата, чему сопутствовали ожесточенные войны между удельными князьями, выходцами из возникавших местных династий. Появилось множество авантюристов из разных слоев общества, которые, объединяя вокруг себя бедноту обещаниями покончить с местной анархией и произволом государственной власти, а также защитить людей от разбойников и вымогателей, захватывали бразды правления в свои руки. Очень часто такие движения бедноты принимали форму религиозных войн, особенно если государство оказывалось бес сильным им противостоять.

Чтобы представить себе процесс распада империи, необходимо вернуться назад, в VIII—IX века, и проследить историю входивших в Халифат регионов.

Одним из первых добился независимости от багдадских властей правитель Египта Ахмад ибн Тулун. Отец Ахмада и его отчим еще в начале IX века были присланы из Бухары в числе невольников, составлявших часть провинциальной подати. Оба они выдвинулись на военной службе; отчим был еще халифом аль-Мутаззом назначен аббасидским наместником в Египте, а Ахмад — отправлен вместе с ним в качестве помощника. По замыслу халифа Ахмад ибн Тулун должен был представлять в провинции финансовые интересы центральной власти.

Ахмад оказался энергичным и честолюбивым чиновником. Он сумел за короткое время захватить полный контроль над провинцией, сам стал наместником и превратил Египет в независимый эмират Тулунидов (868—905). Это была первая по-

пытка правителя Египта добиться автономии в пределах Халифата.

В 877 году нуждавшийся в средствах для подавления восстания занджей аль-Муваффак потребовал от египетского наместника увеличения податных платежей в казну. Требование это было вполне законным, однако Ахмад ибн Тулун ответил на него высылкой из страны халифского финансового чиновника и продолжил, как и прежде, за вычетом небольших, отправляемых в Багдад сумм, весь остальной доход от налогов с египтян оставлять в своей казне. Это было недопустимое, с точки зрения аль-Муваффака, неповиновение. К тому же регент был обеспокоен переносом торговых путей с Индией в Красное море из-за блокады занджами традиционного пути через Персидский залив и видел в Ахмаде торгового соперника, посягнувшего на коренные интересы центральной власти. Отношения египетского правителя и багдадского регента осложнялись еще и тем, что Ахмад ибн Тулун демонстративно поддерживал слабого халифа, фактически отстраненного от какого бы то ни было участия в управлении страной аль-Муваффаком.

В 878 году аль-Муваффак отправил в Египет целую армию, которую сопровождал специальный посланник, имевший инструкцию сместить эмира-сепаратиста. Армия потерпела неудачу, после чего Ахмад ибн Тулун, воспользовавшись тем, что основные силы аль-Муваффака были заняты войной с занджами, вторгся в Сирию и Палестину и присоединил их к своим владениям. При этом он мотивировал свои действия необходимостью противостоять проидам Византии, ответственность за оборону границ с которой он нес и прежде в качестве правителя Египта.

Ахмад ибн Тулун создал в Египте профессиональное войско из тюрок, берберов и суданцев, опираясь на которое он чувствовал себя полностью независимым. Собирая обширные подати с богатой провинции, он имел возможность не только оплачивать службу наемников, но и поощрять сельское хозяйство и торговлю, которые при нем процветали. Он уделял большое внимание ирригационным работам, построил к северу от Фустата новый город, где расположил гарнизон, соорудил знаменитый кафедральный храм, не уступав-

ший главной мечети в Самарре, начал чеканить монеты, на которых рядом с именем халифа ставил и свое имя. Страной Ахмад ибн Тулун правил как жесткий, но просвещенный самодержец, и позднейшие египетские историки и хронисты считали его правление «золотым веком египетской истории».

Не довольствуясь властью над Египтом, Сирией и Палестиной, Ахмад ибн Тулун начал вмешиваться в придворные интриги Багдада. В 883 году он даже пытался лишить аль-Муваффака власти и предложил аль-Мутамиду план побега, дабы тот получил возможность избавиться от опеки брата. Незадачливый халиф двинулся было из Самарры в путь, но был перехвачен в дороге отрядом, отправленным регентом, и водворен обратно в Самарру. Позднее Ахмад ибн Тулун собрал в Дамаске группу улемов, которые по его подсказке объявили, что халиф аль-Мутамид — пленник брата и не обладает свободой действия. Впрочем, это решение не имело никаких последствий.

В 884 году на вершине своей славы Ахмад ибн Тулун умер, и, как это становилось обычаем в автономных провинциях Халифата, пост эмира унаследовал его двадцатилетний сын Хумаравайх (884–896). Новый эмир, как и его отец, правил самовластно и еще в меньшей мере считался с регентом аль-Муваффаком. К этому времени аль-Муваффак сумел справиться с восстанием занджей и мог себе позволить новую попытку подчинить непокорную провинцию. Узнав о смерти Ахмада ибн Тулуна, он двинул в Египет армию, но потерпел новое поражение. В результате он оказался вынужденным узаконить наследственную власть Тулунидов и признать Хумаравайха и его потомков правителями Египта и Сирии на условии уплаты ими дани. Имя аль-Муваффака должно было упоминаться в пятничной молитве «дабы, — как говорилось в соглашении, — страна не попала в руки неверных и шиитов», а следующий халиф, сын аль-Муваффака, чтобы закрепить отношения с Тулунидами, женился на дочери Хумаравайха.

В последние десятилетия VIII века перестают подчиняться багдадским властям и провинции Северной Африки. К сожалению, мало что известно о взаимоотношениях арабских завоевателей и коренного населения этой отдаленной области

на начальном этапе арабского господства. По всей видимости, завоеватели проявляли здесь большую жестокость, чем в восточных провинциях. Возможно, это объясняется тем, что в Магрибе они нашли не общество с организованными и налаженными связями, но разрозненные племена, которые не считали цивилизованными и потому высокомерно третировали. Отсюда та враждебность, с которой берберы встречали арабов в 740 году и позднее.

Восстание берберских племен против арабских пришельцев началось в Танжере и довольно быстро распространилось по всей Северной Африке. Посылаемые Омейядами для их усмирения отряды терпели поражения и, сильно потрепанные, возвращались в Андалусию. За одно десятилетие арабы почти полностью утратили власть в этой западной провинции и сумели удержаться только в отстроенных ими лагерях, из которых самым значительным был Кайраван, окруженный со всех сторон враждебными племенами.

Постепенно в провинциях Северной Африки начал распространяться ислам. На первых порах исламизация Магриба носила поверхностный характер. Берберы продолжали сохранять свои традиционные верования, хотя и увязывали их в какой-то мере с новым вероучением. Тем не менее со временем ислам в Северной Африке распространился повсеместно, с самого начала приняв форму хариджизма. Нет сведений о том, каким образом и кем хариджитская доктрина была занесена в Северную Африку, но ее эгалитарный характер попал на благоприятную, патриархальную почву берберского племенного общества, тем более что эта доктрина предполагала оппозицию к ненавистным сначала омейядским, а потом и аббасидским правителям. Постепенно вся Северная Африка оказалась хариджитской, что способствовало распространению и укоренению ислама, ибо по своим основным доктринам хариджизм мало чем отличался от учения суннитских традиционалистов.

Хариджизм сыграл в Северной Африке особую роль, придав традиционному стремлению берберов к самоограничению оттенок исламского пуританизма и ригоризма. Суннитские теологи создали в Кайраване знаменитую религиозную

школу, которая способствовала распространению ислама на протяжении IX и X веков.

В VIII–IX веках на территории Северной Африки образовалось три независимых или полунезависимых от Багдада княжества: Идрисидов, Рустамидов и Аглабидов, в границах которых берберские племена вели весьма обособленную и почти независимую жизнь. Вокруг этих княжеств существовало множество племенных сообществ, стремившихся избежать чьего бы то ни было господства и продолжавших вести традиционный, сохранявшийся на протяжении многих веков образ жизни. Ислам лишь в минимальной степени затронул их верования, обряды и обычаи. Между этими племенами и племенными группами постоянно существовала известная враждебность, уходившая корнями в отдаленное прошлое, но никогда не перераставшая в открытые войны.

Следует отметить, что на раннем этапе распространения ислама в Северной Африке хариджитский эгалитаризм сосуществовал с особым почитанием потомков Пророка и членов его семьи. Видимо, берберским неофитам импонировали преследуемые на востоке Алиды, в чем, как и в склонности к хариджизму, проявилась их враждебная позиция по отношению к центральной власти. Поэтому многие Алиды, для которых жизнь на востоке как при Омейядах, так и при Аббасидах по политическим причинам стала невозможной, находили убежище в Магрибе и даже сумели завоевать авторитет и возглавить в религиозном отношении отдельные берберские племена. Наиболее известным среди них был основатель династии Идрисидов Идрис I ибн Абдаллах, внедривший в западной части Магриба шиитскую доктрину.

Идрис I ибн Абдаллах, правнук Хасана, сына халифа Али, принявший активное участие в восстании Алидов в Хиджазе в 786 году, еще во времена правления Харуна ар-Рашида бежал сначала в Египет, а оттуда в Марокко, где при поддержке нескольких берберских вождей, согласившихся признать его своим главой, в 789 году основал независимый шиитский эмират. Династия Идрисидов правила в Марокко до 905 года, когда страна была завоевана исмаилитской династией Фатимидов. При Идрисе I (789–793) и сменившем его Идрисе II (793–828) исламская культура стала быстро распространяться

среди только что обращенных в ислам берберских племен, которые сумели сочетать старинный уклад жизни с исламской верой и практикой. Отделенный большим расстоянием от аббасидских центров эмират жил своей жизнью и не испытывал почти никакого давления со стороны багдадских властей.

При первых двух эмирах в Марокко, на месте старого римского города был выстроен Фес, который быстро рос, привлекая к себе множество мусульман из Андалусии и Ифрикии. Фес не только был столицей идрисидского эмирата, но довольно скоро после основания стал почитаться в качестве «священного города» шиитов, местопребывания многих алидских вождей. Однако вскоре после смерти Идриса II его многочисленные наследники поделили между собой власть над различными районами, эмират потерял былую силу, и в середине IX века очередной эмир вынужден был признать себя вассалом фатимидского махди Убайдаллаха, а спустя несколько лет фатимидские войска заняли Фес, и эмират утратил независимость.

Во второй половине VIII века в западной части Алжира образовался независимый эмират Рустамидов (777–909), просуществовавший без каких-либо доктринальных или династийных конфликтов до фатимидского завоевания в 909 году. Основателем эмирата был некий Абд ар-Рахман ибн Рустам (777–784), судя по имени, человек иранского происхождения. Рустамиды восприняли хариджитскую идеологию, которая была особенно популярна в VIII веке среди берберов Алжира, Южного Туниса и Триполитании. Однако, в отличие от единоверцев на востоке, алжирские хариджиты восприняли более умеренный ибадитский вариант учения, причем Ибн Рустам в 777 году был признан имамом всех ибадитов Северной Африки.

История образования хариджитского эмирата прослеживается в самых общих чертах. Овладев на сравнительно короткий срок Кайраваном, центром арабского господства в Северной Африке и оплотом традиционалистского суннизма, небольшая группа хариджитов-ибадитов бежала затем в Западный Алжир и основала вокруг города Тахарта в 761 году эмират. Тахарт был расположен на пересечении транссахарских караванных путей, и сложившиеся при Рустамидах об-

ширные торговые связи обеспечили эмирату экономическое процветание.

Тахарт очень быстро стал одним из важнейших экономических и культурных центров Северной Африки. Сюда стекались жители самых разных африканских провинций, среди которых немалую роль играло христианское население Магриба, здесь процветали науки, и здесь побывали многие ученые и теологи из Андалусии. Рустамиды, оказавшиеся в окружении идрисидских шиитов на Западе и аглабдских суннитов на Востоке, пытались опереться на помощь кордовских правителей и установили с Андалусией широкие экономические и культурные связи. Смертельный удар эмирату нанесли Фатимиды, которые с установлением власти в Марокко вторглись в Тахарт, и с 909 года княжество Рустамидов утратило независимость.

Большую лояльность по отношению к багдадским властям проявила ифрикийская династия Аглабидов. Еще в 800 году Харун ар-Рашид назначил наместником Ифрикии сына аббасидского военачальника в Хорасане аль-Аглаба — Ибрахима Ибн аль-Аглаба. Ибрахим обязался не только обходиться без материальной поддержки на содержание арабского гарнизона в провинции, но, напротив, уплачивать ежегодно в казну дань в размере 40 тысяч динаров, собираемых с подвластных ему земель в качестве налогов. На этих условиях Ибрахим Ибн аль-Аглаб сумел основать в Ифрикии небольшой полунезависимый эмират со столицей в Кайраване.

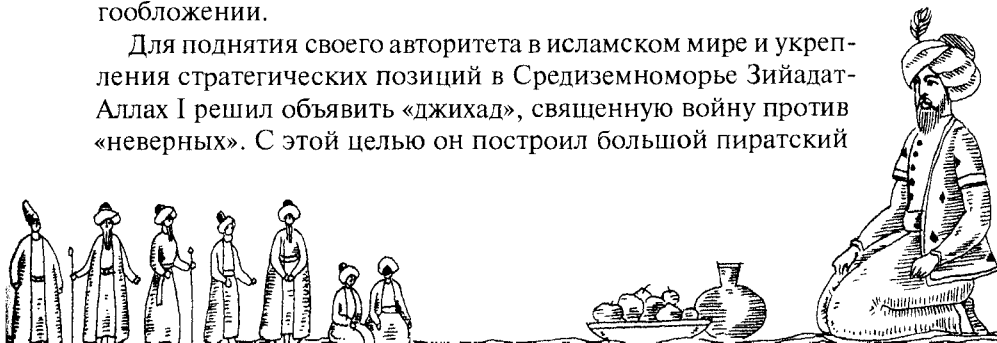
Династия Аглабидов правила в Ифрикии более ста лет (с 800 по 909 год), пока не была сметена Фатимидами. Ибрахиму ибн аль-Аглабу (800–812) пришлось с первых же месяцев правления столкнуться с большим берберским восстанием, возглавляемым хариджитскими проповедниками, влияние которых было особенно сильным на юге страны. Энергичными действиями ему удалось добиться известного успокоения в провинции, а лояльным отношением к багдадским властям обрести почти полную независимость и право передавать власть по наследству в пределах своей династии. Позднее придворный историк египетских мамлюков Шихаб ад-Дин Нувайри (1279–1332) особо отметит в своей хрони-

ке, что «Ибн аль-Аглаб и его преемники передавали власть в стране кому хотели».

Одной из главных проблем, постоянно возникавших в эмирате Аглабидов, было поведение арабской армии, гарнизоны которой располагались в Кайраване и других городах Ифрикии. Арабские наемники, которые, казалось бы, должны были служить опорой правящей династии, по каждому поводу приходили в волнение. Они презирали местное берберское население, притесняли жителей, что создавало постоянные конфликты. Сами жители Кайравана также не испытывали особой любви к правящей династии, которая не только не защищала их от произвола военщины, но облагала все новыми налогами. Оппозицию жителей столицы эмирата подогревали близко стоявшие к народу мусульманские теологи — улемы и факихи, пользовавшиеся большим авторитетом. Они обвиняли династию в нарушении исламских предписаний, возмущались нравами, царившими при дворах эмиров, и призывали к воздержанию. Нововведения в области налогообложения вызывали недовольство сельских жителей. Аглабиды ввели фиксированный налог взамен прежнего, составлявшего определенную долю урожая и зависевшего от него в каждый конкретный год. Это приносило казне постоянный дополнительный доход, но никак не соотнобразовывалось с реальным доходом крестьян. Волнения в армии, которой не всегда платили своевременно жалованье, и выступления жителей Кайравана были столь серьезными, что однажды они вынудили Ибрахима ибн аль-Аглаба на время покинуть столицу.

Более энергично с солдатскими бунтами справлялся третий эмир аглабидской династии Зийадат-Аллах I (817–833), который сумел поставить в привилегированное положение чернокожих воинов своей гвардии и привлечь их на свою сторону, а также добиться поддержки некоторых берберских племен, которым он делал подарки и давал льготы при налогообложении.

Для поднятия своего авторитета в исламском мире и укрепления стратегических позиций в Средиземноморье Зийадат-Аллах I решил объявить «джихад», священную войну против «неверных». С этой целью он построил большой пиратский

флот, который начал опустошать берега Южной Италии, Сардинии и Корсики. Это приносило его казне дополнительный доход и, что особенно важно, переключило энергию беспокойной солдатни на грабительские заморские походы. Еще в 827 году он предпринял первый морской набег на принадлежавшую Византии Сицилию, не принеший ему большого успеха. Спустя полстолетия, при эмире Абу-ль-Гаранике Мухаммаде II (863–875), Аглабидам удалось захватить Мальту и тем самым стать хозяевами всего Центрального Средиземноморья, а к 878 году, при Ибрахиме II (875–902), им удалось окончательно завоевать Сицилию, которая оставалась под властью мусульман до норманнского завоевания в конце XI века.

При Аглабидах Кайраван вырос в большой город, центр культурной жизни Северной Африки. Аглабиды всячески поддерживали интеллектуальную жизнь своей столицы. Здесь процветали и исламская теология, и юриспруденция, и арабская поэзия. К концу IX века мусульманская школа в Кайраване могла соперничать с любым учебным заведением подобного типа на Востоке. Здесь юрист Абд ас-Салам Сахнун (776–856) разработал основанную на маликитском мазхабе магрибинскую систему права, которая предлагала наиболее строгую интерпретацию шариата, хорошо соответствовавшую склонности берберов к воздержанию и точному выполнению традиционных правил жизни.

Под большим влиянием Востока в Кайраване сложился особый тип магрибинской архитектуры, как в самой конструкции архитектурных сооружений, так и в их внутреннем убранстве. Была сооружена знаменитая кайраванская мечеть, построены городские укрепления, водохранилище и проложен водопровод для орошения пригородных садов.

К концу IX века при Ибрахиме II (875–902) и Абдаллахе II (902–903) позиции Аглабидов в Ифрикии пошатнулись. Шитско-исмаилитская пропаганда прибывшего из Сирии фатимидского проповедника («даи», *мн.* «дуат») Абу Абдаллаха нашла широкую поддержку в одном из самых могущественных берберских племен — кетам. Под водительством Абу Абдаллаха кетамиты захватили Тахарт. Это привело к военному мятежу в Ифрикии, в результате которого власти Аглаби-

дов пришел конец и последний эмир династии Зийадат-Аллах II (903–909) после безуспешных попыток получить помощь от аббасидского халифа — малолетнего аль-Муктадира (908–932), втянутого в борьбу различных придворных группировок, — в 909 году бежал в Египет.

В VIII–IX веках в Северной Африке начинает понемногу распространяться арабский язык. Он стал официальным во всех трех эмиратах, и на нем начали говорить жители городов, в которых располагались арабские гарнизоны. В сельских районах распространение арабского языка шло медленнее, но в северо-восточных районах Ифрикии, где осело довольно много арабов-колонистов, языковое влияние пришельцев сказалось в большей мере, и на арабском языке заговорили берберские крестьяне прилегающих поселений. Так в VIII–IX веках ислам в Магрибе обрел свою форму, в которой традиционные хариджитские и шиитско-сектантские элементы образовали некий сплав с местными доисламскими традициями, что породило оригинальную и весьма пеструю цивилизацию.

Еще более радикальный характер, чем в Египте и странах Северной Африки, носило сепаратистское движение в восточных областях Халифата. В провинциях, населенных иранскими и тюркскими народами, речь шла не о частичной самостоятельности при сохранении связей, хотя бы формальных, с багдадской властью, а о полной независимости, опиравшейся на исконные национальные и религиозные традиции. В первую очередь добились независимости такие большие и культурные провинции, как Хорасан и Мавераннахр, где сначала у власти оказалась династия Тахиридов, которую затем сменили в Хорасане — Саффариды, а в Мавераннахре с центром в Бухаре — Саманиды. Отделился также Сиджистан, где власть сначала прочно захватили Саффариды, но позднее утратили ее под ударами Саманидов, Караханидов и Газневидов.

Тахириды, как затем и Саффариды, и правившие в Бухаре Саманиды, претендовали на то, что ведут свое происхождение от иранских сасанидских царей, и объявляли себя иранскими властителями, хотя и воспринявшими ислам. Отказ от зороастрийских верований в центральной и южной части Ира-

на прошел довольно гладко не столько потому, что жители видели какие-либо моральные преимущества новой религии, но скорее потому, что они осознали: в рамках ислама можно придерживаться «иранизма» и исламизация Ирана сама по себе вовсе не означает установления чужеземного господства.

Тахириды правили Хорасаном и в Нишапуре, не деля власть ни с кем, хотя и продолжали регулярно отправлять подати в Багдад. В счет податей они посылали также тюрокских рабов, захваченных в плен во время войны со степняками, — эти рабы впоследствии образовали костяк невольничьей армии халифа. Будучи приверженными традиционному суннизму, Тахириды применяли строгие меры по отношению к шиитским проповедникам, действовавшим в прикаспийских районах. Благоклонное отношение к окрепшим сословиям иранских и арабских землевладельцев на подвластных им территориях восточных провинций обеспечило им поддержку военной и земледельческой знати. Одновременно они пользовались и репутацией защитников интересов простого люда. Но в 860 году у правившей на протяжении полустолетия в Хорасане династии Тахиридов неожиданно появился грозный соперник. Во второй половине IX века в соседней с Хорасаном провинции Сиджистан образовался поначалу небольшой эмират Саффаридов, которому суждено было просуществовать более шестисот лет (867–1495). Основателем Саффаридской династии был некий Йакуб ибн Лайс (867–879), по профессии медник («ас-Саффар»), что дало наименование всей династии.

В IX веке Сиджистан служил прибежищем для всякого рода недовольного люда и различных сектантов, особенно хариджитов, разгромленных и рассеянных омейядскими наместниками в центре империи. Иногда эти сектанты занимались грабежом, что вызывало волнения среди жителей, требовавших наведения в провинции порядка. Не исключено, что и сам Йакуб ас-Саффар в прошлом был хариджитом. На первых порах Йакуб был, по-видимому, начальником местной полиции, в задачу которой входила защита населения от действовавших в области разбойничьих банд, в том числе и многих хариджитских, творивших всяческие бесчинства. Ядро отрядов Йакуба первоначально состояло из местных жите-

лей-добровольцев, принадлежавших ко всем слоям общества и выступавших под лозунгом защиты суннитского правоведения в Сиджистане. Но позднее армия Йакуба разрослась за счет полуразбойничьего элемента, в том числе и за счет притока хариджитов. В 867 году Йакуб ас-Саффар, опираясь на свое войско, установил полный контроль над Сиджистаном и прилегающей Гератской провинцией.

Первыми жертвами армии Саффаридов стали соседние с Сиджистаном провинции Кирман и Фарс на западе, еще в основном языческий Афганистан на востоке и владения Тахиридов в Хорасане. Имея базу в Сиджистане, Йакуб совершил набег на Шираз и захватил Балх. В 873 году его пестрая, но хорошо вознаграждаемая за счет захваченной добычи армия напала на Хорасан и изгнала из Нишапура последнего Тахирида — Мухаммеда (862–873). Халиф аль-Мутамид сначала отказался признать победу этой весьма сомнительной армии, но это уже не могло остановить Саффаридов. Йакуб вторгся в Табаристан, разграбил Рей, а на обратном пути в Сиджистан ворвался в Шираз и увез с собой найденные в городе сокровища.

Разгром династии Тахиридов и захват Саффаридами бывших тахиридских владений вынудили халифа аль-Мутамида и его брата аль-Муваффака попытаться ужиться с этой грозной силой. В 875 году они признали Йакуба ас-Саффара эмиром Сиджистана, Хорасана, Табаристана, Кирмана и Фарса, то есть, по сути, почти всех восточных провинции Халифата. Они были даже готовы доверить ему находившееся ранее в руках Тахиридов военное командование в самом Багдаде. Но на Йакуба их предложение не произвело никакого впечатления, он явно жаждал большего. Понимая, что аль-Муваффак всецело поглощен войной с занджами, Йакуб намерился захватить Багдад. Нависшая над городом угроза вынудила аль-Муваффака принять экстренные меры. Отозвав преследовавшую занджей армию, он сумел с ее помощью в 876 году разбить уже захвативших город Васит Саффаридов и отбросить их на восток. В это время предводители занджей делали Йакубу какие-то предложения о совместных действиях, но это не изменило ситуацию. Саффариды были разбиты, и аль-

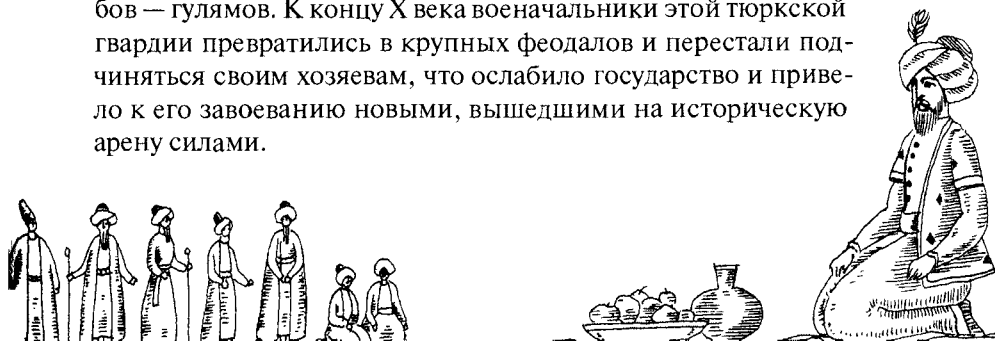
Муваффах получил возможность продолжать многолетнюю кровавую войну с восставшими рабами в Южном Ираке.

В 879 году Йакуба ас-Саффара сменил его брат Амр ибн Лайс ас-Саффар (879–901). Как и его покойный брат, Амр продолжал господствовать в восточной части Халифата, поскольку аль-Муваффах не имел достаточно сил, чтобы его свергнуть. Но и Амр оказался бессильным завоевать Ирак и вынужден был, хотя и неохотно, заключить мир с халифом. Однако тщеславный и воинственный характер, а также погоня за добычей подвигли его на новую авантюру. Амр решил завоевать Мавераннахр, номинально еще находившийся в руках уцелевших Тахиридов, но фактически уже давно подпавший под полный контроль иранской династии Саманидов (819–1005). Основателем этой династии был землевладелец из района Балха на севере Афганистана, по имени Саманхуда. Он принял ислам, а четверо его внуков завербовались в армию халифа аль-Мамуна в Хорасане, за верную службу получили в 819 году каждый по городу и стали правителями Самарканда, Ферганы, Шаши и Герата. В 875 году все владения рода Саманидов в Мавераннахре и Хорасане слились в единый эмират Саманидов, и халиф аль-Мутамид назначил наместником всей этой богатой территории Насра I ибн Ахмада (864–892).

Если Тахириды и Саманиды, в армиях которых было много землевладельцев и богатых горожан, защищали традиционное общественное устройство и суннитское правоверие от социальных беспорядков, то саффаридские предводители действовали разбойничьими методами. Пестрая по составу и объединенная лишь грабительскими устремлениями, эта армия оказалась бессильной в сражении с Саманидами. Саманидский эмир Исмаил ибн Ахмад (892–907) дважды разбивал армию Саффаридов и даже захватил Амра в плен. Державшаяся лишь на военных успехах империя Саффаридов распалась. За победу над Саффаридами халиф аль-Муталид пожаловал Исмаилу наместничество в Хорасане, которым прежде правили Тахириды и Саффариды. В руках Саманидов оказался Сиджистан, область Хорезма, им подчинились также некоторые области Афганистана.

Утрата багдадскими халифами власти в восточных областях Халифата и образование там самостоятельной государственности оказались благотворными для иранских провинций. Между Средней Азией и Ираном, с одной стороны, и Поволжьем, Восточной Европой и Византией, с другой, установились широкие торговые и культурные связи. Саманиды обеспечивали безопасность проходивших через Среднюю Азию торговых путей и вели успешную борьбу с набегами тюркских кочевников. Через территорию саманидского государства шел основной поток тюркских рабов, которых поставляли в армии эмиров и халифа.

Саманиды, как до них Тахириды и Саффариды, претендовали на происхождение от древнеиранских сасанидских царей. Они сделали свой двор в Бухаре центром традиционной арабской учености и вместе с тем очагом возрождавшейся литературы на новоперсидском языке. При Саманидах Фирдоуси (934–1020) сочинил свое знаменитое «Шах-наме», писали свои стихи Дакики (умер ок. 980 года) и Рудаки (умер ок. 941 года). Однако с середины X века начинается упадок саманидского государства. В различных его областях из военного и землевладельческого сословия возникают сильные группы, противящиеся правителям Бухары, пытавшимся добиться централизации власти. Ослаблению династии способствуют также борьба между различными претендентами на власть и дворцовые перевороты в Бухаре. Все это ослабляет государство и делает его сравнительно легкой добычей новых завоевателей — Караханидов и Газневидов. В конечном итоге саманидское государство постигла та же участь, что и другие восточные сатрапии. Для того чтобы держать в повиновении местную знать, крупных землевладельцев-дихкан, сепаратистские устремления которых привели к фактической утрате Бухарой власти над важнейшими провинциями эмирата, Саманидам пришлось создавать гвардию из тюркских рабов — гулямов. К концу X века военачальники этой тюркской гвардии превратились в крупных феодалов и перестали подчиняться своим хозяевам, что ослабило государство и привело к его завоеванию новыми, вышедшими на историческую арену силами.

Караханидская династия тюрков-степняков принадлежала к тюркской кочевой народности карлуков. В середине X века эти вчерашние язычники приняли ислам и организовались в кочевое государство, которое начало угрожать слабеющей империи Саманидов. В 992 году караханидский предводитель Буграхан вторгся в Мавераннахр, занял Бухару, а спустя несколько лет, в 999 году, поделил власть над распавшейся саманидской империей с правителем государства Газневидов Махмудом (998–1030). Караханидам достался Мавераннахр, а Газневидам — Хорасан. Караханидское государство просуществовало более двухсот лет (992–1211), пока в 1211 году Мавераннахр не был завоеван хорезмшахом.

Образование государства Газневидов происходило по классической для средневековых восточных сатрапий модели. После смерти очередного саманидского эмира Абд аль-Малика I (954–961) командовавший саманидскими войсками в Хорасане тюркский раб Алп-Тегин попытался передать власть в государстве угодному ему правителю. Попытка эта потерпела неудачу, и Алп-Тегину с частью его армии пришлось удалиться в Газну в Афганистане. Здесь, на окраине саманидской империи, от имени Саманидов после смерти Алп-Тегина правил ряд военачальников-тюрков, пока к власти не пришел Себюк-Тегин (977–997). Его сын, предприимчивый и решительный Махмуд (998–1030), объявил себя полностью независимым от Саманидов правителем и прославился как фанатичный «сокрушитель неверных». В качестве защитника и распространителя ислама он вторгся в Индию, а на севере установил границу с владениями своих соперников Караханидов по Амударье. Кроме Хорасана он овладел Хорезмом и отнял у Бувайхидов Рей и Хамадан.

Империя Махмуда Газневи к моменту его смерти была одним из обширнейших государств на Востоке с самой боеспособной армией того времени. Переняв от иранцев их традиции государственного управления и культуры, султан Махмуд полностью порвал с языческой тюркской средой, из которой вышла его династия. При его преемнике и сыне Масуде (1031–1041) империя Махмуда, в значительной степени державшаяся на его политическом таланте и железной воле, стала распадаться. Вначале Газневиды утратили западные про-

винции империи Хорасан и Хорезм — их захватила новая, поднимавшаяся тюркская династия Сельджуков (1038–1194), основатель которой Тогрыл-бек I (1038–1063) провозгласил себя в Нишапуре в 1038 году султаном. Вся середина XI века прошла в борьбе Газневидов с Сельджуками за Сиджистан и Западный Афганистан. Под ударами Сельджуков Газневидская империя стала слабеть, пока в 1186 году столица династии Газна не была завоевана Гуридами, местной династией Центрального Афганистана.

Таким образом, восточные провинции арабо-мусульманской империи (Иран, Средняя Азия, Афганистан и другие) окончательно вышли из состава общемусульманского Аббасидского государства и зажили своей самостоятельной жизнью. Прерванная арабским завоеванием история этих стран как самостоятельных национальных образований с этого времени возрождается и развивается независимо от арабского запада.

Глава 8

Халифат под властью Бувайхидов (945–1055 годы)

В середине X века на слабеющую власть Аббасидов обрушился новый сокрушительный удар, от которого им уже не удалось оправиться. Восточные провинции Халифата вместе с Ираком и Багдадом были завоеваны иранскими горцами — Бувайхидами.

К юго-западу от Каспийского моря располагалась горная область Дайлам, населенная воинственной народностью иранского происхождения. Горцы-дайламиты на протяжении IX и X веков обычно нанимались к разным местным правителям-эмирам и даже к халифу на военную службу и отличались воинским упорством и жестокостью. Один из дайламитских военачальников Мардавидж ибн Зийар (927–935), опираясь на многочисленное войско, сумел овладеть большей частью Северного Ирана, включая Табаристан, Гилан и Джибаль, а также крупные города Рей, Исфахан и Хамадан, и основать

династию Зийаридов, правившую в этих областях до последнего десятилетия XI века. По-видимому, Мардавидж планировал предпринять поход на Багдад, но был убит в 935 году тюркскими наемниками, входившими в его иранское ополчение.

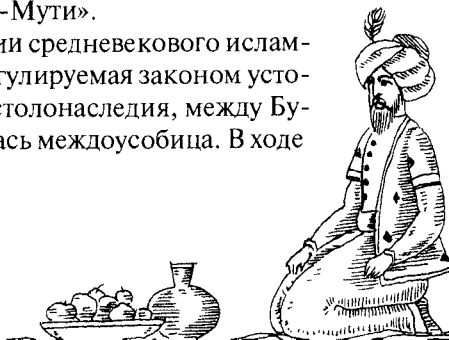
Среди горцев-дайламитов особой воинственностью отличался клан Бувайхидов, родоначальником которого был некий Абу Шадджа Бувайх. Его три сына — Али, Хасан и Ахмад — служили у одного из прикаспийских эмиров, но потом сформировали собственную армию из земляков, опираясь на которую распространили свою власть на провинции Западного Ирана. Старший из трех братьев Али, присвоивший себе титул Имад ад-Даула (932–949), овладел провинцией Фарс, Хасан (Рукн ад-Даула, 947–977) захватил Джибаль, а третий брат — Ахмад (Муизз ад-Даула, 936–949) стал правителем Кирмана и Хузистана. Таким образом, в состав государства Бувайхидов вошел весь запад и юг Ирана с провинциями Фарс, Хузистан и Кирман и с городами Рей, Исфахан и Хамадан.

В 945 году Муизз ад-Даула вступил в Багдад, не встретив особенно сильного сопротивления со стороны городских властей, и с той поры, на протяжении последующего столетия, Аббасиды, еще до того утратившие власть над придворной гвардией, полностью перешли под опеку и надзор бувайхидских эмиров. Арабская империя фактически прекратила свое существование, и Ирак с восточными областями распавшегося Халифата вошел в состав государства Бувайхидов. Халиф был вынужден дать Муиззу ад-Даула высший военный титул «эмира эмиров» («амир аль-умара»), и Бувайхиды сосредоточили в своих руках всю политическую власть. За столетие господства Бувайхидов в Багдаде сменилось пять халифов — аль-Мустакфи (944–946), аль-Мути (946–974), ат-Таи (974–991), аль-Кадир (991–1031) и аль-Каим (1031–1075), — но все они были игрушками в руках бувайхидских эмиров, формально управлявших от их имени, что выражалось в упоминании очередного халифа в главной багдадской мечети во время пятничного богослужения и в чеканке его имени на монетах на первом месте.

Бувайхиды покровительствовали шиитам, но тем не менее сохранили за халифом авторитет духовного главы в сфере суннитского ислама. При этом халифам приходилось смотреть сквозь пальцы на возросшее влияние шиитов даже в самой столице. Как и большинство дайламитов, Бувайхиды были шиитами умеренного толка (иснашарийа). Они ввели на подвластных им землях традиционные шиитские праздники. Именно при их содействии произошла систематизация и формализация шиитской теологии, до этого носившей несколько расплывчатый и скорее эмоциональный характер. Их шиизм несомненно был в какой-то мере проявлением иранского национализма, что нашло выражение в их вымышленной генеалогии, якобы восходящей к Сасанидам, и введении традиционного древнеиранского титула «шаханшаха».

Арабский историк и философ Мискавайх (умер в 1031 году) в своем сочинении «Опыт народов» («Таджариб аль-умам») дает убийственную характеристику членам этой династии в период завоевания Багдада. Бувайхиды, по его свидетельству, были до такой степени чужды арабской культуре, что Муизз ад-Даула, уже будучи правителем Багдада, давая арабам аудиенцию, нуждался в переводчике. Он также говорит об их скупости и жадности, сообщая популярную в то время легенду, согласно которой при Бувайхидах была специальная змея, указывающая основателю династии, где спрятаны деньги и ценности. Муизз ад-Даула был груб со своими вазиром и чиновниками, а вазир аль-Мухаллаби наказывал даже побоями. Заносчивый и самоуверенный, он совершенно бесцеремонно обходился с находившимся в его власти халифом. По свидетельству Мискавайха, халиф аль-Мути жаловался, что Бувайхиды не оставили ему ни власти, ни денег и что мирские дела ему вовсе не подвластны. Замечательный поэт и путешественник Абу Дулаф аль-Хазраджи (середина X века) в своей знаменитой «Сасанидской поэме», повествующей о нищих бродягах, причисляет к этому сословию «пленника Муизза ад-Даула — халифа правоверных аль-Мути».

Как это уже не раз бывало в истории средневекового исламского общества, где отсутствовала регулируемая законом устоявшаяся династийная традиция престолонаследия, между Бувайхидами второго поколения началась междоусобица. В ходе

этой борьбы выдвинулся сын Хасана Рукн ад-Даула — Адуд ад-Даула (949—983). Это был единственный деятель государственного масштаба в династии. При нем империя Бувайхидов достигла наибольшего могущества, ее территория простиралась от берегов Каспийского моря до Кирмана в Иране и Омана в Аравии. Он проводил активную внешнюю политику. На западе Адуд ад-Даула сумел захватить часть владений Хамданидов в Джазире, на востоке успешно боролся с Зийаридами в Табаристане и с Саманидами в Хорасане. Однако он сохранял нейтралитет в отношениях с Фатимидами в Северной Африке и Египте, чему способствовал его шиизм. Посольство Адуда ад-Даула было принято в Константинополе.

Энергичный и предприимчивый правитель, Адуд ад-Даула прославился и как полководец, и как опытный государственный деятель. Он принимал меры для поощрения сельского хозяйства, строил плотины, проводил каналы и создавал искусственные водоемы. При нем был введен строго фиксированный налог с крестьян, что значительно пополнило казну. Чтобы контролировать жизнь государства, он упорядочил службу связи, а нерадивых чиновников строго наказывал. С этим была связана система шпионажа и доносительства, которую он повсеместно поощрял. При нем дороги были очищены от разбойников, а паломникам больше не приходилось платить дань бедуинам «за покровительство» при прохождении караванов по пустыне. Для защиты Медины от набегов он приказал возвести вокруг города стены.

Свою столицу Шираз Адуд ад-Даула расширил и украсил замечательными сооружениями архитектуры. Он построил величественный дворец с библиотекой, в которой, по свидетельству современников, хранились рукописи по всем отраслям знаний. Багдад с его вечно беспокойными жителями Адуд ад-Даула не любил, считал его лишь придатком к своей престольной провинции. В этом, вероятно, сказывались его иранские симпатии, что, однако, не помешало ему отдать приказ о восстановлении наполовину разрушенного города; в Багдаде строились мечети и мосты через каналы, сооружались крытые рынки. Он обязал зажиточных людей платить за ремонт пришедших в упадок плотин, расчистку каналов и восстановление садов. По его приказу в Багдаде был соору-

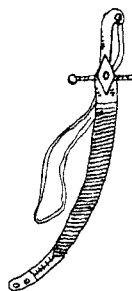
жен прекрасный госпиталь, при котором открылась медицинская школа.

Образованный как в иранских, так и в арабских науках, Адуд ад-Даула с уважением относился к ученым и учености, в молодые годы у него были хорошие учителя. По сообщению историка Ибн аль-Асира (1160–1233), он назначал шедшее содержание богословам, юристам, филологам, врачам и математикам. Он любил поэзию, и филолог ас-Саалиби цитирует множество его стихов. Обществу своих военачальников Адуд ад-Даула предпочитал общество поэтов и щедро их вознаграждал. Особенно благоволил он к великому поэту аль-Мутанабби, который за время пребывания в Ширазе так обогатился, что уезжал в сопровождении огромного каравана, перевозившего его имущество. При этом Адуд был чужд какой бы то ни было религиозной нетерпимости, поэтому при его дворе пользовались почетом ученые и поэты всех исламских направлений и сект.

При дворах бувайхидских эмиров в должностях чиновников служили такие выдающиеся стилисты иранского происхождения, как Ибн аль-Амид (умер в 970 году), Ибн Аббад ас-Сахиб (938–995), Абу Бакр аль-Хваризми (934–993), сабий Абу Исхак Ибрахим ибн Хилал ас-Саби (925–994), оказавшие влияние на формирование арабской деловой и художественной прозы.

Впервые в истории ислама Адуд ад-Даула стал носить титул «шаханшаха» (царя царей), воспринимаемый арабами как ирано-зороастрийский. Титул этот сохранился и за его преемниками. Как и другие бувайхидские правители, Адуд ад-Даула был скуповат и прижимист, любил деньги, жители его большого государства страдали не только от старых, но и от вводимых им новых налогов, а его заботы о наведении порядка в сельском хозяйстве были связаны исключительно с желанием сделать его более доходным.

После смерти Адуда усиливается процесс дальнейшей феодализации государства, и при его преемниках империя распадается на ряд уделов. Между его сыновьями начинается борьба, общепризнанного главы династии больше нет, и бувайхидское государство становится добычей новых завоевателей.

Ашаризм

Еще при халифе аль-Мутаваккиле в 851 году мутазили-ты были официально осуждены, а старое, основанное на традиции суннитское «правоверие» снова признано государственным исповеданием. В изменившихся исторических условиях, когда в результате влияния греко-эллинистической научной и философской мысли уровень культуры в кругах образованной исламской интеллигенции значительно возрос, теологи-консерваторы, знатоки хадисов оказались в затруднительном положении. Им надо было как-то ответить на вызов мутазилитских теологов, опиравшихся на доводы логики и разума. А между тем у «людей сунны» разработанной догматики не было. Факихи привыкли довольствоваться ссылками на Коран и хадисы, которые не содержали ответов на интересовавшие образованную часть исламского общества вопросы. Борьба с мутазилистами и свободомыслящими философами требовала новой, теперь уже «ортодоксальной» догматики.

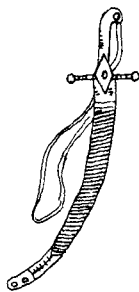
Создателем традиционалистского богословия стал теолог Абу-ль-Хасан аль-Ашари (873–935), школа и учение которого позднее получили наименование «ашаризма» или «позднего калама». В прошлом аль-Ашари был учеником главы басрийских мутазилитов аль-Джуббаи (умер в 915 году), но позднее покинул своих единомышленников и стал ревностным сторонником и защитником исламских традиционалистов, причем о своем разрыве с мутазилистами он публично объявил в 912 году в басрийской мечети.

В отличие от прежних факихов, аль-Ашари защищал суннитское правоверие не только ссылками на Коран и хадисы, но, используя в полемике приемы мутазилитов, выдвигал доводы, основанные на логике и философии. Стараясь придерживаться взглядов наиболее консервативных теологов, особенно Ибн Ханбалы, он при этом приспособливал метод мутазилитов для подкрепления и оправдания правоверия и в некоторых вопросах в какой-то мере воспринял взгляды мутазилитов. Поэтому по ряду проблем аль-Ашари и его ученики занимали компромиссную позицию между мутазилистами и традиционалистами. Так, в вопросе о божественных атрибутах они придерживались мнения, что атрибуты и то-

ждественны, и нетождественны сущности Творца. Они обвиняли мутазилитов в том, что те, отрицая извечность божественных атрибутов, приходят к отрицанию самого Творца, хотя, по их мнению, Творец обладает атрибутами, а каковы они на самом деле — для человеческого ума непостижимо.

Вопрос о «сотворенности» или «несотворенности» Корана ашариты также решали на основе компромисса. Они говорили, что сущность Корана извечно пребывает в Аллахе, а конкретная его словесная форма была создана во времени и потому допускает символично-аллегорическое толкование. Именно так они воспринимали коранические выражения «рука Аллаха», «лицо Аллаха», но при этом считали, что эти слова надо понимать в соответствии с их телесным значением, что они обозначают реальные атрибуты Аллаха, природа которых людям неизвестна. Возможность увидеть Аллаха в будущем мире — реальность, но человек не в состоянии понять, как это произойдет. Тем самым, отвергая учение мутазилитов о том, что Аллах не имеет атрибутов, аль-Ашари также категорически отвергал и грубый антропоморфизм старых теологов «ташбих Аллах ила халкихи» («уподобление Бога творению его»). Аль-Ашари утверждал, что представление о «руках и лице Аллаха» есть «ташбих» лишь тогда, когда сознательно уподобляют их человеческим рукам и лицу. Но если верить в «лицо и руки Аллаха» и его «восседание на престоле», не пытаясь объяснить себе эти слова Корана, верить «би ла кайф» (без «как», то есть не задавая себе вопросов и не требуя объяснений), то такая вера правильна и лишена антропоморфизма. Ашариты считали, что «ташбих» ведет к язычеству, ибо уподобляет Аллаха человеку, а отрицание внешних атрибутов Аллаха делает представление о нем таким абстрактным, что логически ведет к атеизму.

Именно в период господства Бувайхидов в первой половине XI века идеологическая борьба в исламской теологии получила окончательное, теперь уже официальное завершение. Утратившим реальную власть аббасидским халифам хотелось хотя бы в области исламской апологетики утвердить свое значение и этим явить исламскому миру свое величие. В 1017 году халиф аль-Кадир (991–1031) специальным приказом, угрожая наказанием за неповиновение, потребовал от

мутазилитов полного отказа от их учения. Тех, кто отклонялся от традиционного ислама, объявляли еретиками, предавали проклятию с минбаров мечетей, высылали и даже казнили. В том же году он составил «Послание», которое можно было бы назвать мусульманским «символом веры», в главных положениях основанное на принципах ханбалитской ортодоксии и подписанное влиятельными богословами-традиционалистами ханбалитского толка, «дабы можно было видеть, кто же неверующий», и его обнародовали в торжественной обстановке в халифском дворце в Багдаде. Этот документ получил наименование «ар-Рисала аль-кадирийя» и стал первым текстом такого рода в истории ислама, имевшим официальное значение. Это событие ознаменовало завершение становления мусульманского схоластического богословия. Позднее, уже при халифе аль-Каиме (1031–1075), основные положения этого документа были снова подтверждены.

Появление «Послания» связано с желанием не только окончательно осудить мутазилизм, но и пресечь деятельность фатимидских проповедников, которые проникали в шиитские районы Багдада и вели исмаилитскую пропаганду. Оно содержало критику шиизма во всех формах мутазилизма и даже ашаризма, который рассматривался как опасный для традиционного ислама компромисс с мутазилитами. Отныне всякая пропаганда шиитских и мутазилитских доктрин запрещалась, и под влиянием ханбалитов на первый план в качестве главного долга истинно верующих мусульман выдвигалось почитание сподвижников Пророка.

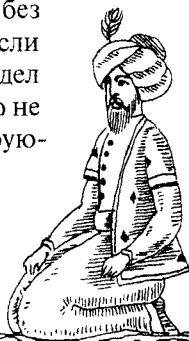
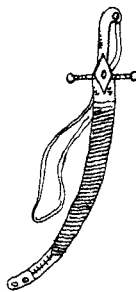
«Человеку необходимо знать: Аллах един, нет у Него со- товарищей, не породил Он никого и никем Он не порожден, нет равного Ему, Он не брал себе ни товарища, ни сына и нет у Него соправителя в царствии Его. Он первый, который был извечен, и Он последний, который никогда не избудет. Он властен над всем и ни в чем не нуждается. Пожелает Он что-либо, Он говорит: “Будь”, — и это станет. Нет божества, кроме Него, вечно живого, ни сон Его не одолевает, ни дремота. Он дарует пищу, но сам в ней не нуждается. Он один, но не чувствует себя одиноким, и нет у Него друзей... Он сам сотворил и годы и время, и день и ночь, и свет и тьму, и всех родов тварей, и всякую вещь — живую, мертвую и неизменную...

Он создал престол, хотя тот ему и не нужен, и Он восседает на нем, как пожелает... Он правит небом и землей и правит тем, что на них есть, и тем, что живет на суше и в воде, и нет правителя кроме Него... Он содержит людей, делает их больными и исцеляет их, заставляет их умирать и дарует им жизнь... Он говорит словами, но не при помощи сотворенного органа, подобного органу речи творений Его.

Следует также знать: Слово Аллаха не сотворено. Он произнес его и открыл его посланнику своему через Гавриила. Гавриил, услышав его от Него, повторил его Мухаммаду, Мухаммад сподвижникам своим, а они — общине. И повторение слова существами человеческими не есть сотворенное, ибо это само слово, произнесенное Аллахом, а оно не было сотворено... Тот же, кто утверждает, что оно было сотворено в каком бы то ни было состоянии, тот неверующий, кровь которого разрешается пролить, после того как он будет приведен к покаянию.

Следует также знать: вера — это слово, дело и разум... Вера может становиться и больше, и меньше, больше — путем повиновения, а меньше — путем послушания... Человек не ведает о том, что записано у Аллаха и что лежит у него под печатью, а посему говорим мы: “Он верующий, если пожелает Аллах, или я надеюсь, что я — верующий”. Нет иного пути к спасению, кроме надежды... верой он достигнет того, что скрыто от него в будущем. С чистыми намерениями должен он покорно исполнять законы и в избытке совершать добрые дела...

Следует любить всех сподвижников Пророка, ибо они лучшие из созданий после посланника Аллаха. А самый лучший из всех и благороднейший после посланника Аллаха — Абу Бакр, за ним Умар, за ним Усман, потом Али... Кто поносит Айшу — нет тому доли в исламе, а о Муавии следует говорить только хорошее... Не следует обвинять в неверии кого-нибудь, если он упустил что-нибудь из законных установлений веры, исключая, конечно, предписанную молитву. Ибо тот, кто без причины не совершает молитвы, тот неверующий, даже если он не отрицает обязанности молитвы... Упущение прочих дел не делает неверующим, если даже быть столь дерзким, что не признавать обязанности их совершения. Такова вера верую-

щих по обычаю и общине (ахл ас-сунна ва-ль-джамаа). Кто придерживается этой веры, тот стоит у истоков чистой истины, под правильным руководством и на правильном пути. В отношении его можно питать надежду, что он будет спасен от адского пламени и войдет в рай, если Аллаху это будет угодно».

Так завершилась борьба традиционалистов со всякими проявлениями инакомыслия. Однако мутазилитские теории так широко внедрились в сознание образованной части общества, что главные идеи мутазилитов — отрицание антропоморфизма, учение о сотворенности Корана и свободе воли — и далее имели широкое хождение в исламском мире, особенно среди шиитов зайдитского толка.

Глава 9

Шиизм и шиитское сектантство.

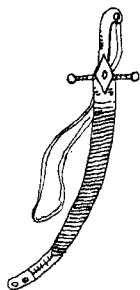
Исмаилиты и карматы

Образовавшаяся еще в годы правления «праведных» халифов «партия Али» со временем обрела характер особого шиитского направления, расколовшего исламскую общину. Различие между основной массой мусульман — суннитов и шиитами состояло в отношении к имамату и имаму — руководителю исламской общины. Для суннитов имам (халиф) — духовный и светский глава, формально избираемый из числа курайшитов членами уммы для того, чтобы регулировать жизнь общины согласно шариату и следить за выполнением божественных установлений; шииты же признавали право на имамат только за семейством Мухаммада, то есть за Али и его потомками. Имам шиитов — наследник миссии Мухаммада, первосвященник, непогрешимый в силу проявившейся в нем «божественной эманации». Для шиитов имамат не может зависеть от воли людей, так как заповедан Аллахом и основан на принципе «духовной преемственности». Таким образом, алидские имамы олицетворяли собой принцип наследственной духовной власти, через которую осуществлялась непрерывность божественного пророчества.

Умеренные шииты-имамиты — основное направление шиитского ислама — признавали последовательное назначение двенадцати имамов (отсюда их наименование «аль-исна-ашарийа» — «двунадесятники») из рода Али ибн Аби Талиба. После смерти одиннадцатого имама аль-Хасана аль-Аскари в 873 году имамиты считали двенадцатым имамом его малолетнего сына Мухаммада, который, однако, вскоре исчез — скорее всего, был убит. Имамиты провозгласили его «скрытым» имамом. Вера в «скрытого» имама стала одним из основных догматов имамитов. Перед «концом света» скрытый имам, «владыка времени», должен вернуться в образе махди (спасителя) и «наполнить мир справедливостью».

Рассматривая имамат как божественное установление, имамиты отвергали саму возможность выборности имама. По их понятиям, имамат есть эманация вечного божественного света в роду потомков Али. Божественная природа имамата предопределяла исключительные качества ее носителей. Большая часть шиитов состояла из имамитов, признававших двенадцать имамов, причем, по их понятию, власть к каждому следующему имаму должна была переходить по наследству от предыдущего по его выражавшему божественную волю единоразовому решению. Однако еще при Омейядах, после смерти пятого имама Мухаммада аль-Бакира в 731 году, в шиитской среде произошел первый раскол.

Основная масса шиитов после смерти Мухаммада аль-Бакира признала шестым имамом его сына Джафара ас-Садика. Однако часть шиитов, недовольная миролюбием и пассивностью Мухаммада в борьбе против Омейядов, объединилась вокруг его более активного младшего брата Зайда ибн Али и провозгласила пятым имамом именно его. Зайдиты полагали, что имамом за заслуги перед исламом может быть избран любой человек из рода Алидов. Избранный меньшинством шиитов, Зайд ибн Али возглавил восстание против омейядского халифа Хишама в 740 году и вместе со своими немногочисленными сторонниками погиб в сражении с халифским войском. Хотя восстание, поднятое Зайдом еще при Омейядах, было подавлено, получившее его имя движение шиитов не прекратилось. Зайдиты разработали собственную теологическую доктрину, и, хотя в области «теории» они были наибо-

лее умеренными среди шиитов (они, например, соглашались признать право на халифский престол первых трех «праведных» халифов), политически они были наиболее активными.

Потомкам Зайда ибн Али и его приверженцам удалось с помощью пропаганды привлечь на свою сторону жителей горных областей юго-западной части побережья Каспийского моря и в 864 году осуществить то, чего не могли добиться другие алидские лидеры шиитов со времен халифа Али. Они образовали свой независимый эмират в Табаристане и Гилане. Этот эмират просуществовал около тридцати лет. Зайдитские эмиры, конечно, не признавали законности аббасидского правления. Успехам зайдитов в прикаспийских провинциях сопутствовало то обстоятельство, что весь этот район, в силу своей географической труднодоступности, к тому времени еще не подвергся радикальной исламизации и шиитское сектантство здесь мирно уживалось с суннитским правоверием. Аль-Мутаид старался поддерживать хорошие отношения с лидерами зайдитского государства, что соответствовало его примиренческой в отношении шиитов политике.

Успех сопутствовал зайдитам и в юго-западной части Аравийского полуострова, которую багдадским властям было трудно контролировать. Здесь, на территории Йемена, во времена халифа аль-Мутаиды в 901 году образовалось другое зайдитское государство, которому суждено было просуществовать до XX века.

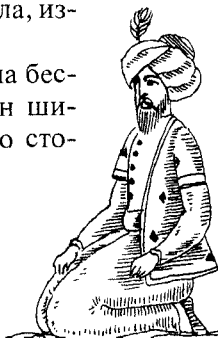
В середине VIII века в шиитском направлении ислама произошел новый раскол: наряду с умеренными шиитами-имамитами, отличавшимися от суннитов лишь учением о наследственном праве Алидов на имамат и признававшими это право за двенадцатью имамами, появляются экстремистские секты, догматика которых далека не только от вероучения и культа суннитов, но и умеренных шиитов. Эти секты получили наименование «гулат» (от глагола «гала» — «проявлять чрезмерность, переходить границы»). Общей чертой этих сект было обожествление халифа Али и его потомков, представление об «инкарнации» («хулул») — «воплощении Божества в человеке». Верования таких экстремистских шиитских сект представляли собой причудливое переплетение основного шиит-

ского вероучения с домусульманскими древневосточными культами, восточным христианством, а иногда и с буддизмом.

Самая известная из таких шиитских сект — исмаилиты — возникла еще в VIII веке, но ее философско-догматические основы и организационная структура вполне сложились лишь к концу IX века. Учение шиитов-экстремистов современники возводили к идейному основоположнику шиизма, йемениту из иудеев, Абдаллаху ибн Саба (середина VII века), который обожествлял личность Мухаммада, учил о его грядущем «возвращении» и о назначении им своим заместителем Али. Эта концепция возникла под влиянием легенды о пророке Илии, который после описанного в Библии вознесения на небо якобы не умер, но продолжает жить и должен возвратиться на землю (в христианстве вернувшимся Илией считается Иоанн Креститель). Позднее крайние шииты развили учение Абдаллаха ибн Саба и дополнили его идеей о передаче божественной искры от одного пророка к другому.

Согласно суннитским источникам, секта исмаилитов возникла в кругу сподвижников шестого шиитского имама Джафара ас-Садика, который был одним из главных идеологов имамитского шиизма, признававшего последовательную преемственность ведомых Божеством имамов. Преемниками шестого имама Джафара имамитские шииты признавали его сына Мусу аль-Казима и его потомков, вплоть до «сокрытия» около 874 года двенадцатого имама Мухаммада. При назначении седьмым имамом младшего сына Мусы аль-Казима Джафар ас-Садик счел необходимым объявить об отстранении от наследования имамата своего старшего сына Исмаила, умершего еще в 760 году при жизни отца. Однако некоторые шииты не согласились с решением Джафара, ибо, как они полагали, назначение следующего имама не могло происходить только волевым решением предшественника, но было результатом божественной благодати, и в качестве проявления мудрости Всевышнего оно могло состояться лишь однажды. Раз Джафар сначала назначил преемником Исмаила, изменить это уже нельзя.

Сложилось предание, будто Джафар лишил Исмаила бесспорно принадлежавшего тому права наследовать сан шиитского имама из-за его пристрастия к вину. Однако сто-

ронники Исмаила, не подвергая сомнению само предание, оправдывали Исмаила на том основании, что никакие поступки членов рода имамов, потомков Али, не могут считаться греховными. В действительности отстранение Исмаила было вызвано гораздо более серьезными причинами, чем нарушение им одного из предписаний Корана. Доктрина шиитов-имамитов давала шиитским лидерам возможность отказаться от идеи захвата власти в Халифате силой, поскольку они считали, что следовало ждать появления «скрытого» имама — махди, — и все усилия направляли на то, чтобы играть активную роль в жизни общества и занять в нем как можно более высокое положение. Подобная пассивно-примиренческая позиция имама Джафара ас-Садика по отношению к правящей династии Аббасидов вызывала недовольство более радикальной части шиитов, они жаждали более активных действий. По-видимому, Исмаил, сторонник крайней шиитской группировки, был лишен своим отцом-имамом права наследовать имамское достоинство за экстремизм.

Предвидя возможное недовольство части шиитов, Джафар ас-Садик счел необходимым широко оповестить о смерти сына Исмаила и выставить его тело в одной из мединских мечетей. Казалось бы, это было серьезным доводом в пользу нового назначения, ибо мертвый не мог наследовать пост живого. Но ревностные приверженцы Исмаила отрицали факт его смерти и утверждали, что он пережил своего отца, приводя свидетельства ряда людей, уверявших, что они видели его при разных обстоятельствах в последующие годы.

Таким образом, между шиитами-имамитами и сторонниками Исмаила возник принципиальный спор: следует ли сохранить династийный принцип назначения имама и признать законным лишь назначение Исмаила и его сына Мухаммада ибн Исмаила или принять принцип назначения имама предшественником по его воле и признать законными назначение Мусы аль-Казима и других имамов из числа двенадцати. Так возникла секта исмаилитов, сторонников Исмаила, отца последнего, седьмого имама — Мухаммада ибн Исмаила.

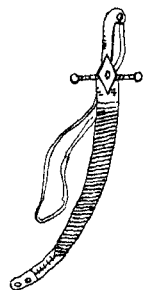
После смерти Мухаммада ибн Исмаила в среде исмаилитов произошел новый раскол. Одни считали Мухаммада ибн Исмаила седьмым и последним имамом (отсюда наименование

секты «семиричники») и ожидали его возвращения из «укрытия» (эта ветвь позднее получила название «карматы»). Другие признавали имамат одного из сыновей Мухаммада ибн Исмaила и его потомков, «скрытых имамов», имена которых и их местопребывание якобы были известны только избранным. С начала X века их стали именовать «фатимидскими исмаилитами» — по имени дочери Мухаммада Фатимы.

Из кружка Джафара ас-Сади́ка вышли идеологи шиизма и теоретики исмаилизма. Первым среди них был Абу-ль-Хаттаб (умер в 762 году), который был известен крайними взглядами, заставившими Джафара отречься от него. Учителем такого же типа был один из приближенных пятого имама Мухаммада аль-Бакира — Маймун аль-Каддах (умер около 796 года) и его сын, особенно активный деятель и теоретик в кружке Джафара — Абдаллах ибн Маймун (умер в 825 году). Именно эти три человека были истинными создателями и теоретиками исмаилитского учения.

Конфликт, который возник в кругу преемников Джафара ас-Сади́ка, и привел к появлению секты в шиизме, был не просто результатом спора о династийной преемственности имамов, но с самого начала принял идеологический характер. Это понимали в исламской среде еще на рубеже VIII и IX веков. Поэтому суннитские источники, рисуя картину возникшей полемики, концентрируют внимание не столько на вопросе о том, какому имаму раскольники-шииты или имамиты отдают предпочтение, сколько на идеологической стороне спора, на самом принципе избрания или назначения на этот пост.

В основе учения исмаилитов лежала доктрина о том, что священные тексты имели два значения: простое, лежащее на поверхности (захир), и глубинное, скрытое от глаз непосвященных (батин), отражающее подлинную духовную «реальность» (хакика), содержащуюся в тексте. Чтобы выявить «реальность», духовный смысл священного текста, Абу-ль-Хаттаб прибегал к методу аллегорического толкования, при котором образы и даже сами буквы Корана давали возможность понять скрытую истину. Под влиянием неопифагореизма исмаилиты пытались выявить символику чисел в Коране. Они высчитывали количество тех или иных букв и путем сложных калькуляций и рассуждений пытались найти в нем

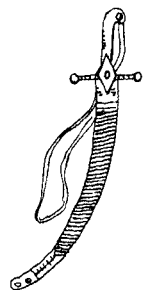
указания на права семи имамов на власть. «Ад» они истолковывали как состояние невежества, в котором, по их убеждению, пребывала большая часть человечества, а «рай» — как аллегория совершенного знания, доступного лишь членам их секты.

В соответствии с доктриной двуплановости священного текста исмаилизм предполагал два уровня посвящения: во внешнюю, экзотерическую доктрину «захир» (общедоступное учение, известное рядовым членам секты), и во внутреннюю «батин» (эзотерическую, открывавшуюся только немногим, посвященным членам высших степеней). Каждому пункту внешней доктрины соответствовал разъяснявший его тайный смысл пункт внутренней доктрины, то есть внутренняя доктрина рассматривалась как истолкование внешней доктрины. Эзотерическая доктрина мало чем отличалась от имамитского шиизма; исключение составлял пункт о том, что седьмым имамом был не Муса аль-Казим, а Мухаммад ибн Исмаил, после которого (в учении фатимидских исмаилитов) шли «скрытые» имамы, а после них фатимидские халифы-имамы. «Внешняя» доктрина сохраняла в качестве обязательных для всех исмаилитов низших ступеней почти все обрядовые и правовые установления шариата (молитвы, посещение мечетей, посты и т. д.). К «внешней» доктрине относилась и особая система фикха, разработанная шиитским законоведом Нуманом (умер в 974 году).

Исмаилиты сформулировали свою макрокосмическую концепцию, которую именovali «истинной реальностью» («хакика»). Это определение представляло собой исламизированную версию гностицизма (религиозно-философского учения первых веков христианства, соединявшего разнородные элементы неоплатонизма и неопифагореизма с христианскими догматическими положениями). Согласно учению исмаилитов, познание «истинной реальности», иными словами Бога, — «хикма» (*греч.* «гносис») есть результат «божественного призыва» («дава»), который раскрывается обращаемому или уже обращенному исмаилиту по мере прохождения различных стадий испытания. Этот призыв исходит в виде откровения от истинной и целостной «духовной реальности» и обретает материальную или словесную форму.

В учение исаиитов входило и заимствованное из иудаизма и христианства представление о великой космической драме, в результате которой произошли вселенная и человек, совершилось грехопадение и которая должна завершиться конечным спасением. Согласно эзотерической доктрине исаиитов, первопричиной всего сущего служит отождествляемый с Аллахом дух (идея), породивший эманационным путем (путем истечения творческой энергии божества) материю. По их представлениям Аллах не имеет ни определенного образа, ни свойств и качеств и поэтому не может быть воспринят человеческим разумом.

Разработанная исаиитскими теоретиками сложная религиозно-философская система эклектична, многие ее положения заимствованы из учений неоплатоников и гностиков и приспособлены к исаиитской теологии. Однако элементы неоплатонизма исаииты усвоили не из сочинений Плотина, а из их позднейших версий, прошедших обработку у иудейских и христианских авторов. Подобно иудейско-христианским мистикам, исаииты восприняли из неоплатонизма понятия единства и множественности бытия видимого мира. В своей космологии они позаимствовали также неоплатоническую эманационную схему, которой они следовали, используя арабскую терминологию. Плотин говорил о двух продуктах эманации: Мировом Разуме и Мировой Душе. Исаииты довели количество продуктов эманации до десяти и в их число включили семь низших Разумов, в том числе ангелов, планеты и созвездия, а также живых тварей. Появление человека исаииты, как и неоплатоники, объясняли творческой способностью Мировой Души, которая в своих деяниях стремится к совершенству. Человек появляется на земле для исполнения определенного назначения: восприятия божественной истины, которую проповедуют пророки, а хранят и истолковывают исаиитские имамы. Отражением Мирового Разума в чувственном мире становится «совершенный человек», пророк, по терминологии исаиитов — «натик» («говорящий, разумный»). Отражением Мировой Души в чувственном мире становится помощник пророка — «самит» («молчащий»). Задача «самита» — разъяснять

людям речи и писания пророка путем истолкования их внутреннего смысла («батин»).

Подобно стадиям эманации в горнем мире жизнь человечества отмечена семью пророческими циклами или степенями на пути к совершенству. Натилов было шесть: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус Христос и Мухаммад. Соответственно их самитами были: у Моисея — Аарон, у Иисуса — апостол Петр, у Мухаммада — Али. Седьмой натик появится перед концом света. Он совместит функции «говорящего» и «молчащего». Это будет махди — имам «воскресения из мертвых», — и его имя будет Мухаммад. Карматы, не признававшие новых имамов после Мухаммада ибн Исмаила, считали, что это будет именно он.

Согласно учению исмаилитов, за каждым пророческим циклом, за каждым натилом следовали имамы (имамы своего времени). Конец мира наступит, когда человечество посредством натилов, самитов и имамов достигнет совершенного познания. Тогда исчезнет зло, которое есть неведение, и мир возвратится к своему первоисточнику — Мировому Разуму.

У фатимидских исмаилитов существовали разветвленная организация и семь степеней посвящения. Высшая политическая власть и духовное руководство принадлежали незначительному числу верховных учителей, якобы обладавших особенными способностями, позволявшими им понимать и воспринимать истинную суть вещей и явлений видимого мира и проникать умственным взором в мир невидимый. Для высших степеней исполнение законов шариата было необязательно. Совершенного познания можно достигнуть только путем признания «имамы своего времени», то есть сделавшись исмаилитом.

Среди исмаилитских проповедников, действовавших в Сирии в начале IX века, особенно активным был теоретик и практик движения Абдаллах ибн Маймун. Как и его отец, он был иранец родом из Хузистана и в прошлом зороастриец. Еще в Хузистане он объявил, что ведет свою пропаганду от имени «скрытого имама». Позднее он перебрался в Сирию, где создал пропагандистский центр исмаилитов в городе Саламия, откуда рассылал исмаилитских проповедников по всему Халифату. Имя очередного исмаилитского имама и его

местопребывание сообщались только немногим исмаилитам высшего посвящения.

В конце IX века в исмаилитских кругах все надежды возлагались на незамедлительное появление махди в лице «возвратившегося» Мухаммада ибн Исмаила. Одному из наиболее усердных проповедников этой веры, даи из Ирака Хусайну аль-Ахвази, в 875 году удалось вовлечь в это движение крестьянина из-под Куфы по имени Хамдан Кармат, который и явился одним из основателей новой секты. Карматское движение возникло около 890 года и во времена халифа аль-Мутадида (892–902) стало главной опасностью для аббасидской власти.

Глава карматов Хамдан Кармат и его главный сподвижник Абдан энергично действовали в районе Васита и Куфы. В 890 году Хамдан основал около Куфы свой главный центр, откуда «призыв» («дава») распространялся по всей плодородной части Южного Ирака; этот призыв возвещал скорое возвращение Мухаммада ибн Исмаила, который наконец установит на земле справедливость. В связи с приближающимся «концом света» исламский закон был объявлен аннулированным, о чем широко оповещалось.

Послание энергичного даи и его помощника возбудило ожидание наступления счастливых времен и вызвало чувство радостного облегчения у угнетенного городского и сельского населения и бедуинов близлежащих степей. Вся эта область пребывала в беспокойном состоянии еще со времен восстания занджей, здесь не был полностью восстановлен контроль багдадских властей. Багдадскому правительству было известно, что происходит в районах Васита и Куфы, где нормальная жизнь была нарушена эсхатологическими ожиданиями «конца света», но оно ничего не могло сделать, чтобы умиротворить жителей. В сознании рядовых исмаилитов бродили смутные представления об «установлении всеобщей справедливости и равенства» с приходом махди и утверждением «истинного имамата» Алидов, а также идея о возврате к «истинному исламу» в его первоначальном виде и к теократии, которая противопоставлялась светской халифской власти. При всех различиях во взглядах крайних шиитских сект их сближала общая неприязнь как к омейядским, так и к аббасидским халифам.

Обе ветви исмаилитов — фатимидские исмаилиты и карматы — создали сильные тайные организации и вели широкую пропаганду, особенно в среде городских низов, крестьян и бедуинов. Наибольшую активность они начали проявлять во второй половине IX века. Исмаилитские миссионеры (дуат) из Саламии разъезжались по всему Халифату. Особенно много их было в Южном Ираке, Сирии, Иране (Хорасане), Магрибе и Бахрейне. Они концентрировались в районах и городах с большим шиитским населением (Рей, Кумм к югу от Каспийского моря), причем если в Ираке их пропаганда была адресована беднейшим слоям населения, то в Иране они пытались обратить в исмаилизм местных правителей.

Особенно успешной деятельность карматов была в Южном Ираке и в районе Бахрейна в Персидском заливе. В конце IX века Хамдан отправил в Бахрейн своего агента Абу Саила аль-Джаннаби, которому удалось образовать здесь карматское государство с центром в городе-крепости Хаджар, ставшим главным карматским опорным пунктом. Восточная Аравия стала плацдармом для набегов на соседние страны, из которых карматы возвращались с богатой добычей и пленными, обращаемыми в рабов. В 913 году аль-Джаннаби был убит одним из своих рабов, и власть перешла в руки его братьев, вокруг которых образовался своеобразный «совет старейшин», взявших на себя управление государством. Члены совета утверждали, что действуют от имени тайного главы секты. В 903 году карматы ворвались в Саламию и истребили семью самопровозглашенного исмаилитского имама Убайдаллаха, который сумел бежать в Египет.

Карматская пропаганда имела успех и в Южном Ираке в районе Басры, и среди бедуинов сирийской пустыни, где во главе движения стал некий Зикравайх со своими сыновьями. В 902 году карматы нанесли под Куфой поражение высланному против них халифским войскам, а в 903 году даже осадили Дамаск. Однако багдадским властям удалось справиться с карматами в Сирии, их главари были схвачены. После смерти Зикравайха в 906 году карматы появлялись в Сирии лишь эпизодически и большой роли не играли.

Опасаясь новых набегов карматов, вазир Али ибн Иса старался ладить с их главарями, но в 923 году карматы суме-

ли захватить Басру и потребовали от халифа официального признания их господства в городе, что послужило причиной отставки вазира Али ибн Исы в Багдаде.

В последующие годы карматы неоднократно совершали рейды в Ирак и добирались до Багдада. Столица была спасена только энергичными действиями военачальника Муниса. Однако и позднее карматы проникали в Ирак, а сменивший аль-Джаннаби в качестве военного главы карматов его младший брат в 930 году совершил нападение на священный город мусульман Мекку и увез с собой в Бахрейн главную мусульманскую святыню — Черный камень, — и только влияние фатимидского халифа вынудило карматов в 951 году вернуть его обратно в Мекку. На протяжении всего X века карматское движение охватывало самые разные области Халифата от Северной Африки до Индии, с карматами боролись Саманиды, с жестокими преследованиями на них обрушился Махмуд Газневи. В карматском движении, имевшем четко выраженный социальный характер, принимали участие не только крестьяне, ремесленники и кочевники, но и выходцы из образованных слоев общества. По обвинению в карматской агитации был казнен в 922 году знаменитый мусульманский мистик аль-Халладж, в тюрьму с обвинением в каких-то связях с карматами был заточен поэт аль-Мутанабби. Только с появлением Сельджуков в середине XI века карматское движение стало сходить на нет.

Глава 10

Фатимидский халифат (909–1171 годы)

В X–XI веках возникли и вступили в сложные взаимоотношения три основные, определившие всю последующую историю Ближнего Востока силы: Халифат Фатимидов, Империя Сельджуков и государства крестоносцев. Ранее других на историческую арену выступили Фатимиды, и свой рассказ о событиях того времени мы начнем именно с них.

В начале X века в Северной Африке возникло мощное антиаббасидское движение, завершившееся образованием го-

сударства во главе с могущественной династией Фатимидов. Еще на рубеже IX и X веков исмаилитские пропагандисты из их центра в Саламии распространили слух, будто махди уже появился в лице некоего Убайдаллаха, имя которого и местопребывание до последнего времени будто бы скрывались. Сторонники новоявленного махди вели соответствующую пропаганду во всех областях исламского мира, но особенно благоприятная обстановка для их деятельности сложилась в Северной Африке, где местные династии Аглабидов в Ифрикии и Рустамидов в Алжире утратили былой авторитет и снискали всеобщую ненависть жителей.

Примерно в это же время, в конце IX века, когда Хамдан Кармат проповедовал в Ираке свои идеи и исмаилизм обретал в этой центральной провинции Халифата все большее число сторонников, получил широкую известность энергичный Абу Абдаллах. Он прошел соответствующее обучение исмаилитской доктрине под руководством опытного наставника и был в 893 году направлен в качестве миссионера в Северную Африку, куда пробрался, примкнув к группе берберских паломников, возвращавшихся после хаджа в Ифрикию. Первоначально его пропагандистская деятельность встречала противодействие со стороны суннитских правителей Ифрикии Аглабидов. Однако он нашел горячую поддержку среди недовольных правящей династией берберов.

Между тем вышедший из своего «сокрытия» в Саламии новый исмаилитский имам Убайдаллах стал на путь открытой борьбы. Он попытался использовать карматское восстание в Сирии в 899 году в своих интересах, возглавил его и объявил себя главой всех Алидов.

В 902 году карматское восстание было подавлено аббасидским военачальником Мунисом, и Убайдаллах, бросив на произвол судьбы своих соратников, бежал в Египет, а оттуда стал пробираться к своему энергичному миссионеру в Ифрикию. Однако, не чувствуя себя в полной безопасности поблизости от Абу Абдаллаха, он не присоединился к нему немедленно, а бродил с группой преданных ему людей в районе Атласа. Здесь он был схвачен берберами-хариджитами и заточен в тюрьму в хариджитском городе Сиджильмассе.

Проповеди Абу Абдаллаха среди берберского населения западной части Ифрикии имели большой успех, армия его сторонников, воспринимавших исмаилитское учение, росла не по дням, а по часам. Ослабленная внутренними смутами правящая династия не могла оказать повстанцам существенно-го сопротивления. Аглабидский эмир Ибрахим II (875–902) за стремление вести независимую политику был отстранен от власти по приказу из Багдада, и эмиром стал благочестивый Абдаллах II, который через год был убит собственным сыном Зийадат-Аллахом III (903–909). Полностью утратившим остаток авторитета Аглабидам нечего было противопоставить исмаилитским повстанцам.

Против Аглабидов выступили берберские племена и побуждаемые исламскими улемами жители города Кайравана, к которым примкнули воины расположенного здесь арабского гарнизона. Абу Абдаллах со своей исмаилитской армией захватывал город за городом, и в 909 году последний аглабидский эмир бежал в Египет под защиту аббасидской армии. Овладев Ифрикией, Абу Абдаллах сразу же отправил отряд, чтобы освободить из заключения Убайдаллаха, и к концу 909 года фатимидский имам перебрался в Кайраван, где был в торжественной обстановке объявлен имамом-халифом, «повелителем правоверных» («амир аль-муминин»).

Убайдаллах провозгласил себя «махди», то есть спасителем мусульман, вышедшим из «сокрытия», чтобы их осчастливить и повести по правильному пути, и присвоил себе новое имя аль-Махди (909–934). Так было положено начало исмаилитскому Халифату Фатимидов (909–1171); его сторонников-исмаилитов стали именовать фатимидскими исмаилитами.

Вскоре халиф аль-Махди при поддержке берберского племени кетама не только окончательно утвердился в Ифрикии, но также сверг хариджитскую династию Рустамидов в Тархате (Алжир), а Идрисидов в Фесе сделал своими данниками. Фатимиды построили в Ифрикии свой главный опорный пункт, город-крепость аль-Махдию, и постепенно овладели большей частью Северной Африки. Они считали себя единственной законной властью в исламском мире по происхождению и божественному выбору и намерены были свергнуть Аббасидов, как те в свое время свергли Омейядов.

Официальная исмаилитская историография закрепила за Убайдаллахом репутацию потомка Мухаммада ибн Исмаила. В ней утверждалось, что Мухаммад ибн Исмаил вовсе не умер, чтобы возродиться в эсхатологическом будущем, а ушел в «сокрытие». Его власть по очереди наследовали его сыновья Абдаллах, Ахмад и Хусайн, а ныне сын Хусайна Убайдаллах вышел из «сокрытия» и открыто заявил свои претензии на имамат. Суннитские историки и теологи яростно оспаривали исмаилитскую версию происхождения Убайдаллаха. Аббасиды не могли примириться с подобной шиитско-исмаилитской генеалогией, которая ставила под сомнение их право на власть в Халифате и давала Алидам мощный аргумент в борьбе за имамат в исламском мире. Однако даже название династии, воспринятое преемниками Убайдаллаха, — «Фатимиды» — было мощным оружием в борьбе Алидов с Аббасидами, ибо оно свидетельствовало, что исмаилитские имамы были потомками Али и Фатимы, в то время как Аббасиды не могли представить сколько-нибудь убедительного доказательства их родственной связи с домом Пророка.

Возникновение шиитского исмаилитского государства в Северной Африке фактически означало окончательный раскол в исламском мире. Образовались три враждебных друг другу халифата: Аббасидский со столицей в Багдаде, Фатимидский со столицей в Кайраване и Омейядский в Испании, где, следуя примеру Фатимидов, омейядский эмир Абд ар-Рахман III (912–961) также провозгласил себя в 961 году халифом.

Основание Фатимидского халифата в 909 году повлекло за собой также окончательное размежевание фатимидских исмаилитов и карматов, которые отказывались признать Фатимидов имамами-халифами. Еще во время пребывания Убайдаллаха в Сирии между его сторонниками и карматами началась борьба на теологической почве. В 899 году Убайдаллах публично заявил, будто имеет все права на звание имама, что противоречило представлениям многих исмаилитов, в первую очередь карматов, утверждавших, что единственным законным имамом может быть находившийся в «сокрытии» Мухаммад ибн Исмаил. Для того чтобы утвердиться в звании имама, Убайдаллах должен был преодолеть сопро-

тивление карматов, веривших в скорое «возвращение» истинного имама, и избавиться от карматских лидеров, в союзе с которыми еще недавно воевал с Аббасидами. При этом Убайдаллах действовал достаточно энергично. Подосланные им люди убили Абдана, помощника Хамдана Кармата, а сам Хамдан по чистой случайности сумел избежать той же участи.

Спор между фатимидскими исмаилитами и карматами носил схоластический характер и касался сложного комплекса вопросов, связанных с шиитским «идеологическим» отношением к прошлому. При возникновении ислама пророк Мухаммад создал определенное представление о священной истории, обозначив место своей миссии в ряду пророчеств и объявив себя «печатью пророков», то есть последним, завершающим в их ряду. Но с точки зрения шиитов вообще и исмаилитов в частности, пророческая стадия в исламе не была завершена. Такому подходу способствовали как теологическая двусмысленность роли халифа, «восприемника» Пророка, связи которого с Всевышним не были точно определены, так и шиитское возвеличивание Али, открывавшее возможность для продолжения пророческой линии в священной истории.

Триумфальное восхождение на трон Убайдаллаха стало итогом усилий Абу Абдаллаха и торжеством исмаилитской доктрины. Однако в победе Убайдаллаха было одно уязвимое место, что делало его положение непрочным. Хотя Убайдаллах был на первых порах провозглашен своими сторонниками «махди», по воле самого Всевышнего вышедшего из своего «сокрытия» в результате «воскрешения» или «возвращения», вера в него была поколеблена, поскольку это «возвращение» не сопровождалось ожидаемым чудом. Убайдаллах не оказался истинным харизматическим махди, пришедшим в мир, чтобы его спасти, но занял трон как обыкновенный политический лидер. Он не появился «в конце времен», как обещали ранние исмаилиты и поначалу сам Убайдаллах, что поставило под сомнение его претензии на духовное лидерство в исламе.

В обстановке нарастающих идейных противоречий между прагматичными Фатимидами и карматскими экстремистами ни одна из сторон конфликта не пыталась отрицать, что новый приход или появление имама Мухаммада ибн Исмаила

должен положить конец эре пророка Мухаммада. Однако обе стороны конфликта делали разные выводы из сложившихся обстоятельств. Фатимиды, которым история дала возможность обрести власть над Северной Африкой, а позднее и над Египтом, пытались несколько приглушить эсхатологические чаяния ранних исмаилитов и принять как данность исторический Халифат между первым и будущим пришествием. Они считали для себя обязательными законы шариата. Карматы же, потерпевшие крах в ходе политической борьбы, не желали считаться с реальными обстоятельствами, пытались отменить исторический шариат и ожидали незамедлительного появления спасителя махди.

Таким образом, с основанием Фатимидского халифата в начале X века сложились две ветви исмаилитов и произошло окончательное размежевание между фатимидскими исмаилитами и карматами. Первые признали исторический имамат Убайдаллаха, позднее распространившийся и на Египет в форме Фатимидской династии, вторые, карматы, продолжали ожидать возвращения имама Мухаммада ибн Исмаила, с которым связывали завершение имамата, и не признавали Фатимидов имамами и халифами. Особенно много сторонников карматского учения было в Ираке и даже в самом Багдаде, где их духовным вождем стал племянник убитого Абдана, и в 925 году вазир аль-Хакани был даже вынужден принять ряд карательных мер против исмаилитских проповедников в столице.

Между тем берберское население Северной Африки, оказавшее аль-Махди столь существенную поддержку, вскоре разочаровалось в нем как в правителе. Абу Абдаллах, сыгравший главную роль в занятии трона фатимидским халифом, обещал жителям Кайравана при вступлении в город ряд экономических послаблений и гарантии их жизни и имущества. Но аль-Махди не собирался выполнять этих обещаний. Поняв, что он теряет авторитет и популярность и как политический глава, и как харизматический вождь, аль-Махди решил предпринять в отношении недовольных его властью подданных ряд карательных мер и избавиться от хотя и преданного ему, но слишком строгого в вопросах исмаилитской доктрины даи. В 911 году он объявил, что Абу Абдаллах, вместе со

своим братом и вождями некоторых берберских племен, замышлял заговор, дабы лишить его предоставленного ему самим Всевышним трона, и приказал Абу Абдаллаха казнить. Одновременно аль-Махди обрушился с репрессиями на берберские племена, противившиеся его власти и стремившиеся к созданию независимого берберского государства.

Для того чтобы закрепить господство новой династии, аль-Махди объявил своим наследником в имамате сына Абу-ль-Касима, которому был придан титул «аль-Каим» («имам воскресения»), Так в Фатимидском государстве был установлен династийный принцип имамата. После 912 года аль-Каим (934–946) начинает играть ведущую роль в пропагандистской и политической деятельности Фатимидов. Ни аль-Махди, ни аль-Каим более не провозглашают «воскресения» («кийама») в том понимании, какое оно имело у карматов Ирака. Отныне Фатимиды правят в качестве халифов и имамов, а не в качестве эсхатологических махди. Срок «воскресения» махди отодвигается на неопределенное время, и, в отличие от карматов, Фатимиды законы шариата не отменяют.

Волнения среди берберского населения Северной Африки и непрочность положения Фатимидов во враждебной стране побуждали аль-Махди искать новые области для дальнейших завоеваний. Особенно халифа и его преемников привлекал Египет — богатейшая и в значительной мере независимая от власти Аббасидов часть исламской империи.

Хотя главный центр Халифата находился в Ираке, Египет, как и прежде, оставался его важной провинцией. Обильные урожаи зерна в Египте кормили священные города Аравии, а налоги с провинции были главным источником доходов казны. Египетские портовые города на побережье Средиземного и Красного морей были пристанищем для флота, связывавшего Халифат со странами Южной Европы и Востока. Военные лагеря и крепости Египта служили местом пребывания войска, части которого отправлялись в Африку. Страна была разделена на отдельные административные и фискальные регионы, но ее объединяла великая река, позволявшая держать под контролем все входящие в провинцию области.

Сделаем небольшой экскурс в предшествующую историю Египта. Завоевание Египта было осуществлено южноарабски-

ми племенами во главе с Амром ибн аль-Асом в 641–643 годах, но позднее, в 727 году, омейядский халиф Хишам переселил в Египет несколько тысяч кайситов. Хотя арабское население Египта было в меньшинстве, арабский язык довольно рано стал использоваться в административных документах, торговле, а позднее и в культурной деятельности. На протяжении первых веков арабо-мусульманского правления греческий язык в Египте был полностью забыт, а коптский со временем перестал быть разговорным и сохранялся лишь в трудах ученых и философов и в христианской литургии. В целом процесс арабизации Египта растянулся на несколько столетий.

Привыкшие к чужеземному владычеству копты, в отличие от иранцев, не стремились к национальной идентификации, и вспыхивавшие в разное время коптские восстания провоцировались злоупотреблением местных властей в области налоговой политики, но не были связаны со стремлением к религиозному или национальному возрождению.

Экономическое и политическое положение арабских поселенцев в Египте мало чем отличалось от положения коптского населения, и в восстании 831 года, начавшемся после гражданской войны между аль-Амином и аль-Мамуном, копты и арабы действовали сообща. В 832 году посетивший Египет аль-Мамун разместил там части хорасанской армии и назначил в качестве наместника Абдаллаха ибн Тахира, который, в свою очередь, поручил управление страной своему чиновнику. С этого времени в Египте постоянно главенствовали турецкие военачальники.

Перенос столицы империи в Ирак несколько ослабил контроль центральной власти над средиземноморскими провинциями. В дела Египта багдадские правители вмешивались мало. Частая смена назначавшихся халифом правителей и жестокое обращение с сельскими жителями чиновников-временщиков, непрестанно повышавших налоги, стали причиной упадка земледелия и сокращения собираемых урожаев, что приводило к массовому бегству коптских крестьян в города. А вводимые правителями в интересах казны государственные монополии на торговлю многими товарами вредили внутренней и заморской торговле и приводили к де-

градации традиционных ремесел. Некомпетентная и слабая власть в провинции оказывалась не в состоянии предотвращать нападения византийского флота на незащищенное побережье.

В 868 году в Египет был назначен халифом новый наместник, уже упоминавшийся нами тюрок Ахмад ибн Тулун. Сначала его власть была ограничена разделением его администрации на военное, налоговое и почтовое ведомства и изъятием из его юрисдикции Александрии и некоторых приморских районов, но позднее Ибн Тулун стал неограниченным правителем Египта, формально правившим страной от имени халифа. Он сумел добиться сокращения дани, ежегодно отправляемой в Багдад, построил крепость Катаи, создал хорошо обученную армию из тюрок, греков и суданских невольников.

Конфликт центральной багдадской власти с выпешшим из подчинения Ибн Тулуном и сменившими его правителями Египта из династии Тулунидов стал неизбежным. В 904 году под предлогом подавления карматского мятежа в Сирии, армия халифа аль-Муктафи во главе с халифским военачальником Мухаммадом ибн Сулайманом вторглась в Египет; последний тулунидский эмир Харун (896–905) был убит, а уцелевшие члены рода Тулунидов высланы в Багдад. Египет был вновь возвращен под власть багдадских халифов.

В течение нескольких десятилетий Египет находился под надзором присылавшихся из Багдада военных правителей и интендантов иракского и иранского происхождения. Их неэффективное правление привело к экономическому упадку страны и сопровождалось неоднократными вторжениями Фатимидов.

Фатимидский халиф аль-Махди (909–934) с вожделинием смотрел на богатейшую провинцию империи, переживавшую в конце IX и в первые годы X века глубочайший экономический и политический кризис. С момента избрания его халифом-имамом он строил планы расширения своего государства, и его политические амбиции простирались далеко за пределы Ифрикии. Однако первые попытки аль-Махди продвинуть границы своих владений на восток успеха не имели. В 914 году его армия во главе с аль-Каимом вторглась в Египет и сумела захватить Александрию и проникнуть в Фаюм-

ский оазис, но аббасидский халиф аль-Муктадир (908–932) направил в Египет войско во главе с военачальником Мунисом, магрибинская армия была разбита и отступила в новую столицу Ифрикии аль-Махдию.

Новая попытка вторжения в Египет по суше и морю была предпринята аль-Махди в 919 году. Однако флот Фатимидов был потоплен близ Розетты, а сухопутная армия, сумевшая вновь захватить Александрию и даже проникнуть в Верхний Египет, была вытеснена в конце 920 года из страны наместником Аббасидов. После этого поражения Фатимиды вынуждены были некоторое время воздерживаться от новых попыток вторгнуться в Египет.

Положение Фатимидов в самой Ифрикии осложнялось всеобщей неприязнью к ним со стороны как жителей Кайравана, так и сельских поселений, откровенно радовавшихся поражениям их армии в Египте. Недовольство Фатимидами арабо-суннитского населения Кайравана и берберско-хариджитских племен вылилось в 943 году в большое восстание. Повстанцы объединились в общем стремлении избавиться от фатимидского господства. Во главе восстания встал школьный учитель Абу Йазид. Он овладел Кайраваном и в 945 году начал осаду главной фатимидской крепости и столицы — аль-Махдии, но, не добившись успеха, вынужден был отступить в Кайраван.

В 946 году аль-Каим умер, и фатимидским халифом стал его сын аль-Мансур (946–953). Реорганизовав армию и воспользовавшись разногласиями между жителями Кайравана и берберами-хариджитами, он овладел столицей Ифрикии и вынудил берберов отступить в горы. Во время преследования хариджитов их предводитель Абу Йазид был убит.

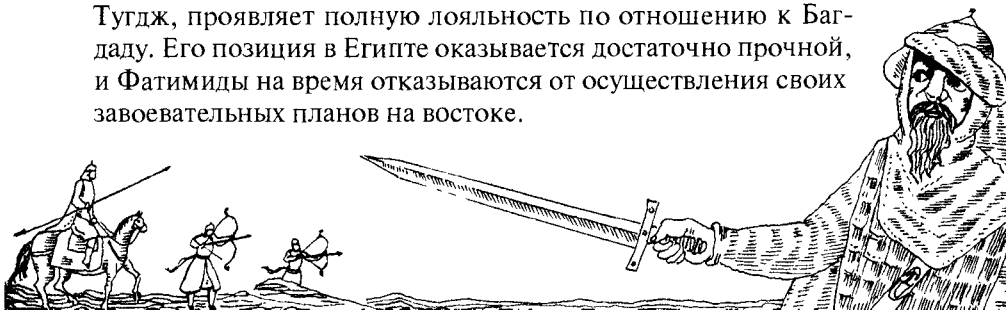
Между тем, опасаясь возобновления попыток вторжения в Египет со стороны Фатимидов, новый аббасидский халиф ар-Ради (934–940) назначил наместником страны тюркского военачальника из Средней Азии, отец которого служил в армии Тулунидов, Мухаммада ибн Тугджа аль-Ихшида (935–946). Ибн Тугдж сумел добиться самостоятельно в управлении страной. Он и его преемники — Ихшидиды («ихшид» — иранский титул со значением «князь», «правитель») правили страной до 969 года. Они сумели воссоздать

сильную армию в том виде, в каком она существовала при Тулунидах, и успешно противостояли всем попыткам фатимидского вторжения.

Установление в Египте власти Тулунидов и Ихшидидов ознаменовало возникновение новой системы регионального управления в исламском государстве. Тулуниды и Ихшидиды стремились не к выходу из состава Аббасидской империи, а, в отличие от Омейядов в Испании или Идрисидов в Марокко, к установлению режима личной власти в пожалованных им владениях. Ибн Тулун, суннит, был верен принципу исламского единства, и целью его была не полная независимость, но автономия в пределах исламской ойкумены. Примерно на такой же позиции стоял Мухаммад ибн Тугдж. Он поддерживал с Аббасидами самые дружественные отношения, тем более что у него, как и у багдадских правителей, были общие враги в лице Фатимидов и пытавшихся сохранять независимость мелких правителей Сирии.

Опираясь на хорошо обученную армию, Ибн Тугдж сумел захватить и удержать под своим контролем центральную и южную части Сирии, оставив в руках аббасидского военачальника Ибн Раика ее северную часть, позднее ставшую добычей местной династии Хамданидов. Ибн Тугдж оказался для Фатимидов серьезным противником, и, когда фатимидский халиф аль-Каим в 936 году предпринял очередную попытку проникнуть в Египет и захватить Александрию, Ибн Тугдж вновь сумел изгнать берберское войско обратно в Магриб. После этой неудачи Фатимиды, занятые борьбой с хариджитами, на протяжении почти трех десятилетий не предпринимали новых походов в Египет.

В 946 году Ибн Тугдж умирает, и пост эмира наследуют его два малолетних сына, опекуном которых и фактическим правителем страны становится деятельный и умелый политик, нубийский евнух Кафур, которого в 966 году аббасидский халиф оказывается вынужденным и формально утвердить на этом посту. Кафур, как и его предшественник Ибн Тугдж, проявляет полную лояльность по отношению к Багдаду. Его позиция в Египте оказывается достаточно прочной, и Фатимиды на время отказываются от осуществления своих завоевательных планов на востоке.

При господстве Тулунидов и ранних Ихшидидов Египет процветал. Разумная фискальная политика правителей пополняла казну, а реформа административного аппарата значительно сократила расходы. Ихшидиды впервые со времени арабского завоевания установили регулярную выплату жалования гражданским чиновникам. Как и Тулуниды, они уделяли внимание улучшению системы ирригации и осушению болот, что способствовало повышению урожаев. Можно сказать, что со времен Птолемеев Египет впервые стал мощной, независимой и экономически процветающей державой.

Хотя Тулуниды и Ихшидиды всячески покровительствовали литературе и искусству (например, Кафур пригласил ко двору крупнейшего арабского поэта аль-Мутанабби), их приход к власти не сопровождался национальным и культурным возрождением, подобным иранскому. Ибн Тулун и Ибн Тугдж, как и их преемники, были тюрками, Кафур — нубийцем, их армия состояла из тюрок, греков, суданцев и негров, и исконные египетские культурные традиции были им чужды. Даже высшие чиновники государства были приглашены из Ирана. В архитектуре они имитировали имперский иракский стиль и следовали художественным вкусам мусульманского Востока. Вместе с тем они стремились сделать Египет сильным государством и проводить самостоятельную политику. Они создали сильную армию наемников, одну из самых могущественных в исламском мире, но после смерти основателей династии армия постепенно начала выходить из повиновения и утратила первоначальную организованность и боеспособность.

Тем временем Фатимиды не отказались окончательно от своих завоевательных планов. Их сторонники вели в Египте активную исмаилитскую пропаганду. Обстановка в Халифате в середине X века благоприятствовала осуществлению этих планов. В 945 году Аббасиды попали в зависимость от Бувайхидов — династии шиитов-имамитов, — не испытывавших враждебности к Фатимидам, и халифы не могли оказать Египту существенной помощи в борьбе с Фатимидами. Сам же Египет при последних Ихшидидах находился в состоянии политической анархии. При Абу-ль-Хасане Али (961–966) низкий уровень Нила привел к голоду, а при Кафуре на Еги-

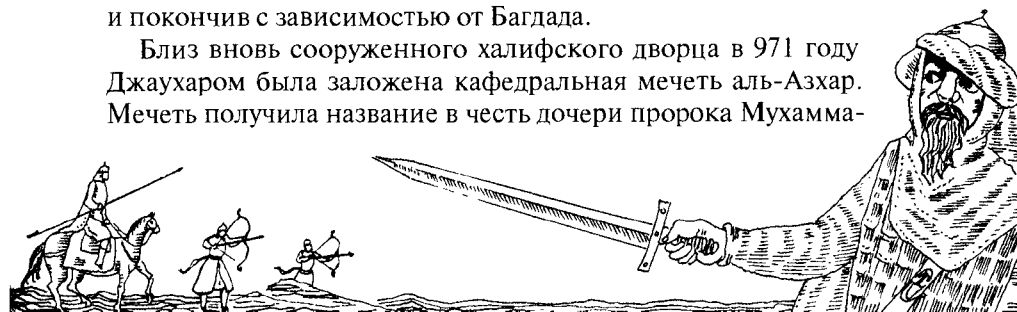
пет обрушилось страшное землетрясение. В 968 году Кафур умирает, и Фатимиды, видя тяжелое экономическое положение страны и царящую в ней анархию, начинают готовиться к новому вторжению.

После смерти аль-Мансура (946–953) фатимидским халифом-имамом стал его сын аль-Муизз (953–975), начавший деятельную и систематическую подготовку к завоеванию Египта. Он готовил свою армию и одновременно отправлял в Египет агентов и пропагандистов, которые устанавливали связи с египетскими шиитами. Он привлек на службу двух ценных помощников: назначил военачальником всей армии привезенного из Сицилии бывшего раба-христианина, опытного в военном деле Джаухара, а своим главным советником по экономическим вопросам сделал иудея из Багдада, в прошлом состоявшего на службе у Кафура — Ибн Киллиса (умер в 990 году). Обстановка благоприятствовала осуществлению планов Фатимидов еще и потому, что в самом Египте после смерти Кафура началась смута.

Весной 969 года более чем сотысячная армия во главе с Джаухаром двинулась на восток по дороге, пройденной аль-Каимом уже несколько раз. Армию сопровождал флот, корабли которого были нагружены зерном, предназначавшимся для голодающего населения Египта. Без большого труда Джаухар разбил под Гизой египетское войско, и фатимидская армия вступила в Фустат. Джаухар издал декларацию, в которой говорилось, что он пришел в страну, чтобы освободить египтян от гнета Ихшидидов и гарантировать жителям сохранение имущества и земель, безопасность в торговле и паломничестве в Мекку и свободу вероисповедания.

Через неделю после вступления в Фустат фатимидский военачальник отдал приказ об основании в его окрестностях новой столицы — аль-Кахира («Побеждающая»), Так был основан Каир. 9 июля 969 года в старой мечети Фустата в хутбе впервые было упомянуто имя аль-Муизза. Египет вошел в состав империи Фатимидов, став его главнейшей территорией и покончив с зависимостью от Багдада.

Близ вновь сооруженного халифского дворца в 971 году Джаухаром была заложена кафедральная мечеть аль-Азхар. Мечеть получила название в честь дочери пророка Мухамма-

да Фатимы, которая носила почетное имя «аз-Захра» («прекрасная, сияющая»). Со временем аль-Азхар стал интеллектуальным центром, где ученые и наставники разрабатывали исмаилитскую доктрину и готовили миссионеров, для отправки их во все провинции Халифата.

В 972 году халиф аль-Муизз прибыл из Ифрикии с гробами своих предков в основанную Джаухаром новую столицу Фатимидского государства. Честолюбивые замыслы его были огромны. Исмаилитский панегирист аль-Муизза, андалусец Ибн Хани (умер в 973 году), в одной из своих поэм описывает свой сон о том, как халиф завоевывает Багдад и перед ним открывается путь на восток через всю древнеперсидскую империю. Эта поэма была художественным отражением амбиций Фатимидов, мечтавших об установлении имамата и распространении исмаилитской веры во всем исламском мире.

При первых трех египетских халифах: аль-Муиззе (953–975), аль-Азизе (975–996) и аль-Хакиме (996–1021) — фатимидская активность была очень велика. Халифы полностью контролировали власть в государстве. Исмаилитский имам-халиф был абсолютным монархом, не только религиозным, но и духовным вождем; верховенство его определялось божественной волей и передавалось в семье по наследству. Поэтому халифы руководили тремя ветвями государственной власти: бюрократией, религиозной иерархией и армией.

Фатимидский двор был организован в виде иерархии придворных со сложной системой департаментов, осуществлявших военные, секретарские и налоговые функции. Придворные и чиновники делились на «людей-мечей» («арбаб ас-суйуф») и «людей перьев» («арбаб аль-аклам»). В первую категорию входили эмиры и военачальники, а также и придворная гвардия. Огромный штат чиновников, занимавшихся фискальными делами, возглавлялся вазирами.

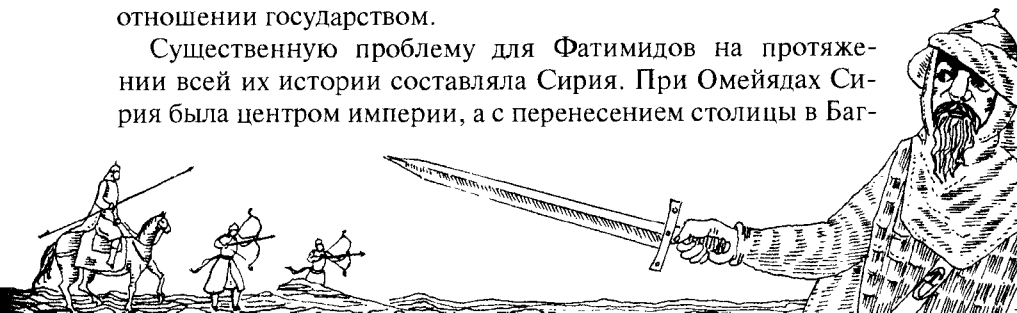
За время первого столетия своего господства Фатимиды то войной, то при посредстве дипломатии установили свою власть над Сирией, большей частью Магриба, Аравией и частично Ираком. Еще в 960 году аль-Муизз добился признания власти Фатимидского халифата Алидами Мекки и Медины и установил опеку над святыми местами в Хиджазе. Нубия и Судан служили для Египта источником чернокожих рабов.

Нуждаясь в опорных пунктах для широких торговых операций со странами Азии через Красное море и Персидский залив, Фатимиды распространили свое господство вдоль обоих берегов Красного моря и учредили торговые фактории в Йемене. Кроме военно-политических возможностей они располагали огромной армией миссионеров, агентов и активных сторонников, которые вели под руководством каирских наставников исмаилитскую пропаганду в самых отдаленных областях Аббасидской империи, вплоть до Афганистана и Индии. Таким образом, Фатимиды следовали опыту арабо-мусульманских завоеваний VII–VIII веков, двигаясь от периферии (из Северной Африки) к центру исламского государства, постепенно переходя к созданию могущественной империи.

В первое столетие фатимидского господства Египет находился в состоянии экономического процветания, укрепилось его политическое положение и вырос международный авторитет. Сохранившаяся еще со времен Ихшидидов администрация эффективно функционировала. Ибн Киллис при пятом фатимидском халифе аль-Азизе получил еще больше прав в области внутренней политики. Он реорганизовал административную и фискальную систему, сохранявшуюся на протяжении всего фатимидского господства, и добился регулярного поступления налогов.

Древнейшие египетские ремесла достигли при Фатимидах еще большего расцвета, а торговля внутри Халифата и за его пределами с Византией, странами Западной Европы, Юго-Восточной Азией и Индией стала одним из главных источников доходов египетской казны. Египетские корабли совершали торговые плавания в Сицилию и Испанию, торговля шла с итальянскими прибрежными городами. Египетский военный флот контролировал Восточное Средиземноморье, а Александрия и Триполи в Сирии были крупнейшими центрами мировой торговли. Обладание Египтом, экономически самой развитой страной Ближнего Востока, делало Фатимидскую державу богатейшим и могущественнейшим в военном отношении государством.

Существенную проблему для Фатимидов на протяжении всей их истории составляла Сирия. При Омейядах Сирия была центром империи, а с перенесением столицы в Баг-

дад утратила статус престольной провинции. Разнообразие ее ландшафта, состоявшего из гор, рек, пустынь и долин, в которых располагались древние поселения с разнородным населением, обуславливало этническую и экономическую пестроту районов, управляемых различными правителями. Богатая природными ресурсами, хлебом, лесом и минералами, эта провинция противостояла египетскому продвижению на восток благодаря своему географическому положению, которое обеспечивало ей также контроль над паломничеством в священные города. Поэтому египетские правители еще до образования Фатимидского халифата пытались проникнуть в Сирию и овладеть сирийскими городами или, по меньшей мере, установить дружеские отношения с местными правителями, дабы не допустить проникновения через Сирию врагов и завоевателей из Ирака.

Еще аббасидский наместник Египта Мухаммад ибн Тутдж, фактически независимый правитель, овладел частью Сирии с Дамаском. Ему пришлось вести борьбу за господство в стране с халифским военачальником «амиром аль-умара» Ибн Раиком, пытавшимся также проникнуть в Сирию и сделать эту провинцию своей вотчиной, независимой ни от Аббасидов, ни от Ихшидидов. Он сумел разделить власть над Сирией с Ибн Тутджем, но в 942 году умер, и Ихшидиды мирным путем овладели всей страной. Тут им пришлось столкнуться с новым противником в лице Хамданидов.

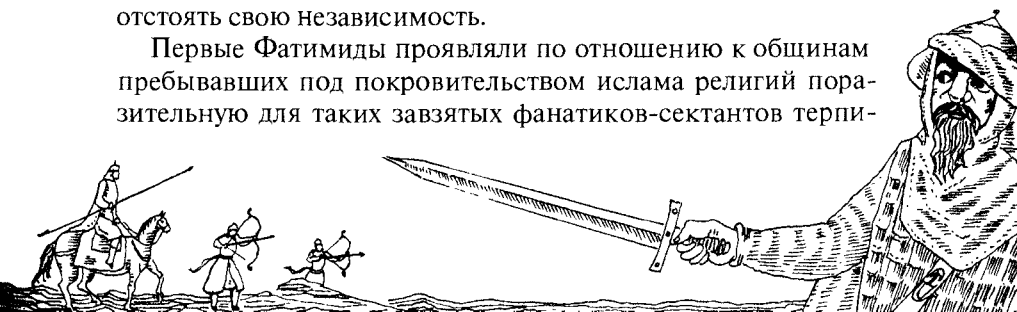
Хамданиды были выходцами из бедуинского племени таг-либ, и, таким образом, их династия, в отличие от большинства местных династий Халифата, основывавшихся тюркскими военачальниками, была чисто арабского происхождения. Родоначальником династии был Хамдан ибн Хамдун, сумевший вместе со своими сыновьями и с согласия халифа основать небольшое семейное княжество в Мосуле. В 944 году Хамданид Сайф ад-Даула, воспользовавшийся противоборством различных мелких сирийских правителей и бедуинскими набегами на сирийские поселения, порождавшими в стране анархию, сумел овладеть городами Алеппо и Химс, формально находившимися под властью Ихшидидов, и образовать в Северной Сирии небольшой эмират, которым правил до смерти в 967 году.

Сайф ад-Даула вошел в арабскую историю как воинственный эмир, храбрый воин, ведущий непрерывную священную войну с Византией, и покровитель поэтов и ученых, воспетый в стихах крупнейшим арабским поэтом-панегиристом аль-Мутанабби. Однако, несмотря на все расточаемые ему современными историками и поэтами комплименты, его правление было в высшей степени неэффективным. Он разорял жителей своих владений непомерными налогами, а войны, которые он вел с Византией, носили характер взаимных разбойничьих набегов, во время которых он неизменно терпел поражение. Неудачей кончались и его военные столкновения с Ихшидидами и тюркским военачальником Тузуном, также претендовавшим на создание собственного эмирата. Однако Сайф ад-Даула сумел удержаться у власти, поскольку в равной мере был удобен и необходим как Ихшидидам, так и багдадским властям (халифам аль-Муттаки и аль-Мустакфи, а позднее и захватившим власть в Багдаде Бувайхидам), ибо умел держать под своим контролем грабителей-бедуинов.

В 965 году византийский военачальник Никифор Фока вторгся в Сирию, занял значительную часть страны, в том числе и Алеппо, и Сайф ад-Даула бежал из своей столицы, а сменивший его сын Садад-Даула (967–991) вынужден был признать себя вассалом императора. Однако продвижение византийской армии в Сирии было остановлено Фатимидами, и по договору с Византией страна должна была перейти под их власть. Соответственно правившие в Алеппо и прежде находившиеся в вассальной зависимости от Византии Хамданиды признали суверенитет Фатимидов и вошли в состав Фатимидского государства.

Власть Фатимидов в Сирии никогда не была устойчивой. Несмотря на прошиитские и профатимидские симпатии жителей, фактически они прочно удерживали в своих руках только юг страны. Им постоянно приходилось иметь дело то с бедуинскими набегами, то с рейдами карматов, то с непокорными тюркскими правителями Дамаска, стремившимися отстоять свою независимость.

Первые Фатимиды проявляли по отношению к общинам пребывавших под покровительством ислама религий поразительную для таких завзятых фанатиков-сектантов терпи-

мость. Вероятно, тут играл известную роль рационалистический характер учения исмаилитов и их вера в логическую доказуемость проповедуемых ими религиозных истин, позволявшая им допускать открытые диспуты с иноверцами. Следуя примеру Ихшидилов, Фатимиды после завоевания Египта оставили на своих постах всех чиновников, в подавляющем большинстве христиан. Они держали при дворе лейб-медиков — иудеев и не вынуждали их переходить в ислам, а мусульманин из иудеев Ибн Киллис при аль-Муиззе и аль-Азизе управлял всей экономической жизнью Египта.

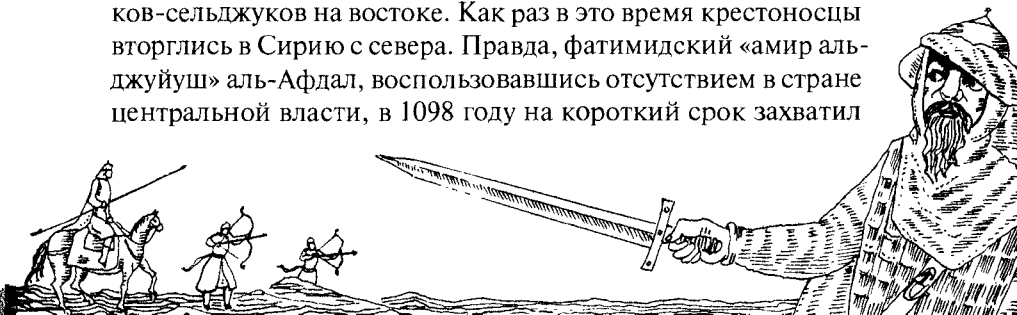
При халифе аль-Азизе дружелюбное отношение к иноверцам выразилось еще и в том, что у него были зятья из христианского духовенства, а своим вазиром халиф сделал христианина Ису, который, в свою очередь, назначил своим помощником в Сирии иудея Манассия. Правда, позднее, под давлением фанатичных клерикалов, халиф вынужден был их отстранить от должности. В 996 году халиф приказал снарядить флот для войны с совершавшими морские набеги на египетское побережье византийцами, но флот сгорел во время строительства еще в верфях, и народ заподозрил в поджоге находившихся в портовых городах греческих купцов. Начались погромы, во время которых фанатики убивали не только иноземцев, но и местных христиан, грабили церкви, а местный несторианский епископ был смертельно ранен. Но фатимидские власти навели порядок, десятки грабителей и убийц были схвачены, каждый третий из них казнен.

В 996 году халифом стал одиннадцатилетний аль-Хаким (996—1021). Это был эксцентричный, по-видимому психически не вполне здоровый человек, и время его двадцатипятилетнего правления отмечено упадком авторитета халифской власти. Под влиянием событий, предшествовавших его вступлению на трон, он и его ближайшие советники круто изменили отношение к иноверцам, и от бывшей терпимости не осталось и следа. При аль-Хакиме с 1003 года начались погромы церквей, которые сносили и на освободившемся месте строили мечети. Запрещены были публичные христианские празднества, а в 1009 году храм Гроба Господня в Иерусалиме и большой монастырь аль-Кусайр на горе аль-Мукаттам в Каире были разрушены и осквернены могилы на христиан-

ских кладбищах. В отношении одежды иноверцев были восстановлены правила, обязывавшие носить христиан на шее тяжелые деревянные кресты, а иудеев — тяжелые шары. Тем не менее чиновниками и врачами по-прежнему были христиане и иудеи, и, хотя многие знатные христиане переходили в ислам, в провинциях Египта христиане в основном сохраняли верность своей религии.

В 1021 году халиф аль-Хаким исчез при таинственных обстоятельствах. Ходили слухи, что он был убит не без участия собственной сестры Ситт аль-Мульк, которая стала после его исчезновения опекуней малолетнего халифа, сына аль-Хакима — аз-Захира (1021–1036), и фактической правительницей Египта. В 1027 году Ситт аль-Мульк умерла, и власть перешла в руки вазира Абу-ль-Касима аль-Джарджаран, правившего страной до 1045 года. Традиция опекунского правления укоренилась в фатимидском Египте, и после смерти аз-Захира и вступления на трон нового молодого халифа аль-Мустансира (1035–1094) Египтом фактически стала управлять его мать, в прошлом суданская рабыня. Весь XI век после исчезновения аль-Хакима отмечен смутами, борьбой за власть военных клик и начавшимся политическим и экономическим упадком Фатимидской империи.

При халифе аз-Захире у Фатимидов появились в Сирии новые противники. Ослабление власти Хамданидов на севере привело к тому, что бедуинское племя во главе с Салихом ибн Мирдасом в 1023 году захватило Алеппо и основало династию Мирдасидов, которая, в свою очередь, уступила власть другой бедуинской династии — Укайлидам из Мосула. Даже на юге страны господство Фатимидов было поколеблено противодействием местных династий, которые то в союзе с бедуинами севера, то даже при поддержке византийцев добивались самостоятельности. Во времена правления аль-Мустансира власть Фатимидов над Сирией становилась все более эфемерной и была совсем утрачена с появлением тюрок-сельджуков на востоке. Как раз в это время крестоносцы вторглись в Сирию с севера. Правда, фатимидский «амир аль-джуйуш» аль-Афдал, воспользовавшись отсутствием в стране центральной власти, в 1098 году на короткий срок захватил

Иерусалим. Однако потерянные Фатимидами районы Сирии более к ним не возвращались.

Постепенно Фатимиды утратили и область, в которой возникла их династия, — Северную Африку. Еще во второй половине X века в Ифрикии и Восточном Алжире захватила власть берберская династия Зиридов (972–1148), основоположник которой Йусуф ибн Зири за поддержку, оказанную им Фатимидам в момент их воцарения, был назначен наместником Ифрикии со столицей в Кайраване. Но в трудное для Фатимидов время Зириды перешли на сторону Аббасидов, и Северная Африка перестала подчиняться каирским халифам.

Даже Хиджаз, находившийся формально под фатимидской властью и имевший столь большое значение для религиозного авторитета Фатимидов, в конце XI века управлялся местной династией, претендовавшей на происхождение от пророка Мухаммада, и обрел фактически полную независимость.

Пришел конец авторитету Фатимидов и за пределами их бывших владений. На востоке Халифата знаменитый Махмуд Газневи принял суннизм и стал оказывать всяческую поддержку багдадскому халифу. Захватившая власть в Ираке шиитская династия Бувайхидов, которых Фатимиды всячески пытались склонить на свою сторону, продемонстрировала верность «истинному» алидскому имаму и отказала Фатимидам в помощи.

В XI веке Египет начинает испытывать значительные экономические трудности, от былого процветания не остается и следа. Сокращается внешняя торговля, ирригационные системы приходят в упадок, пустеет казна. Вдобавок на протяжении одного столетия на Египет несколько раз обрушиваются страшный недород и голод. В 1023 и 1025 годах голод уносит тысячи жизней, а в 1065 и 1072 годах голод принимает такие масштабы, что, по сообщению историка аль-Макризи (1364–1442), в стране отмечались случаи людоедства.

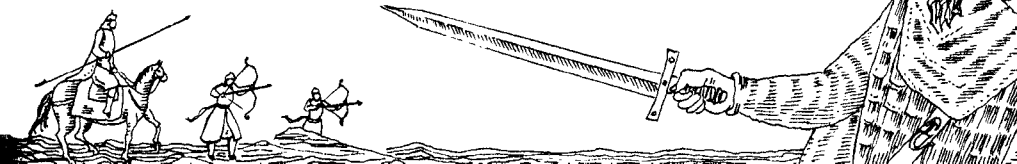
Подобно тому как Аббасиды в X веке оказались в зависимости от различных военных клик, затем подпали под власть Бувайхидов, а с середины XI века — тюркской династии Сельджуков, правивших страной от имени халифа, Фатимиды в XI веке также оказались заложниками переставшей им подчиняться армии. На раннем этапе фатимидского господства

основу их армии составляли воинственные североафриканские берберские племена, которые, подобно хорасанскому войску при ранних Аббасидах, были их главной опорой. Однако со временем Фатимиды стали привлекать в свое войско обученных военному искусству рабов-мамлюков европейского и восточного происхождения: греков, славян, итальянцев, а во время правления аль-Азиза были сформированы части из тюркских мамлюков. Позднее появились части и из чернокожих рабов, нубийцев и суданцев, которых Фатимиды, подобно Ихшидидам, ввозили из Африки.

Борьба разных военных клик в разнородном войске началась еще при не вполне дееспособном халифе аль-Хакиме, а после его смерти, при его преемниках, слабых правителях, этнические столкновения привели к полнейшей анархии в армии. Образовались две соперничавших между собой военных группировки: восточная (машрикия) и западная (магрибия). По мере ослабления контроля гражданской власти над вооруженными отрядами борьба между кликами принимала все более ожесточенный характер. Сначала суданцы поддерживали тюрков в их борьбе с берберами, которые потерпели поражение, а позднее, когда Северная Африка вышла из подчинения Фатимидам, берберские части утратили в армии сколько-нибудь серьезное значение. Теперь борьба разгорелась между тюрками и суданцами, и тюрки вышли из нее победителями.

Каждая из боровшихся военных клик имела в Египте область своего господства. Отряды чернокожих мамлюков укрепились в Верхнем Египте, куда их загнали противники-берберы. В руках берберов в основном находился район Дельты. Тюркские наемники господствовали в Каире, где они заставили безвластного халифа аль-Мустансира выдать им огромные сокровища династии и разграбили находившуюся в столице замечательную библиотеку.

Произвол тюркских эмиров в Египте в период правления аль-Мустансира был столь невыносим, что в 1073 году халиф обратился за помощью к армянскому военачальнику Бадру аль-Джамали, правителю Акры, находившейся в то время в руках Фатимидов. Бадр действовал весьма решительно. В 1074 году он прибыл в Каир с собственным армянским отрядом, пере-

бил главных тюркских эмиров и сотрудничавших с ними египетских чиновников и установил собственную диктатуру. Он получил от халифа сразу три должности: вазира, командующего войском (амир аль-джуйуш) и главы корпуса исмаилитских миссионеров (хади ад-дуат). Бадр правил страной как неограниченный властитель в течение двадцати лет, до самой смерти в 1094 году, когда его сменил аль-Афдал Шаханшах.

Бадр и его наследники держали фатимидских халифов в руках, подобно тому как шиитская династия Бувайхидов держала в руках багдадских халифов. При них в Египте установился мир и порядок. Они сумели улучшить экономическое положение страны и фактически задержали гибель Фатимидского государства почти на целое столетие.

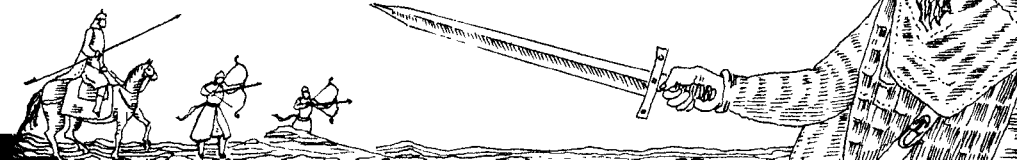
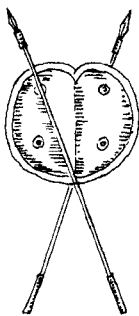
Аль-Мустансир умер через несколько месяцев после смерти Бадра аль-Джамали, и сын Бадра, новый вазир и «амир аль-джуйуш» аль-Афдал, назначил преемником халифа не его старшего сына Низара, избранного умершим халифом в качестве наследника и признанного таковым каирскими исмаилитскими лидерами, а младшего сына аль-Мустали (1094–1101). Это было нарушением исмаилитской традиции, согласно которой избрание своего наследника представлялось актом осуществления божественной воли и могло состояться лишь один раз. Аль-Мустали не имел в стране поддержки и оказался в полной зависимости от вазира, который поспешил закрепить свое положение регента, женив нового халифа на своей сестре. Назначение аль-Мустали халифом вызвало осуждение в исмаилитских кругах повсеместно, особенно на востоке, и явилось причиной раскола в религиозном движении, идеология которого была основой фатимидского режима. Своими действиями аль-Афдал, возможно сознательно, принес религиозную доктрину исмаилитов в жертву своим личным политическим амбициям.

Несовместимость государственных интересов Египта и исмаилитов за его пределами не раз ощущалась во времена Фатимидов, но теперь она достигла кульминации. Возводя на трон аль-Мустали, аль-Афдал отверг союз с воинственными исмаилитами Востока, а те, в свою очередь, отвергли Фатимидов в качестве духовных вождей секты. Даже те исмаилиты, которые поначалу приняли избрание аль-Мустали,

позднее порвали с Фатимидами. После смерти в 1130 году сына аль-Мустали аль-Амира оставшиеся верными Фатимидам исмаилиты за пределами Египта отказались признать халифом его двоюродного брата аль-Хафиза (умер в 1149 году), но утверждали, что аль-Амир оставил маленького сына, который, по их мнению, должен был стать законным имамом. Наследники незаконного, с их точки зрения, халифа превратились в местную египетскую светскую династию, утратившую идеологическую мотивацию своего господства.

Поворот в области идеологии, происшедший в Египте при последних фатимидских халифах, имел трагические последствия для всего исмаилитского движения. Первыми раскольниками стали выступившие в самом Египте сторонники старшего сына халифа аль-Мустансира, Низара, который был отстранен от наследования власти аль-Афдалем, назначившим на пост халифа аль-Мустали. Приверженцы Низара проявляли большую активность и создали свою организацию, получившую название «Новый призыв» («ад-дава аль-джадида»), просуществовавшую до 1256 года. Основана она была иранским исмаилитом Хасан-и Саббахом, который еще в 1090 году захватил на севере Ирана в горах Дайлама крепость Аламут и сделал ее базой для операций против суннитских сельджуков.

Со временем «Новый призыв» развился в большую исмаилитскую ветвь или орден ассасинов (европейское название последователей секты от арабского «хашишин» — «употребляющие гашиш»), действовавших в Сирии и Иране. Глава, или шайх, ордена объявил себя представителем «скрытого имама». Первым «скрытым имамом», согласно учению низаритов, был объявлен внук Низара. После убийства отца и деда он был младенцем спасен низаритами и доставлен в Аламут, где Хасан-и Саббах воспитывал его в строжайшей тайне. Главари секты прервали всякие отношения с фатимидской организацией «дава» в Каире. Не имея в своем распоряжении большой военной силы, члены ордена всю свою энергию направляли на политические убийства, надеясь победить своих противников с помощью террора. В числе жертв ассасинов оказался и просвещенный вазир сельджукского султана Малик-Шаха (1072–1092) — перс Низам аль-Мульк.

Глава 11

Ирак и Сирия под властью Сельджукидов

С древнейших времен воинственные тюркские племена вели кочевой образ жизни и занимались скотоводством на огромных степных просторах от устья Дуная и до Алтая. Подобно тому как это было в VI—VII веках у бедуинов Аравийского полуострова, со второй половины X века у тюркских кочевников начался процесс разложения родоплеменного строя и стала выделяться военно-феодалная знать, мечтавшая о расширении своих владений. Примерно в это же время тюркские кочевники восприняли ислам и тем самым получили мотивацию для новых завоеваний. Начали складываться объединения тюркских племен, обитавших в степных районах Средней Азии. Одно из таких племенных объединений, возглавляемое династией Караханидов, воспользовалось упадком государства Саманидов и в 992 году захватило Бухару и прилегающие районы Средней Азии.

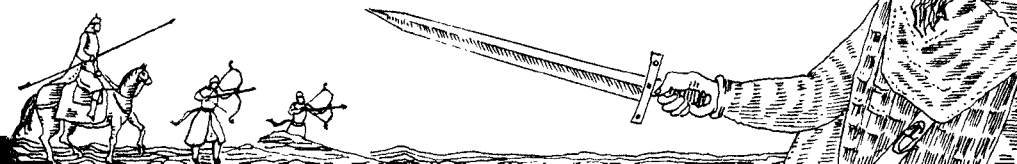
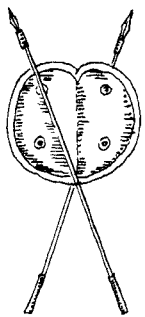
В середине X века к северу от Каспийского и Аральского морей в Северо-Западном Иране появилось другое объединение тюркских племен, именуемое огузами. Его возглавляло семейство Сельджука. Впоследствии имя династии — Сельджуки или Сельджукиды — распространилось на все объединенные ею племена. Сельджукские племена стали просачиваться в области исламского мира, прежде всего в Хорезм и Мавераннахр. Главной целью сельджукской знати стало распространение своей власти на оседлое земледельческое население соседних областей.

Расширению экспансии тюркских племен косвенно способствовали иранские саманидские правители. Еще в середине X века при дворе Саманидов видную роль играл военачальник саманидского войска в Хорасане Алп-Тегин, возглавлявший придворную тюркскую гвардию гуламов. Рост его влияния при слабейших правителях и попытки вмешиваться в придворные интриги стали причиной опалы Алп-Тегина, и он вынужден был уйти со своими гулами в Газну (Восточный Афганистан), где основал независимое княжество.

Алп-Тегин правил в Газне полтора десятилетия, после чего к власти пришел другой гуламский лидер, Себюк-Теги. Формально оставаясь наместником Саманидов, Себюк-Тегин, как и его предшественник, фактически был полным хозяином в своих владениях и считается основателем династии Газневидов. Возвышение этой династии и выход ее на мировую арену связаны с именем сына Себюк-Тегина, знаменитого султана Махмуда Газневи. Воспользовавшись тем, что находившемуся в состоянии политической неустойчивости государству Саманидов был нанесен удар Караханидами, Махмуд Газневи захватил земли Саманидов к югу и западу от Амударьи. В 1017 году он завоевал Хорасан, а в 1029 году — иранские владения Бувайхидов: Рей, Казвин, Хамадан и Исфахан. На севере он установил границу с владениями своих соперников Караханидов по Амударье и овладел Хорезмом. Империя Махмуда ко времени его смерти представляла собой обширное государство, равное по своему могуществу Аббасидскому халифату в период его расцвета. Однако государство Махмуда Газневи стало могущественным главным образом благодаря личности самого султана, а при его сыне Масуде империя начала приходить в упадок, и вскоре тюрки-сельджуки, воспользовавшись этим, нанесли Газневидам сокрушительный удар.

Во главе Сельджукидов стояли два внука Сельджука — Чагры-бек и Тогрыл-бек. В 1038 году Сельджукиды овладели Северным Хорасаном, и Чагры-бек был провозглашен султаном в Мерве, а Тогрыл-бек (1038—1063) в Нишапуре. Масуд пытался сопротивляться Сельджукидам, но в 1040 году его войско было разгромлено под Мервом. Газневиды утратили Хорасан, а на протяжении следующего десятилетия (1040—1050) в руки Сельджукидов перешел весь Иран.

Теперь наступила очередь Ирака. Провозгласив себя защитником суннизма и врагом шиитов Бувайхидов, узурпировавших власть в Халифате, Тогрыл-бек I двинулся на Багдад. В 1055 году он без большого труда изгнал из города небольшой бувайхидский гарнизон и вынудил безвластного халифа аль-Каима (1031—1075) объявить его «султаном и царем Востока и Запада», в знак чего тот возложил на него двурогую корону и перепоясал его двумя мечами. Халифу Тогрыл-бек I,

как и прежде Бувайхиды, оставил лишь призрачную духовную власть. Так родилась империя Великих Сельджуков.

Ревностные сунниты Сельджукиды оказывали халифу все положенные знаки внешнего почтения. Тогрыл-бек I лично прибыл в Багдад для получения инвеституры, простерся ниц и облобызал землю перед халифом аль-Каимом, но при этом всю полноту власти в государстве сосредоточил в своих руках. В 1059 году бывший бувайхидский военачальник Арслан аль-Басасири предпринял попытку вернуть власть в Багдаде старой династии, для чего даже попытался заручиться поддержкой Фатимидов. Но Тогрыл-бек I действовал решительно. Он прибыл с войском в Багдад, разбил отряд аль-Басасири, казнил его и восстановил власть Сельджукидов.

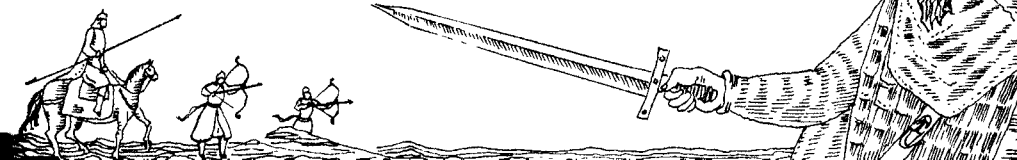
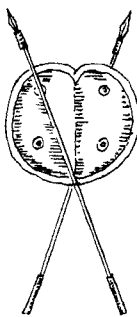
Завоевания Сельджукидов продолжались и при Алп-Арслане, втором султানে государства Сельджукидов (1063—1072), — племяннике Тогрыла-бека I и сыне Чагры-бека. При нем в состав государства вошли весь Иран, Ирак и Закавказье (Армения, Азербайджан и Восточная Грузия), а также значительная часть Малой Азии. С 1064 года первые тюркские отряды начали проникать и в Сирию. Первоначально они действовали в качестве союзников или вспомогательных войск соперничавших между собой местных бедуинских эмиров. В 1071 году фатимидский военачальник Бадр аль-Джамали, в то время правитель Акры, пригласил одного из тюркских предводителей, некоего Атсыза, для того, чтобы он воспрепятствовал набегам на его владения в Сирии бесчинствовавших бедуинских племен. Однако Атсыз решил действовать в своих интересах и захватил всю Палестину с Иерусалимом. А когда обеспокоенные его притязаниями Фатимиды предприняли попытку отобрать у него захваченные земли, Алп-Арслан, желавший воспрепятствовать фатимидскому проникновению в Сирию, объявил шиитско-исмаилитской династии Фатимидов «священную войну» и в свою очередь вторгся с войском в страну. Он без большого труда занял Алеппо, но вынужден был прекратить дальнейшее наступление и двинуть свое войско на северо-восток, дабы отвратить угрозу от своих тылов со стороны византийского императора Романа Диогена. С уходом войска Алп-Арслана Атсыз продолжал в Сирии свои завоевания. В 1076 году он овладел

Дамаском, а в следующем году сделал попытку вторгнуться в Египет, но был отброшен Бадром аль-Джамали. Опасаясь наступления фатимидского войска, Атсыз обратился за помощью к новому султану Великих Сельджуков, сыну Алп-Арслана — Малик-Шаху (1072–1092). Малик-Шах охотно откликнулся на призыв и отправил в помощь Атсызу большой отряд во главе со своим братом Тутушем, разрешив тому стать эмиром земель, которые он сумеет захватить. В результате почти вся Сирия, управляемая Тутушем из Дамаска, перешла в руки сельджуков, а под фатимидским контролем осталась лишь узкая прибрежная полоса с Акрой и Тиром. В 1095 году Тутуш погиб в борьбе за пост главы сельджукского султаната, и его владения поделили тюркские эмиры.

На территорию Византии тюрки стали проникать еще при Махмуде Газневи. Алп-Арслан решил поддержать движение турков-огузов на Запад. Покинув Сирию, он быстро перегруппировал свои отряды и направил их к византийской границе. В 1071 году состоялось грандиозное сражение при Манзикерте. Армия Романа Диогена потерпела поражение, а сам византийский император попал в плен.

В результате византийские пограничные укрепления были прорваны, и тюрки непрерывным потоком устремились в Малую Азию, заселяя Анатолию и превращая обширные захваченные районы в пастбища.

Сельджукские завоевания осуществлялись тюркскими племенами, составлявшими во время прихода династии к власти ее главную опору и мечтавшими лишь о расширении районов кочевого земледелия. Это создавало трудности для возникающей империи, чье экономическое положение зависело от процветания оседлого земледелия, а в городах — ремесла и торговли. Поэтому, когда власть династии Сельджукидов укрепилась, они стали рассматривать кочевников как серьезную угрозу для стабильности создаваемого ими государства. Учитывая это, Алп-Арслан, под предлогом необходимости защиты границ, приказал переселить большую часть обеспечивших приход династии к власти кочевников в окраинные районы. Этим актом он как бы окончательно порывал с традициями тюрков-завоевателей и превращал государственное образование в могущественную империю.

Победа Сельджуков при Манзикерте открыла путь тюркизации Малой Азии. Лидерство среди вторгнувшихся в Анатолию тюрок захватил один из эмиров — Сулайман (1077–1086). В результате на территории Анатолии образовалось фактически независимое государство Сельджуков Рума, то есть области, некогда входившей в состав Римской империи. Подобно главе Великого Сельджукского государства, Сулайман также присвоил себе титул «султан». Сперва он основал свою столицу в Изнике (византийская Никея), подальше от владений Великих Сельджуков на востоке, а после утраты города в войне с Византией перенес столицу в Конью. Так кроме Великого Сельджукского султаната в Анатолии образовалось еще одно тюркское государство.

Сельджукиды Рума никогда не ставили перед собой задачи сокрушить Византию. Их политическим идеалом было сохранение в Анатолии дуализма, и они четко различали исламские владения (Дар аль-ислам) и христианские земли (Дар аль-харб), которым надлежало оставаться под властью византийского императора. Главным своим противником они считали султанов Великих Сельджуков. Поэтому, когда завоевания сельджуков встретили противодействие со стороны энергичного византийского императора Алексея Комнина (1081–1118), сумевшего вернуть Византии большую часть утраченных владений в Западной Анатолии, Сулайман охотно заключил с императором соглашение о мире, обратил свой взор на восток и попытался отобрать северную часть Сирии между Антиохией и Алеппо у Великих Сельджуков. Разразилась война между двумя родственными тюркскими государствами. В 1086 году Сулайман потерпел поражение от сельджукского военачальника Тутуша и был убит. Однако государство Сельджуков Рума просуществовало после этого еще 120 лет, пока не было окончательно уничтожено монголами.

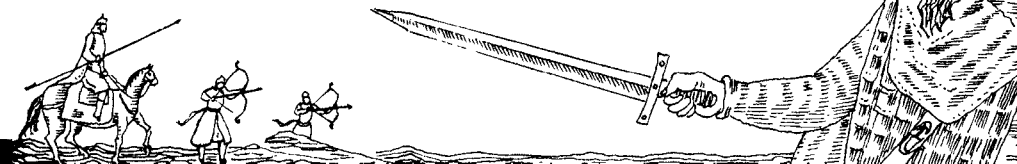
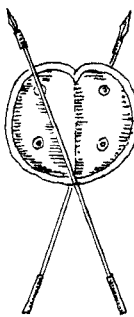
При Тогрыл-беке I, его племяннике Алп-Арслане и особенно при сыне Алп-Арслана — Малик-Шахе сельджукское государство достигло высшей политической мощи. Владения Великих Сельджуков включали огромную территорию от реки Амударьи и границ Индии на востоке и до Северной Сирии на западе. Малик-Шах сделал своей столицей Исфахан. Он держал здесь подобающий правителю великого государ-

ства пышный двор, установил строгий церемониал и ввел придворные должности. Сельджукская верхушка довольно быстро восприняла образ жизни образованной части находящегося под ее господством арабо-иранского общества. Эта культурная ассимиляция нашла свое выражение в самом имени третьего сельджукского султана. В отличие от своих двух предшественников, он не пожелал носить тюркское имя, но принял имя «Малик-Шах» — комбинацию из арабского слова «малик» и иранского «шах» для обозначения «царя».

Нуждаясь в опытных чиновниках, сельджукские завоеватели, так же как и их предшественники арабские завоеватели в прошлом, привлекали на государственную службу образованных людей из иранской интеллигенции. Самой яркой фигурой среди чиновничьей знати был знаменитый вазир султанов Алп-Арслана и Малик-Шаха — Абу Али аль-Хасан ат-Туси, известный под именем Низам аль-Мульк (умер в 1092 году). Низам аль-Мульк стремился к созданию централизованного государства, образцом которого считал государства Аббасидов, Саманидов и Газневидов в пору их расцвета. Свои политические взгляды он изложил в сочинении «Книга о правлении» («Сийасет-наме»), где рекомендовал султанам иметь большое войско, пригодное для подавления мятежей непокорных эмиров в провинциях и феодальных смут. Особую вражду он испытывал к шиитам-исмаилитам и к противостоявшему сельджукам Фатимидскому государству.

Столь быстрые успехи Сельджукидов в завоеваниях в известной степени были связаны с их последовательной поддержкой суннизма. Они всячески обласкивали суннитское духовенство и дервишских шейхов. Для укрепления традиционной исламской идеологии Низам аль-Мульк создал специальное учебное заведение — медресе, получившее по имени своего основателя наименование «Низамийя», в котором готовили теологов, способных защитить суннитскую доктрину. Позднее по образцу «Низамийя» стали создаваться аналогичные учебные заведения и в других областях исламского мира.

Изначально Сельджукиды рассматривали свою империю как собственность единой семьи, а не отдельных членов рода. На практике же со временем сельджукский режим обрел все более монархическо-абсолютистский характер, и гла-

ва всего тюркского клана превратился в единовластного султана, переняв у аббасидских халифов деспотические методы управления. Формально считая себя военачальниками Аббасидов, сельджукидские султаны захватили власть, которой беспрекословно должны были подчиняться все турки-завоеватели. В период сельджукских завоеваний такое единоначалие мотивировалось и оправдывалось общностью цели всех участников походов. Но по мере упрочения власти Великих Сельджуков центробежные тенденции в государстве стали усиливаться. Возникло противоречие между стремлением к централизации управления со стороны султана и исконной сельджукской традицией управлять государством всем кланом, а не при посредстве одного сильного правителя. Каждый член разросшейся сельджукидской династии считал себя вправе иметь в общем государстве собственный удел, на который бы лишь частично распространялась власть султана. С конца XI века сельджукская знать более не была заинтересована в сильной центральной власти и стала проявлять сепаратистские тенденции.

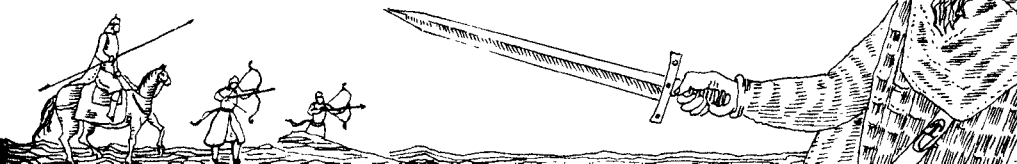
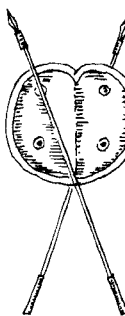
В последние десятилетия XI века в государстве Великих Сельджуков наблюдалось все большее ослабление авторитета центральной власти. Не подчинявшиеся никакой дисциплине члены династии и эмиры-военачальники, правившие в различных областях империи, выходили из повиновения султану. Хотя Низам аль-Мульк прилагал все старания, чтобы сохранить управление в своих руках, подчас действуя даже вопреки воле самого султана, чьим опекуном и воспитателем он был в прошлом, его усилий часто оказывалось недостаточно, чтобы сохранить единство государства. Все его попытки заменить федерацию членов рода централизованным абсолютизмом по образцу сасанидской модели терпели неудачу из-за слабости центральной администрации и недостатка материальных ресурсов. Экономически могущественные области исламского мира (Центральная Азия и Египет) находились за пределами сельджукской державы, а центральные области государства (Ирак и Сирия) испытывали большие экономические трудности.

Ослабление контроля Сельджукидов над Сирией имело своим последствием стремление больших и малых городов

страны к независимости, причем это движение обычно возглавлялось богатой городской аристократией, которая в таких больших городах, как Дамаск и Алеппо, не претендовала на формальную независимость от сельджукского султана, но готова была сотрудничать с ним через городских глав (райсов), имевших в своем распоряжении местную полицию (ахдас). Такого рода местное самоуправление сложилось в этих городах еще в X—XI веках и позволяло им пользоваться полной автономией.

Пережитком сельджукской концепции семейного суверенитета был обычай дарования вотчины в пограничных провинциях сыновьям и родственникам султана, получавшим титул «малик» (царь). Так, брат Малик-Шаха Тутуш считал себя вправе претендовать на особый удел, и, завоевав по приказу султана Центральную и Южную Сирию со столицей в Дамаске, он не только удержал эту область в своих руках, но даже назначил одного из своих приближенных по имени Артук правителем Иерусалима в качестве своего вассала. Бесильному Малик-Шаху ничего не оставалось, кроме как передать Тутушу захваченные земли в дар как вотчину. Позднее, после смерти Малик-Шаха, Тутуш даже пытался захватить власть в султанате, но потерпел поражение в 1095 году в сражении с войском султана Беркийярука (1094—1105). После смерти Тутуша в 1095 году его владения были поделены между его сыновьями — Ридваном, правившим в Алеппо, и Дукаком, правителем Дамаска. Они продолжали носить титулы «маликов» и, номинально оставаясь вассалами султана Великих Сельджуков, при слабых преемниках Малик-Шаха фактически обрели полную независимость.

Особую роль в судьбах провинций сельджукской империи играл специфический для сельджукского государства институт атабегов. Изначально сельджукские завоевания носили характер миграции на запад тюрков-огузов, но, когда завоевания были завершены, султан, будучи правителем обширной империи, ощутил необходимость в создании дисциплинированного, лично ему преданного войска, способного держать под контролем самих огузов. Войско это комплектовалось из рабов-мамлюков, привозимых из Центральной Азии. Пребывавших в язычестве тюрков обращали в ислам, обучали воен-

ному делу и, включив в придворную гвардию, предоставляли им свободу. Двигаясь по служебной военной лестнице, эти бывшие рабы могли достичь должностей эмиров, правителей в провинциях и высокопоставленных придворных. Должность атабега была для мамлюков одной из самых заманчивых. Слово «атабег» имело чисто тюркское происхождение. Оно происходило от соединения двух слов «ата» (отец) и «бег» или «бек» (военачальник). Атабегов на первых порах приставляли в качестве воспитателей-дядек и наставников к юным сельджукским принцам-наследникам. Если подопечный атабега получал вотчину или назначение наместником провинции, атабег становился его регентом и, по сути, обретал власть над его владениями.

Так, после смерти в 1104 году Дукака его бывший воспитатель (атабег) Тугтегин продолжал править Дамаском в качестве атабега его малолетнего сына, а после смерти ребенка он правил городом уже как независимый властелин до самой смерти в 1128 году. После смерти Тугтегина власть над Дамаском перешла в руки его сына — Бури, основавшего целую династию правителей города — Буридов (1104–1146). Брат Дукака Ридван властвовал в Алеппо и Химсе, но, когда в 1097 году он рассорился со своим атабегом Джанахом ад-Даула, тот захватил Химс и стал независимым правителем этого города.

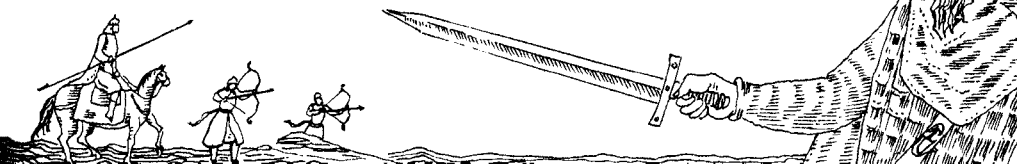
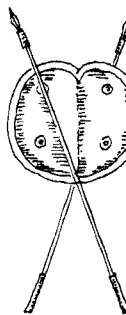
Не менее успешно боролись за независимость и те сирийские города, которые находились под властью Фатимидов. Так, в 1070 году добились независимости Тир и Триполи, правителями которых стали шиитские кади, а позднее власть над Триполи захватили шейхи бедуинского племени бану аммар. В результате ко времени начала Крестовых походов Сирия представляла собой калейдоскоп мелких владений городских правителей, эмиров-военачальников и бедуинских шейхов, находившихся в состоянии непрерывных конфликтов друг с другом.

Города Ирака, судя по сообщению арабских средневековых географов, в это время находились в лучшем положении. Багдад, Куфа, Басра, Васит оставались густонаселенными центрами с развитым ремеслом и торговлей. Междоусобица в державе Сельджукидов, наступившая в 1092 году после

смерти Малик-Шаха, позволила аббасидским халифам до некоторой степени восстановить в Ираке свою власть. Когда в 1157 году очередной сельджукский султан Мухаммад II (1153–1160), правивший в Западном Иране, вторгся в Ирак и осадил Багдад, преданное халифу войско сумело пресечь все его попытки взять город. После этого события утраченный было авторитет Аббасидов настолько вырос, что борющиеся с крестоносцами правители сирийских княжеств стали обращаться за помощью к халифу аль-Муктафи (1136–1160). А в Египте падение Фатимидского халифата и провозглашение в 1171 году в Каире султаном Салах ад-Дина с последовавшим восстановлением суннитского ислама привели к возобновлению поминания имени аббасидского халифа аль-Мустансира (1170–1180) во время молитвы.

Укрепление в Багдаде власти Аббасидов благотворно сказалось на развитии арабской культуры в столице и в других городах Ирака. В конце XI и начале XII века, в канун монгольского нашествия, Багдад славился своими школами и библиотеками. Халиф аль-Мустансир в 1232 году основал в Багдаде знаменитое медресе «аль-Мустансария», подобное «Низамийе» Низам аль-Мулька, по его же приказу была сооружена «Мечеть халифов».

Ослабление государства Сельджукидов способствовало политическому возрождению и некоторых восточных провинций империи, в частности Хорезма. Расположенный на нижнем течении Амударьи, Хорезм представлял собой богатую сельскохозяйственную область с прекрасным источником воды и искусственным орошением. Окруженный степями и полупустынями, отделявшими его от окружающего мира, Хорезм сохранил независимость, несмотря на неоднократные попытки вторжения различных завоевателей. Еще в 712 году Хорезм оказался вовлеченным в события исламской истории, когда туда вторгся наместник Хорасана Кутайба ибн Муслим. В 995 году местный род Мамунидов присвоил себе традиционный иранский титул хорезмшахов. Хорезмшахи были по происхождению тюрками, но, восприняв ислам, приобщились к арабо-иранской культуре. Формально Хорезм находился под властью Саманидов, хотя жил самостоятельной жизнью. В 1017 году Махмуд Газневи присоединил

его, как и многие другие области Саманидов, к своей империи, а в 1041 году Хорезм, опять же формально, перешел под власть Сельджукидов.

Расцвет государства хорезмшахов пришелся на последние десятилетия XII и начало XIII века. В 1172 году хорезмшах Текиш (1172–1200), а после него хорезмшах Мухаммад (1200–1220) сумели значительно расширить пределы своих владений и добились власти над Западным Ираном, Мавераннахром с городами Самарканд и Бухара, Афганистаном и районами Закавказья. Таким образом, в их руках оказались весь Иран и Средняя Азия от Индии до Анатолии.

В своих попытках расширить границы государства на запад хорезмшахи неизбежно должны были столкнуться с противодействием Аббасидов, незадолго до этого, при халифе аль-Муктафи, сумевших выстоять перед лицом сельджукской угрозы. Халиф ан-Насир (1180–1225), в свою очередь, старался расширить владения Халифата на восток и включить в них еще и Хузистан. Хорезмшах Мухаммад отказывался признавать ан-Насира имамом-халифом и провозгласил таковым одного из Алидов, родом из Термеза. В 1217 году он двинул против ан-Насира войско, но, как сообщают источники, зимние холода заставили его возвратиться в Иран.

Через несколько лет, в 1220 году, в Мавераннахр вторглись монголы Чингисхана, и правление последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина прошло в тщетных попытках спасти державу от монгольского нашествия. С его смертью в 1231 году государству хорезмшахов был положен конец.

Глава 12

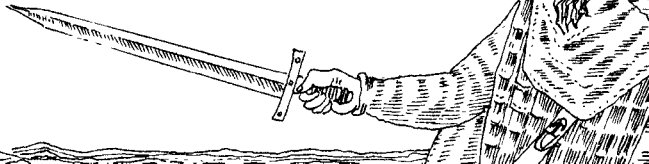
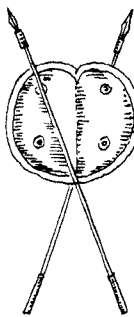
Крестовые походы и арабо-мусульманский Восток

В последние годы XI века на Халифат обрушились новые завоеватели, на этот раз пришедшие с северо-запада, — крестоносцы. Под общим наименованием «Крестовые походы» подразумеваются военно-колониционные вторжения европейцев в страны Ближнего Востока — Палестину, Сирию и Египет, происходившие с 1096 по 1270 год.

К началу Крестовых походов на Ближнем Востоке действовали три соперничавшие между собой силы: султанат Великих Сельджукидов, султанат Сельджуков Рума в Анатолии и военный вазират в Египте, который управлял страной от имени утратившего власть фатимидского халифа. Между ними находилась Сирия, которую, казалось, легко было завоевать благодаря нестабильной политической ситуации. Когда весной 1097 года крестоносцы вторглись в Сирию, она была раздроблена на отдельные города и области, находившиеся под управлением недалёковидных, лишенных политического опыта, часто хищных и безответственных эмиров, которые не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления пришельцам. За этими мелкими правителями стояли две крупные державы: Великий Сельджукский султанат и фатимидский Египет, находившиеся в состоянии упадка и неспособные оказать Сирии сколько-нибудь существенную помощь. Каждая из противостоявших друг другу сил имела в Сирии своих союзников-клиентов среди плохо управляемых и часто бесчинствовавших бедуинских племен, но контролировать положение в стране фактически не могла. К тому же раздираемый внутренними противоречиями фатимидский Египет к этому времени в значительной степени утратил к Сирии интерес.

Первым крупным городом, захваченным крестоносцами на пути в Сирию, была Эдесса, в которой один из руководителей похода Балдуин весной 1097 года основал графство Эдесса. В том же году, продвигаясь далее, крестоносцы постепенно овладели большей частью раздираемых внутренними смутами и междоусобицей Палестины и Сирии. Не только христиане, но и многие мусульманские сектанты ненавидели сельджукских правителей больше, чем «франков», и охотно сотрудничали с крестоносцами. Египетские Фатимиды также готовы были прийти к соглашению с «франками», так как считали их менее опасными соперниками, чем сельджуков.

Однако многие сирийские города оказывали вторгшемуся войску упорное сопротивление. Так, крестоносцы в течение года осаждали Антиохию, и захватить этот город-крепость им удалось только благодаря измене начальни-

ка гарнизона; при этом взятие Антиохии сопровождалось страшным мусульманским погромом. В результате возникло второе владение крестоносцев — княжество Антиохия во главе с Боэмундом Тарентским.

Только весной 1099 года крестоносцы после ожесточенного штурма сумели овладеть Иерусалимом и изгнать из города фатимидский гарнизон, состоявший из арабов и суданцев. За этим последовала страшная резня, в которой погибло множество мусульман и евреев. Крестоносцы не щадили ни женщин, ни детей. Их фанатизм и жестокость были вновь для исламского Востока, где в это время сравнительно мирно уживались различные конфессии. Эти события произвели на современников большое впечатление. Арабский историк Ибн аль-Асир (1160–1234) описывает прибытие первых беженцев из Иерусалима в Багдад и их страшные рассказы о судьбе горожан.

Так возникло Иерусалимское королевство во главе с Готфридом Бульонским, включавшее Палестину и южную часть Сирии. От него формально зависели три вассальные государства: княжество Антиохия, графство Эдесса и возникшее позднее графство Триполи во главе с Раймундом Тулузским.

К 1124 году в руках крестоносцев оказалось все побережье Палестины и Сирии. Особенно далеко в глубь сирийско-палестинской территории они не проникали, снабжение их войска шло морем через средиземноморские порты. Алеппо, Хама, Химс и Дамаск оставались в руках мусульман, причем между их правителями, мелкими эмирами, шли непрерывные распри.

Исламский мир откликнулся на вторжение крестоносцев далеко не сразу. Жители Сирии и Палестины не понимали, для чего на их земли пришли завоеватели, считали их союзниками византийцев и именовали «франками», а иногда и просто «румийцами», то есть считали их одной из вспомогательных частей императорской армии. Тюркские князьки Сирии готовы были вступить с ними в политические игры, как они это делали в прошлом с византийскими императорами, а правители Алеппо и Дамаска заключали с пришельцами различные соглашения.

Иную позицию по отношению к крестоносцам и сирийским эмирам заняли исмаилиты. Хаос в Сирии в канун Первого крестового похода и отсутствие стабильности в стране после образования франкских государств благоприятствовали исмаилитской пропаганде, и число их сторонников росло. При терпимом отношении и даже покровительстве Ридвана исмаилиты сделали Алеппо своей базой, а после смерти Ридвана в 1113 году, когда их деятельность в Алеппо была запрещена, — перебрались в Дамаск под покровительство эмира Тугтегина. Преемник Тугтегина — Бури — обрушился на исмаилитов с жестокими репрессиями, многие тысячи из них были убиты. Тогда они перебрались в недоступную горную область Джабаль Бахра в прибрежной гряде Северной Сирии и соорудили в горах крепость, откуда нападали на суннитских эмиров Сирии, а к крестоносцам большого интереса не проявляли. Особую неприязнь исмаилиты испытывали к правителям Мосула — суннитской династии Зангидов, ненавидевшей и жестоко преследовавшей шиитских экстремистов.

Пребывание крестоносцев на Ближнем Востоке привело к обогащению участвовавшего в походах европейского дворянского сословия: поселившись в захваченных городах и укрепив их мощными крепостями, несколько тысяч рыцарей захватили большие земельные владения, жителей которых они жестоко эксплуатировали, облагая высокими налогами. Купечество, в первую очередь итальянское, обосновалось на побережье в укрепленных городах, организованных по типу итальянских городов-коммун и пользовавшихся сходными с ними привилегиями. Генуэзцы и венецианцы главенствовали в торговле не только с Сирией и Палестиной, но и с другими странами Востока, оттеснив на второе место византийских и мусульманских купцов. Значительные земельные владения получило западное католическое духовенство. В Сирии и Палестине оседали европейские паломники из числа крестьян и горожан, равно как и авантюристы разных сортов, прибывавшие на Восток с целью обогащения. Обосновавшиеся в стране европейцы часто брали себе в жены местных христианок и принявших христианство мусульманок, усваивали местные обычаи и ассимилировались в культурном и языковом отношении. Местные жители — горожане в большом

числе переходили в христианство, в то время как сельское население, как правило, оставалось мусульманским и оказывалось в таком же положении, в каком некогда были проживавшие здесь немусульмане. В отличие от греко-византийского государства завоеванные крестоносцами земли получили наименование «Латинская империя».

Борьбу с крестоносцами на раннем этапе начали находившиеся на службе у сельджуков тюркские военачальники из рода Зангидов. В 1127 году султан назначил одного из своих тюркских эмиров, в прошлом охранника и наставника двух его сыновей (атабега) Имад ад-Дина Занги (1127–1147), правителем Мосула. Деятельный и предприимчивый Имад ад-Дин сумел не только прочно обосноваться в Мосуле, но и распространить свою власть на города Нисибин, Харран, а в 1128 году сумел захватить и Алеппо. В результате под его началом образовалось довольно большое княжество, охватывавшее значительную часть Месопотамии и Сирии. Поскольку Алеппо также вошло в его эмират, соперничество из-за этого важного города между соседними мелкими князьками прекратилось. Теперь перед Имад ад-Дином Занги встала задача установить контроль и над Дамаском, переходившим, как прежде Алеппо, из рук в руки. Таким образом, расширение владений Занги невольно вовлекло его в дела Сирии, Ирака и вообще владений Великого Сельджукского султана, чем он и был занят почти двадцать лет. Сами по себе взаимоотношения с крестоносцами занимали его во вторую очередь.

Первую попытку овладеть Дамаском, где в это время правила атабегская династия Буридов (1104–1146), Занги принял в 1130 году, когда пригласил эмира Бури принять участие в совместном джихаде против крестоносцев. Получив отказ, он удовольствовался тем, что предательским образом овладел Хамой, где у власти стоял один из сыновей Бури. В последующие четыре года он всецело был занят делами на востоке и на Дамаск не посягал.

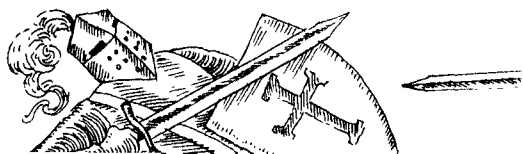
Через несколько лет ситуация в Дамаске вновь показала Занги благоприятной для осуществления его планов. В 1132 году Бури был убит одним из ассасинов, и его сын и преемник Исмаил, столкнувшись в городе со все возраста-

шей враждебностью жителей, запросил у Занги помощи. Но когда в 1135 году Занги прибыл с войском к стенам Дамаска, Исмаил по наущению собственной матери был убит, и место эмира занял его брат — Шихаб ад-Дин Махмуд. Атабег Махмуда Унур возглавил успешное сопротивление мосульскому войску, и только приказ халифа о возвращении Занги в Мосул дал возможность честолюбивому военачальнику сохранить лицо в проигранной кампании.

Однако неудача не поколебала Занги в его намерениях. В 1135 году он напал на Химс, находившийся под властью Буридов, но и на этот раз атабег Унур сумел отразить нападение. Занги удалось лишь захватить важную крепость крестоносцев Барин (франкский Монтферран), лежавшую на пути из Триполи в Хаму.

В 1138 году Занги овладел Химсом, женившись на вдове Бури и получив город в качестве приданого. В следующем году в результате дворцового заговора был убит правитель Дамаска Шихаб ад-Дин Махмуд, и Занги, побуждаемый женой, двинулся на Дамаск. Оборону города возглавил все тот же атабег Унур. Осада продолжалась полгода, и в конце концов Унуру пришлось обратиться за помощью к королю Иерусалимскому, после чего Занги уже в который раз вынужден был отступить и вернуться в Мосул. Ему удалось лишь захватить город Балабакк в плодородной долине Бекаа. Правителем города Занги назначил одного из своих курдских помощников — Наджм ад-Дина Аййуба, и с этого времени началось возвышение династии Аййубидов, призванной сыграть в истории Ближнего Востока важную роль.

Как мы уже говорили, многие эмиры, правители мелких сирийских княжеств, часто, исходя из своих личных интересов, вступали в союзнические отношения с главами крестоносных государств. В свою очередь, враждовавшие между собой правители княжеств также охотно шли на различного рода соглашения с «неверными». Занги не составлял в этом отношении исключения. Он поддерживал хорошие, почти союзнические отношения с нормандскими правителями Антиохии против их общего врага — графства Триполи, которое, в свою очередь, было в союзе с Византией и иерусалимскими королями.

Политическим успехам Занги сильно поспособствовала смерть в 1144 году его заклятого врага, правителя Хисн Кайфы (города на Тигре к северу от Мосула), потомка вождя огузского племени догер Артука — Давуда ибн Сокмана, сын которого Кара-Арслан вел переговоры с герцогом Эдессы, добываясь его помощи в своих завоевательных планах. Воспользовавшись тем, что герцог со своей армией покинул город и двинулся для поддержки Кара-Арслана на запад, Занги в 1144 году захватил Эдессу. Это была первая победа мусульман над франками, и Занги сразу же обрел репутацию борца за ислам. Формальное признание его заслуг выразилось в том, что халиф пожаловал ему титул «зайн аль-ислам» («украшение ислама») и «насир амир аль-муминин» («помощник эмира правверных»).

В 1146 году Занги был убит франкским рабом, а его владения — поделены между его старшим сыном Сайф ад-Дином Гази I (1146–1149), получившим Мосул и Джазиру, и младшим Нур ад-Дином (1146–1174), который обосновался в Алеппо. Теперь Нур ад-Дин имел возможность сосредоточить все свое внимание на Сирии и войне с франками, чего не мог сделать его отец, которого постоянно отвлекали дела на востоке. Вместе с тем с утратой Мосула Нур ад-Дин, в отличие от Занги, более не мог извлекать доход из восточных провинций, что сократило его военные и экономические ресурсы.

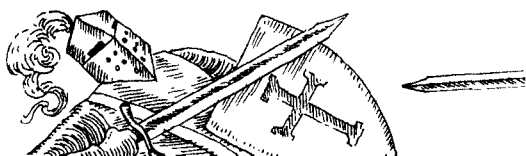
Армия Нур ад-Дина по своей структуре мало чем отличалась от войска Занги, а позднее — от войска Саладина. Некоторыми чертами она напоминала армии феодальной Европы. Она представляла собой ополчение из отрядов, ежегодно создававшихся заново на время летней кампании и распускавшихся в зимнее время. Ударной ее частью были «аскары» — более или менее постоянные кавалерийские части, личная охрана правителя, состоявшая как из свободных воинов, так и мамлюков. Тюркский мамлюкский элемент в этих отрядах уравнивался рекрутировавшимися курдскими воинами. Были также арабские и туркменские части, игравшие вспомогательную роль.

К концу своего правления Нур ад-Дин имел три тысячи воинов в своей «аскарии». Когда он готовился к походу, его

армия увеличивалась за счет ополчений провинциальных правителей. Например, дядя Саладина Асад ад-Дин Ширкух, курдский правитель города Химса, имел пятьсот аскаров, присоединявшихся к армии Нур ад-Дина по первому его требованию. Эмиры содержали своих аскаров за счет доходов с поместий (икта). Полевая армия могла получать пополнение также за счет «аджнад» — второстепенных кавалерийских отрядов, рекрутировавшихся в каждом городе из местной милиции, вооруженных пиками и мечами, в отличие от аскаров, вооруженных луками. Пехота играла лишь вспомогательную роль во время осады городов, когда нужны были умельцы, чтобы оперировать осадными машинами, подводить мины к укреплениям и бросать зажигательные снаряды, так называемый «греческий огонь».

В первое время власть Нур ад-Дина над бывшими владениями Занги в Сирии была под угрозой. Побуждаемые христианами Эдессы, крестоносцы попытались отбить город обратно. Однако Нур ад-Дин нанес поражение франкскому войску. Его военные действия сопровождались жестокими погромами, во время которых были убиты тысячи людей. Воспользовавшись занятостью Нур ад-Дина в войне из-за Эдессы, правитель Дамаска Унур попытался вернуть под свою власть центральные районы Сирии и заставить Наджм ад-Дина Аййуба покинуть Балабакк. Однако возникший конфликт в 1147 году разрешился примирением и был закреплён династийным браком.

Захват Нур ад-Дином важнейшего крестоносного княжества Эдессы поверг в уныние правителей христианских государств Палестины и Сирии. Иерусалимский король обратился к папе с просьбой призвать на помощь против мусульман новых рыцарей из Европы. Во главе Второго крестового похода (1147–1149) стали французский король Людовик VII и германский император Конрад III. В 1148 году в Иерусалиме собрание крестоносных князей прибывшего войска приняло решение напасть на Дамаск. Это была нелепая акция, продиктованная желанием заполучить богатые трофеи. К этому времени Иерусалим и Дамаск мирно сосуществовали, а с 1139 года, когда Занги стал угрожать правителю Дамаска Унуру, даже установили союзные отношения. Угроза со

стороны крестоносцев вынудила Унура обратиться за помощью к Нур ад-Дину, и крестоносцам пришлось, с приближением войска Нур ад-Дина, снять осаду города, а вожди крестоносцев Людовик VII и Конрад III, потеряв большую часть своей армии, бесславно вернулись в Европу.

Неудачный Крестовый поход выявил значение Дамаска в качестве ключевого города, обладание которым давало возможность держать под контролем большую часть Сирии. В 1149 году армия Нур ад-Дина, усиленная пришедшим ему на помощь отрядом из Дамаска, одержала победу при Инабе — крепости, входившей в состав княжества Антиохия. Правитель Антиохии Раймонд из Пуатье был убит в сражении. Захватив его владения, Нур ад-Дин символически искупался в Средиземном море. Отныне новый борец за дело ислама угрожал самому существованию франкских приморских государств. Правда, в 1143 году франки сумели одержать несколько побед, в частности, король Балдуин III захватил важный город на подступах к Египту — Аскалон, но это уже не могло сыграть существенной роли и лишь привело к тому, что Дамаск оказался между двумя борющимися силами: крестоносцами и армией Нур ад-Дина. Жители Дамаска не без основания боялись крестоносцев и предпочитали, чтобы город оказался в руках Нур ад-Дина. Судьба Дамаска решилась после смерти Унура в 1149 году. Последний правитель города Муджир ад-Дин Увак пытался на протяжении пяти лет сохранить власть над городом, несмотря на недовольство жителей. Однако в 1154 году армия Нур ад-Дина осадила город, и через несколько месяцев Нур ад-Дин овладел Дамаском.

Таким образом, Нур ад-Дин объединил под своей властью всю находившуюся в руках мусульман Сирию, и его престиж в исламском мире неизмеримо возрос. Он снискал себе славу почти идеального правителя и борца за дело ислама. И в Дамаске, и в Алеппо он всячески способствовал процветанию богословия, создавал религиозные школы, ремонтировал мечети, пострадавшие во время войн, и опекал суфийские братства.

После взятия Эдессы халиф аль-Муктафи присвоил Нур ад-Дину титул «аль-малик аль-мансур» («победоносный царь»). Обычно именуемый всего лишь эмиром, как лицо, со-

стоявшее в подчинении сельджукскому султану, Нур ад-Дин стал также именоваться «аль-малик аль-адил» («справедливый царь»). Использование титула «малик» («царь») прежде было исключительной прерогативой сельджукских правителей, но теперь этот титул получил широкое распространение среди провинциальных правителей. Позднее его стали употреблять члены династии Аййубидов и мамлюкские султаны.

В период правления Нур ад-Дина прежние сирийские городские институты пришли в упадок. Имевший в прошлом гражданскую и военную власть глава городской администрации раис, опиравшийся на «ахдас» (городскую милицию), уступил место начальнику полиции («сахиб аш-шурта») с ограниченными полномочиями. Право посещать правителя с жалобой на действия администрации было древнейшим обычаем в исламских странах. Нур ад-Дин возродил этот обычай и создал сперва в Алеппо, а затем и в Дамаске «Дворцы справедливости» («Дар аль-адл»), куда он отправлялся два раза в неделю и где заседал вместе с мусульманскими юристами и судьями, творя суд в соответствии с законами шариата.

Захват Балдуином III в 1143 году Аскалона ознаменовал поворот политики крестоносцев в сторону Египта. Попытки прибрать к рукам эту богатейшую провинцию Средиземноморья после смерти Балдуина III в 1163 году продолжил его брат и преемник, правитель Яффы и Аскалона Амальрик I (1163–1174). Опасавшиеся дальнейшего продвижения завоевателей в глубь страны, ослабевшие фатимидские правители обязались выплачивать крестоносцам дань.

В середине XII века Фатимидское государство переживало кризис, равного которому не было на протяжении всей его истории. Фатимидский халиф утратил не только авторитет, но и вообще какую-либо реальную власть в государстве, которое оказалось всецело в руках вазиров, сменявших друг друга в результате придворных заговоров и даже прямых убийств. Последний совершеннолетний халиф аль-Хафиз умер в 1149 году, его преемниками последовательно были аз-Зафир (1149–1154), которому в момент вступления на престол было шестнадцать лет, четырехлетний аль-Фаиз (1154–1160) и девятилетний аль-Адил (1160–1171).

В 1149 году вазират захватил правитель Александрии курд Ибн ас-Салар, который через четыре года был убит своим пасынком Аббасом, занявшим пост вазира. Сын Аббаса убил халифа аз-Зафира и возвел на престол аль-Фаиза, но и сам был убит в результате заговора других претендентов на пост вазира, а в 1161 году его участь разделил и новый, сменивший его вазир. Такая неустойчивость политической власти сделала падение фатимидского режима неизбежным. В 1163 году правитель Верхнего Египта Шавар прибыл со своими сторонниками в Каир, сверг очередного вазира, но через несколько месяцев и сам был свергнут и бежал в Сирию, чтобы просить помощи у формально находившегося на службе у Сельджукидов Нур ад-Дина. Это была уже прямая государственная измена.

Воспользовавшись междоусобицей в Египте, новый иерусалимский король Амальрик I в 1163 году вторгся в страну и подошел к Каиру. Однако защитники города разрушили плотину и затопили значительную часть Нижнего Египта, что вынудило войско франков отступить.

Арабские источники утверждают, что Нур ад-Дин сперва не собирался вмешиваться в египетские дела. Он воздерживался от каких-либо враждебных действий против франкских королей, придерживался перемирия, заключенного с Балдуином III, и даже продолжал выплачивать королю дань, как это делали его предшественники в Дамаске. Однако вторжение Амальрика в Египет заставило его действовать более активно. Побуждаемый своим честолюбивым вассалом курдом Ширкухом, рассчитывавшим стать правителем завоеванной области, Нур ад-Дин решил ответить на просьбу Шавара и в 1164 году отправил в Египет отряд во главе с Ширкухом, которого сопровождал его племянник, впоследствии знаменитый Салах ад-Дин аль-Аййуб (в европейской транскрипции Саладин).

Эмир Ширкух изгнал из Египта франков, вступил в Каир и был восторженно встречен жителями города, а Шавар — восстановлен в должности вазира. С франками Ширкух заключил перемирие на условии вывода войск из страны обеими сторонами. Вскоре это перемирие было нарушено Амальриком, и Ширкух оказался вынужденным вновь ввести в Каир

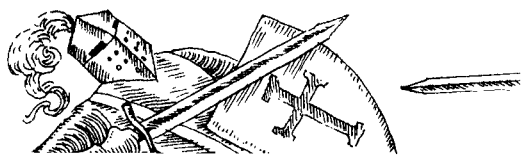
свою армию. Опасаясь, что его власть будет ограничена курдским военачальником, и желая избежать уплаты обещанного Нур ад-Дину за помощь налога, Шавар затеял двойную игру, стараясь не терять связи с обеими враждующими сторонами.

Между тем, побуждаемый своим рыцарским окружением, Амальрик в 1167 году снова предпринял поход в Египет, чтобы окончательно овладеть страной. Шавар попытался вступить с франками в переговоры, но последний фатимидский халиф, молодой аль-Адид, настоял на том, чтобы действовать более решительно. Он вновь обратился за помощью к Нур ад-Дину и Ширкуху. В это время вторгнувшаяся в страну армия франков подошла к селению Бильбайс, расположенному в непосредственной близости от Каира, и после трехдневной осады им овладела. Учинив в селении страшный погром, во время которого погибло множество мусульман и христиан-коптов, франки двинулись на Каир. Однако подоспевший с войском Ширкух сумел отбросить потрепанное и обескровленное за время боев войско Амальрика. Аль-Адид, не забывший об изменническом поведении Шавара, воспользовался моментом и приказал схватить его и казнить. Ширкух был назначен вазиром, но уже через несколько недель неожиданно умер, и вазират вкупе с почетными званиями «султан» и «аль-малик ан-насир», которые обычно давались фатимидским вазирам, перешел к его племяннику Салах ад-Дину (Саладину).

Глава 13

Египет под властью Аййубидов (1169–1252 годы)

С прибытием в Египет Ширкуха и Саладина на историческую арену вышла новая курдская династия Аййубидов, которой суждено было сыграть в борьбе с крестоносцами решающую роль. Дед Саладина Шази и его два сына Наджм ад-Дин Аййуб и Асад ад-Дин Ширкух — уроженцы горного района близ Двина в Армении — в свое время перебрались в Ирак, где Шази поступил на службу к местному сельджукскому правителю Бихрузу и был назначен комендантом кре-

пости Тикрит на Тигре. Сын Шази, родоначальник и эпо- ним династии, Наджм ад-Дин Аййуб унаследовал этот пост, а позднее перешел на службу к правителю Мосула Занги. После победного похода в Египет сын Аййуба Саладин сумел преодолеть конкуренцию других претендовавших на вазират военачальников, с помощью «аскаров» Асада ад-Дина Ширкуха справиться со своими соперниками из тюркской кавалерии, находившейся на службе у сына Занги, Нур ад-Дина ибн Занги, и занять высокий пост при фатимидском султানে.

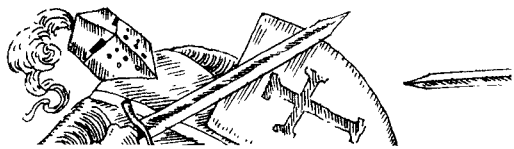
Сначала казалось, что Саладин не сумеет удерживать вазират в своих руках сколько-нибудь продолжительное время. Его положение при Фатимидах было весьма двусмысленным. Он командовал вторгнувшимися в страну экспедиционными силами и формально находился на службе у Нур ад-Дина. К тому же подобно своему господину он был суннитом, получившим законную власть по воле аббасидского халифа. В то же самое время он получил пост вазира, то есть гражданскую и военную власть в стране, из рук исмаилитского фатимидского халифа аль-Адида. При этом Саладин не располагал реальным войском, поскольку фатимидские вооруженные силы, состоявшие из 40 тысяч всадников и 30 тысяч чернокожих солдат суданской пехоты, ему не подчинялись, и он мог рассчитывать лишь на небольшой сирийский отряд, состоявший из двух тысяч солдат «нурия» (то есть аскаров Нур ад-Дина), шести тысяч солдат начальника кавалерии аль-Йаруки, который не очень-то был склонен ему подчиняться, и небольшого отряда «асадия», принадлежавшего прежде Ширкуху. Часть тюркских войск ушла обратно в Сирию, а некоторые тюркские военачальники открыто выказывали Саладину неповиновение.

Чтобы как-то скомпенсировать утрату части армии, Саладин стал создавать отряды собственных аскаров под именем «салахия» (по его имени Салах ад-Дин), для содержания которых вынужден был конфисковать угодья египетских эмиров и раздать их в качестве икта своим военачальникам. Это вызвало недовольство главарей чернокожего войска. В 1169 году их отряды взбунтовались, но бунт был жестоко подавлен Саладином, а оставшаяся часть войска ушла в Верхний Египет.

Между тем Нур ад-Дин со страхом наблюдал за возвышением Саладина. Поддерживаемый своими братьями, среди которых главной фигурой был Шамс ад-Дин Туран-Шах, Саладин явно стремился превратить Египет в семейную вотчину. Нур ад-Дин рано распознал амбициозные планы своего вассала и не доверял ему. Чтобы ослабить позиции Саладина в Египте, он отозвал в Сирию свою гвардию «нурия», принимавшую участие в походе Ширкуха, а также конфисковал сирийские икта Ширкуха и Саладина, чем лишил последнего средств, необходимых для содержания отрядов «асадия» и «салахия». А чтобы вести наблюдение над своим вассалом, Нур ад-Дин отправил в Египет отца Саладина, главу всего рода Аййубидов, преданного ему Наджм ад-Дина Аййуба, который выдвинулся на службе у Нур ад-Дина и испытывал к своему сюзерену особое уважение. Наджм ад-Дин сумел предотвратить окончательный разрыв между Нур ад-Дином и его бывшим подчиненным, но процесс постепенного превращения Египта в вотчину Аййубидов продолжался. Саладин пожаловал отцу в качестве икта доходы с больших портов Александрия и Дамietta, а также провинции Бухайра к западу от Дельты, а своему брату Шамс ад-Дину Туран-Шаху — беспокойный район Верхнего Египта.

С уничтожением чернокожего войска Фатимиды утратили свою главную военную опору, и конец власти их династии был предreshен. Выразилось это еще и в том, что под давлением Нур ад-Дина поминание в хутбе имени фатимидского халифа было заменено поминанием имени очередного халифа Аббасидов. Осенью 1171 года умер последний фатимидский халиф аль-Адил, и в хутбе прозвучало имя аббасидского халифа аль-Мустади (1170–1180). Ранее утративший роль религиозного исмаилитского центра, с этого времени Фатимидский халифат прекратил свое существование и в качестве политической силы. Египет возвратился в лоно традиционного суннизма, и в стране установилась власть новой династии — Аййубидов (1169–1252).

Ликвидация Фатимидского халифата устранила двусмысленность в положении Саладина. Теперь он оказался правителем Египта в качестве ставленника своего тюркского суннитского господина Нур ад-Дина. В это же время Саладин

формально был назначен правителем Египта и Сирии самим аббасидским халифом, который в знак милостивого к Саладину отношения отправил ему в дар почетную одежду. Но и Нур ад-Дин всячески стремился укрепить свои позиции. В 1170 году умер его брат, правитель Мосула, что дало ему повод прибыть в город и назначить его правителем своего племянника и вассала Сайф ад-Дина Гази II (1169–1176). Теперь владения Нур ад-Дина еще более расширились, но вместе с этим возросло и взаимное недоверие между ним и Саладином, явно действовавшим в своих личных интересах.

Однако формально Саладин все еще оставался вассалом Нур ад-Дина, и поэтому сразу же после ликвидации власти Фатимидов в Египте Нур ад-Дин распорядился о совместном с правителем Египта походе против франкских крепостей аль-Карак и аш-Шаубак в Трансиордании. Саладин принял участие в этом походе неохотно и действовал несогласованно со своим военным союзником, а затем, сославшись на возникшую для его владений угрозу, он неожиданно увел свое войско обратно в Египет. Видимо, он опасался, что со взятием союзниками этих крепостей исчезнет буферная территория, отделявшая его владения от владений его господина, а тесное сотрудничество с Нур ад-Дином во время совместного похода приведет к ограничению его военной и политической независимости. Разумеется, его самовольные действия вызвали еще большую неприязнь со стороны Нур ад-Дина.

Недовольство Нур ад-Дина усугублялось еще и тем, что в его казну поступала лишь скромная часть собранных в Египте налогов. Он даже распорядился отправить в Египет одного из своих казначеев, чтобы тот произвел проверку доходов и определил размер причитавшейся ему дани. Одновременно Нур ад-Дин увеличивал размеры своего войска, понимая, по-видимому, что конфликт с Саладином неизбежен.

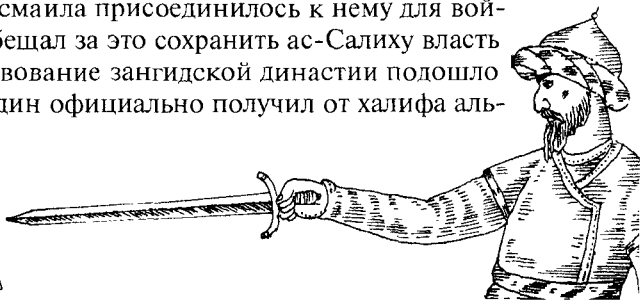
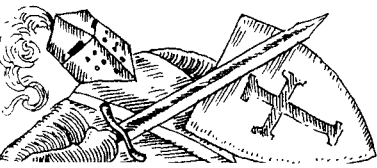
Но неожиданно произошло событие, изменившее всю расстановку сил на Ближнем Востоке. В 1174 году Нур ад-Дин умер в Дамаске, и вопрос об отправке армии в Египет отпал сам собой. В том же году в Иерусалиме умер франкский король Амальрик. Наследники умерших были еще малолетними: ас-Салиху Исмаилу было всего одиннадцать лет, а Балдуину IV — тринадцать. Восхождение на престол малолетних

наследников было делом опасным во все времена. Однако у франков было преимущество в виде общепризнанных форм престолонаследия. Регентство над Балдуином IV до его совершеннолетия взял на себя граф Раймонд Триполитанский, которого поддерживали местные бароны и духовенство.

Была, однако, и другая часть крестоносцев, более агрессивная, которую возглавляли Жосселен Куртенийский и безответственный Рейнальд Шатильонский. С 1160 по 1172 год они находились в плену у Нур ад-Дина, а после освобождения Рейнальд, удачно женившись, обрел власть над Трансиорданией и ее главными крепостями аль-Карак и аш-Шаубак, которые незадолго до своей смерти пытался захватить Нур ад-Дин.

Смерть Нур ад-Дина повлекла за собой раскол и в мусульманском лагере. В 1174 году владения его малолетнего сына ас-Салиха Исмаила захватил евнух Гюмюштегин, который поспешил перевезти наследника в Алеппо. Тем временем мосульский эмир Сайф ад-Дин Гази II захватил часть земель Нур ад-Дина за Евфратом. Иначе вел себя Саладин. Формально он продолжал оставаться вассалом ас-Салиха Исмаила, но деятельно готовился к тому, чтобы объединить владения Зангидов под своей властью. Существование франкского королевства не было для него препятствием на пути создания государства, которое объединяло бы Египет и части Сирии и Ирака, он лишь выжидал удобное для этого время. В последующие годы он, правда, предпринимал военные походы против франков, пока не заключил в 1185 году с Балдуином IV мир на четыре года.

Переход наследия Нур ад-Дина в руки Гюмюштегина заставил правителей Дамаска обратиться к Саладину за помощью. Первые попытки Саладина взять под контроль Алеппо встретили противодействие со стороны Гюмюштегина и Сайф ад-Дина Гази II, но Саладин сумел в 1175 году разбить их объединенное войско и осадил Алеппо. Видно, исключительно из политических соображений он потребовал, чтобы войско ас-Салиха Исмаила присоединилось к нему для войны с франками, и обещал за это сохранить ас-Салиху власть над Алеппо. Существование зангидской династии подошло к концу, когда Саладин официально получил от халифа аль-

Мустади (1170—1180) право на владение Египтом и сирийскими землями, исключая владения ас-Салиха в Алеппо и в прилегавшем к нему районе. Возвратившись в Дамаск, Саладин женился на вдове Нур ад-Дина (дочери Унура), как бы утвердив свое право быть законным преемником владений Зангидов и Буридов.

Распад сельджукского государства во второй половине XII века способствовал росту могущества аббасидского халифа, и при халифе ан-Насире (1180—1225) его влияние на положение дел в центральных областях Халифата стало более действенным. Поэтому, когда Саладин попытался прибрать к рукам Мосул и в 1182 году осадил город, власть в котором принадлежала брату Сайф ад-Дина Гази II — Изз ад-Дину Масуду (1176—1193), — он вынужден был снять осаду по требованию халифа, не желавшего узаконить его притязания. Вынужденный возвратиться в Сирию, Саладин компенсировал свою неудачу в 1183 году, заняв столицу Северной Сирии — Алеппо. Однако от своих планов он не отказался и в 1185 году возобновил наступление на Мосул. Ему не удалось взять город, но он сумел добиться символического признания своих претензий, поскольку его имя стало упоминаться в хутбе как имя правителя Мосула.

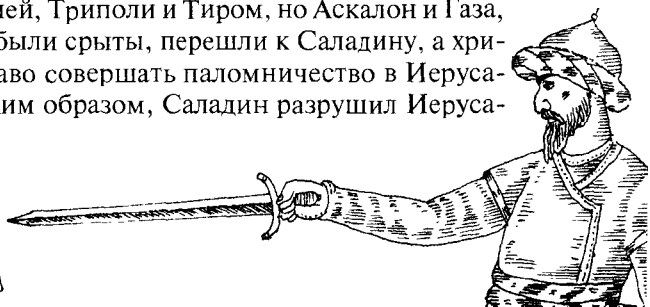
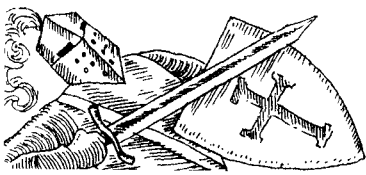
Между тем после смерти Амальрика I положение Иерусалимского королевства ухудшилось. Франкское государство страдало от сокращения притока свежей живой силы из Европы, хотя частично это компенсировалось помощью Византии. Но поражение, которое потерпел в 1176 году император Мануил I Комнин (1143—1180) от султана Сельджукидов Рума Кылыч-Арслана II (1156—1192) при Мириокефалоне, привело к тому, что франкское государство утратило своего последнего надежного союзника. В 1185 году король Балдуин IV умер, его преемником стал восьмилетний сын сестры короля Сибиллы — Балдуин V, который через год умер тоже. Сибилла стала королевой и короновала своего мужа Гюи Лузиньянского.

В последующих событиях роковую роль сыграл Рейнальд Шатильонский, владевший крепостью аль-Карак в Трансиордании. В 1183 году Рейнальд захватил на африканском побережье Красного моря порт, через который паломники из

Сирии и Египта обычно добирались до Джидды. При этом он утопил судно с паломниками и непосредственно стал угрожать священным исламским городам. В ответ Саладин двинул войско к Тивериадскому озеру, и знаменитое сражение при Хаттине в 1187 году решило судьбу крестоносных государств. Франки потерпели сокрушительное поражение, и в последующие недели Саладин занял Акру, Яффу, Сидон, Бейрут, Аскалон, а после непродолжительной осады на определенных условиях ему сдался и Иерусалим. В отличие от крестоносцев, которые ознаменовали взятие Иерусалима резней и насилиями, Саладин дал возможность франкам покинуть город, сохранил в целости церковь Гроба Господня и могилы всех франкских правителей от Готфрида Бульонского до Балдуина V. К концу 1187 года у франков оставался только город Тир и прилегающие к нему части побережья.

Поражение франков при Хаттине произвело большое впечатление как в мусульманском, так и в христианском мире. Оно вызвало новый взрыв религиозных чувств у европейских правителей. На этот раз во главе Третьего крестового похода встали император Фридрих I Барбаросса, король Франции Филипп II Август и английский король Ричард Львиное Сердце. Правда, уже в самом начале похода в 1190 году, еще до того, как армия крестоносцев достигла Сирии, Фридрих утонул в одной из горных рек. В 1191 году Филипп и Ричард достигли берегов Палестины и взяли Акру, которая отныне стала столицей франкского государства.

После взятия Акры король Филипп вернулся в Европу, а войско крестоносцев под водительством Ричарда отвоевало в 1191 году Яффу и сделало попытку пробиться через горы в Иерусалим, но остановилось в нескольких километрах от города. Местные бароны предостерегали Ричарда от штурма Иерусалима, предупреждая, что он может оказаться в ловушке. После долгих переговоров между Ричардом и Саладином в 1192 году было заключено перемирие на три года. Франки удержали в своих руках узкую полосу средиземноморского побережья с Антиохией, Триполи и Тиром, но Аскалон и Газа, хотя их укрепления были срыты, перешли к Саладину, а христиане получили право совершать паломничество в Иерусалим и Вифлеем. Таким образом, Саладин разрушил Иеруса-

лимское королевство и установил сухопутную связь между своими владениями в Египте и Сирии.

Победа Саладина укрепила его авторитет в мусульманском мире, отныне Египет стал главной базой ислама в Западном Средиземноморье. Саладин восстановил в Египте господство суннизма и включил Египет в ойкумену, возглавляемую аббасидским правителем в Багдаде. Его поддержка была особенно нужна в это время Аббасидам на фоне их борьбы за независимость от сельджуков. В результате деятельности Саладина Египет оказался открытым для социальных изменений и интеллектуального развития и стал одним из культурных лидеров на Ближнем Востоке. Ликвидировав огромную исмаилитскую библиотеку Фатимидов, Саладин учредил множество учебных заведений (медресе) — центров возрождавшегося суннизма, — а основанный исмаилитами аль-Азхар стал теперь цитаделью суннитской ортодоксии.

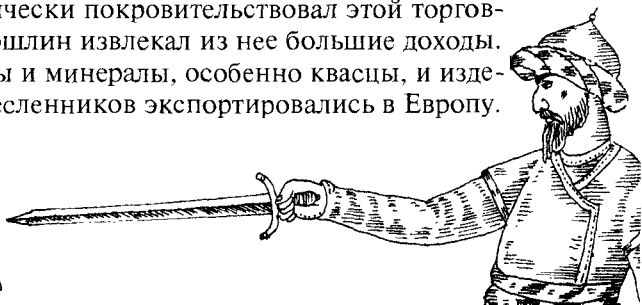
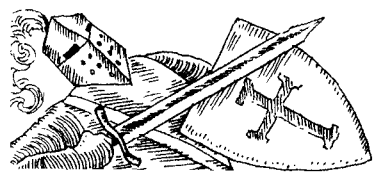
При Саладине в общих чертах сложилась политическая структура государства Аййубидов. Саладин унаследовал как государственные институты, восходившие к Великим Сельджукам и перешедшие к нему через Зангидов, так и местные традиции фатимидского Египта. Огромный двор со своей иерархией придворных и чиновников при нем исчез, ибо многие из них в начале вазирата Саладина находились к нему в оппозиции и теперь были смещены. Однако занимавшееся сбором налогов ведомство в основном сохранилось. Исмаилитская религиозная структура была уничтожена с момента восстановления в Египте суннизма, и с 1171 года главным судьей и его подчиненными стали суннитские юристы шафиитского мазхаба. Аййубиды восприняли характерную для Сельджукского султаната систему семейного управления, и, хотя Саладин прочно держал власть над всем государством в своих руках, некоторые области Египта и все города Сирии (Дамаск, Алеппо, Химс, Хама и другие) оставались автономными владениями, правителями которых были члены династии. Каждый городской правитель имел свою администрацию и казну.

Армия Саладина, как и его предшественников, состояла из тюрков, берберов, суданцев и других наемников, но не из египтян. Курд по происхождению, Саладин строил армию по

образцу войска сельджуков и атабегов, но модифицировал ее в соответствии с египетскими условиями и традициями Фатимидов. Сам Саладин прибыл в Египет с турецкими и туркменскими наемниками, состоявшими на службе в зангидской армии. Главной его опорой как в Египте, так и в Сирии была курдская и тюркская кавалерия, преобладавшая как при его преемниках, так и позднее, при мамлюках. Постоянные трения между тюрками и курдами создавали проблему, но завоевавший славу после победы при Хаттине Саладин прочно держал в своих руках пестрый контингент своего войска. При этом, однако, его армия, состоявшая из столь различных частей, была слабо организована, ее дисциплина полностью зависела от личности военачальника и условий, в которых она находилась. Сильной стороной аййубидской армии, как и армий других мусульманских династий этого времени, была тактика ведения войны. Исламская кавалерия с ее легким вооружением имела перевес над тяжеловооруженными франкскими рыцарскими ополчениями. Обычной тактикой мусульман было заманивание противника при помощи приговорного отступления с последующим окружением неприятеля из подготовленных засад. Ядро войска Саладина составляли его собственные аскары, которые первоначально состояли из солдат, отправленных с ним в Египет еще Нур ад-Дином, из аскаров Ширкуха («асадия») и из «салахия» — частей, которые Саладин сформировал, получив власть над Египтом.

Новая армия потребовала установления нового социально-экономического порядка. Она оплачивалась, как и при последних Фатмидах, посредством феодальных пожалований — икта. Эта система была введена сельджуками в Сирии, а Саладин ввел ее и в Египте, несколько преобразовав в соответствии с традициями страны.

В экономическом отношении аййубидский период в истории Египта считается временем относительного процветания. Итальянские, а позднее французские и каталонские купцы торговали в портах под государственным контролем, причем Саладин всячески покровительствовал этой торговле и при помощи пошлин извлекал из нее большие доходы. Египетские продукты и минералы, особенно квасцы, и изделия египетских ремесленников экспортировались в Европу.

Как и при Фатимидах, велась широкая транзитная торговля со странами Востока, причем в ней большую роль играла караимская гильдия купцов, установившая связь через Красное море и Индийский океан с Индией и странами Дальнего Востока, что было европейским купцам недоступно. Как и Фатимиды, Саладин взял под контроль Йемен, что обеспечивало безопасность торговли в Красном море.

Хотя при преемниках Саладина жесткое единовластие кончилось и провинции страны оказались под контролем князьков из числа его сыновей, племянников и двоюродных братьев, Египет оставался в основном централизованной провинцией. В Сирии аййубидские эмиры старались соблюдать семейную дружбу. Относительный мир и безопасность благоприятствовали торговле и земледелию, что приводило к росту государственных доходов. В культурном отношении аййубидский период также был весьма продуктивен. Под покровительством аййубидских эмиров Египет и Сирия стали центрами арабской учености и литературы.

О деятельности Саладина мусульманские средневековые историки судят по-разному. Выражая зангидскую точку зрения, некоторые хронисты считали его бессовестным и амбициозным авантюристом с манией величия. Так, выдающийся арабский историк Изз ад-Дин Ибн аль-Асир (1160–1233), живший в Мосуле, где в его время все еще правили потомки Занги, подробно, с историческими деталями, повествовал о возвышении Нур ад-Дина и всячески замалчивал роль Саладина. Напротив, секретарь Саладина Имад ад-Дин аль-Исфахани (1125–1201), составивший повествование о последних годах султана и многотомную хронику его жизни, говорил о нем как об истинном защитнике ислама, объединившем исламский мир для борьбы с крестоносцами.

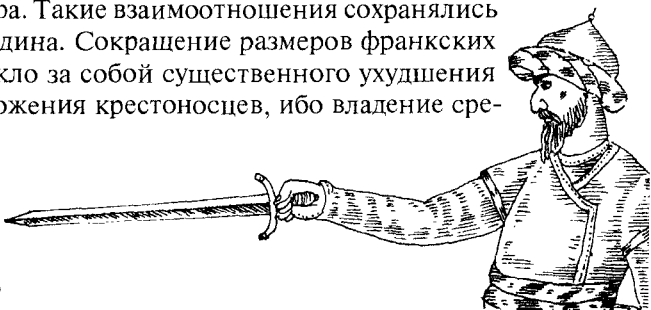
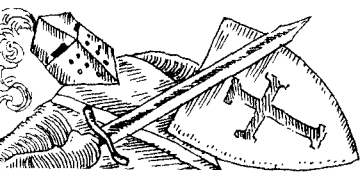
Заслуги Саладина перед исламским миром несомненны. Однако прославление его в трудах позднейших египетских историков было реакцией на сложившуюся после его смерти обстановку и имело назидательный характер. Эти труды писались, когда мамлюки отобрали Египет у Аййубидов, Людовик IX Святой после поражения в Египте восстанавливал укрепления франкских государств в Палестине и Сирии,

а Аййубиды и мамлюки готовы были возвратить крестоносцам то, что завоевал Саладин.

Саладин умер в 1198 году и перед смертью пожаловал отдельные части аййубидского султаната, включая города Сирии и Джазиры, членам своей семьи в качестве удельных владений. Собранные Саладином части единой империи стали управляться отдельными аййубидскими кланами. В этом отношении правление Аййубидов было подобно правлению Бувайхидов и Сельджуков до них. Тем не менее три аййубидских султана сохраняли во время своего правления относительно господство над другими аййубидскими эмирами. Это были брат Саладина аль-Адил I Сайф ад-Дин (1200–1218), сын аль-Адила — аль-Камил I Насир ад-Дин (1218–1238) и сын аль-Камила ас-Салих Наджм ад-Дин Аййуб (1240–1249). Все трое были способными и энергичными людьми, под их властью аййубидский султанат окреп. Однако еще при них, и особенно после них, между эмирами началась борьба за власть, причем некоторые из эмиров даже пытались в этой борьбе опереться на помощь крестоносцев.

В клановой борьбе, которая развернулась после смерти Саладина, важную роль играли часто менявшие своих покровителей аскары, главными из них были «асадия», военачальники которых управляли центральной провинцией Сирии Химсом, и «салахия». Правитель северных земель, связывавших Сирию с курдской родиной Аййубидов, аль-Адил сумел захватить Дамаск и, подчинив себе алеппского правителя, фактически возглавил все аййубидское государство. Подобно тому как Саладин распределил области империи между своими сыновьями, аль-Адил также попытался изменить политическую карту Сирии, доверив своим сыновьям распоряжаться отдельными ее областями.

До хаттинского сражения отношения Саладина с франками были обычными для соперничавших друг с другом соседей: не слишком дружелюбными, однако отмеченными не только военными столкновениями, но и эпизодами дипломатического характера. Такие взаимоотношения сохранялись и после смерти Саладина. Сокращение размеров франкских государств не повлекло за собой существенного ухудшения стратегического положения крестоносцев, ибо владение сре-

диземноморскими портами обеспечивало им военную помощь с моря и одновременно делало их важным посредником в сфере экономических отношений мусульманского Востока и стран Европы. Хотя после окончания Третьего крестового похода помощь латинским государствам со стороны европейских стран уменьшилась, крестоносцы в 1197 году сумели вернуть себе Сидон и Бейрут, тем самым еще более укрепив свои позиции на побережье.

Четвертый крестовый поход был организован венецианскими банкирами и купцами и, в сущности, обернулся против их главного торгового соперника — Константинополя; в 1204 году крестоносцы штурмом взяли и разграбили город. В том же году аль-Адил заключил с королем Амальриком II (1197–1205) формальное перемирие, по которому Лидя, Рамла и Назарет переходили в руки латинского государства. В это же время султан поддерживал широкие коммерческие отношения с итальянскими городами Венецией и Пизой.

Смерть аль-Адила совпала с критическим для судеб аййубидского султаната моментом. По инициативе папы Иннокентия III и сменившего его в 1216 году Гонория III в 1218 году было решено нанести удар по центру аййубидского государства. Крестоносцам, возглавляемым в Пятом крестовом походе папским легатом Паладиусом, удалось в 1219 году захватить Дамьетту. Аййубидский султан аль-Камил I предложил Паладиусу выгодные для крестоносцев условия мира. Им было обещано возвращение всех бывших владений крестоносцев к западу от Иордана в обмен на эвакуацию Дамьетты. Паладиус счел, что может добиться большего, и отказался от предложенных условий. Однако его попытка начать наступление из Дамьетты на Каир потерпела неудачу. Франки оказались отрезанными разливом Нила от Каира в районе аль-Мансуры, и от полного разгрома их спасла лишь истощенность войска противника. Было заключено перемирие, по которому крестоносцам было разрешено покинуть Египет.

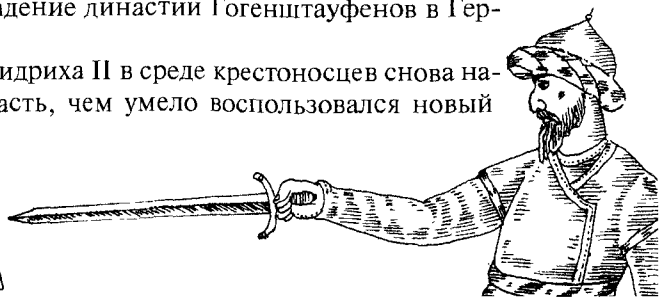
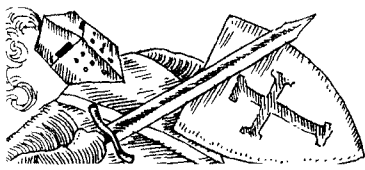
Между тем в исламском лагере продолжалась борьба различных аййубидских клик. В итоге султан аль-Камил I в союзе с правителем Джазиры эмиром аль-Ашрафом сумел преодолеть сопротивление всех других эмиров династии и поделить с союзниками власть в государстве. Совместное господство

аль-Камила и аль-Ашрафа над всеми владениями Аййубидов продолжалось до смерти аль-Ашрафа в 1237 году, после чего началась борьба за власть между аль-Камилем и сыном аль-Ашрафа — ас-Салихом.

Поражение Паладиуса не заставило европейских правителей отказаться от завоевательных планов на Востоке, и в 1225 году император Фридрих II Гогенштауфен (1215–1250) дал обет отправиться в новый, Шестой крестовый поход. Женившись на наследнице латинской короны, он стал королем Иерусалима по праву своей жены. Отлученный папой от церкви, он, действуя больше дипломатическим путем, чем военным, и используя противоречия между султаном Египта и эмиром Дамаска в спорах из-за Сирии, сумел добиться в 1226 году от аль-Камила обещания возвратить отнятые Саладином у крестоносцев земли, как это было в прошлом предложено Паладиусу. В это время аль-Камил остро нуждался в поддержке Фридриха против своих соперников в аййубидском государстве и надеялся таким путем предотвратить новый крестовый поход. Фридрих в ответ на обещание аль-Камила отправил послов в Каир и высадился с войском в Акре.

Аль-Камилу пришлось вести с Фридрихом долгие переговоры, прежде чем в Яффе в 1229 году было подписано соглашение, по которому Иерусалим возвращался Латинскому королевству, но с сохранением мусульманского анклава, включавшего знаменитую мечеть на Храмовой горе. Вифлеем и коридор, соединявший Иерусалим с Акрой на побережье, также сохранялся за христианами. Соглашение вызвало бурные протесты как среди христиан, поскольку часть города оставалась в руках мусульман, так и среди иерусалимских мусульман. В 1229 году, так и не получив религиозного благословения ни от папы, ни от латинского патриарха, Фридрих II надел корону в церкви Гроба Господня. Строго по закону он не являлся королем Иерусалима, ибо его жена умерла за год до его приезда в город и он был всего лишь регентом их общего сына Конрада. Затем он отплыл из Акры в Европу, дабы предотвратить падение династии Гогенштауфенов в Германии.

После отъезда Фридриха II в среде крестоносцев снова началась борьба за власть, чем умело воспользовался новый

аййубидский султан ас-Салих Аййуб — старший сын аль-Камила, лишенный отцом права наследовать трон и назначенный правителем Джазиры. Но после смерти аль-Камила ас-Салиху Аййубу удалось в 1240 году занять египетский престол. Во время правления в Джазире ас-Салих сумел привлечь к себе на службу отряд хорезмийцев, оказавшихся в его области в результате наступления с востока монголов. Это были воины последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина (1220–1231), которые рекрутировались из тюрок-кипчаков Центральной Азии. В 1244 году они под начальством состоящего на службе у ас-Салиха монгола Берке-хана вторглись в Сирию, захватили Иерусалим, где осквернили христианские святые места и могилы латинских королей, после чего присоединились к войску ас-Салиха в Газе и нанесли поражение союзной армии сирийских Аййубидов и франков. Их бесчинства показались ас-Салиху опасными для своей власти, и, овладев с их помощью в 1243 году Дамаском и добившись главенства во всей Сирии, он поспешил в 1246 году их истребить.

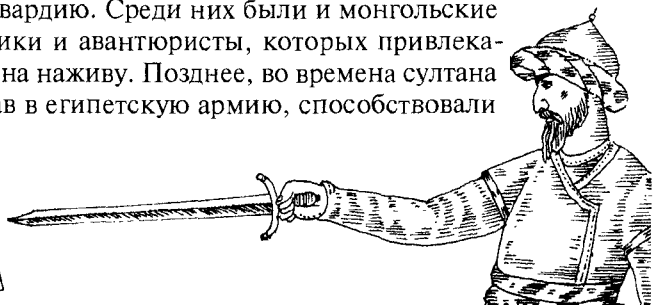
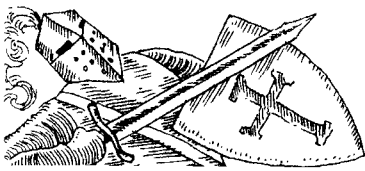
Христианские правители в Европе не могли примириться с очередной утратой Иерусалима. Дабы снова отвоевать его, были организованы Седьмой и Восьмой крестовые походы, которые возглавил французский король Людовик IX Святой (1226–1270). В 1249 году крестоносцы заняли Дамиед и двинулись на Каир. Как и во времена предшествующих крестовых вторжений, султан ас-Салих предложил возвратить франкам Иерусалим в обмен на Дамиед, но король отказался, ибо, по его выражению, он пришел «не для мира, а для войны».

Как и в предыдущей войне с крестоносцами, главной базой сопротивления египтян стала аль-Мансура. Здесь, в военном лагере, в ноябре 1249 года неожиданно умер ас-Салих. Положение Аййубидов спасли отряды из кипчакских тюрок, которые создавал ас-Салих еще во время правления его отца. Эти отряды, комплектовавшиеся из хорошо обученных военному делу бывших рабов-мамлюков, были самой боеспособной и надежной частью войска султана. Их именовали бахритами, ибо их казармы находились на одном из островов на Ниле (Бахр ан-Нил).

Большинство аййубидских султанов имело отряды из мамлюков, но только со времени правления ас-Салиха их стали рекрутировать в таком большом количестве. Аййубиды использовали обилие на невольничьих рынках рабов тюркского происхождения, поступавших из кипчакских степей (киргизских, уральских и приволжских). Среди мамлюков были также обитатели северных берегов Черного и Каспийского морей, курды, греки и жители славянских областей Южной Европы. Ас-Салих создал из тюрок элитарный корпус численностью до тысячи всадников. Со временем мамлюкские отряды стали преобладать в его армии, и ас-Салих опирался на них в большей степени, чем на своих земляков-курдов. Используя мамлюков в качестве главной военной силы, он своими действиями невольно подготовил приход мамлюков к власти.

Работоторговцы покупали мамлюков в детском или юношеском возрасте, привозили в Египет и после длительного военного обучения зачисляли в войско. Каждому при этом выдавались военное снаряжение и конь. После обращения в ислам мамлюки обычно сохраняли свои старые имена, что должно было свидетельствовать об их особом статусе. Молодой мамлюк, хотя и сохранял верность своему бывшему рабовладельцу, покровительствовавшему ему на всех этапах его обучения и служебной карьеры, считался свободным человеком. Благодаря военным заслугам он мог достичь любого военного ранга и даже стать султаном. Дети мамлюков рождались свободными мусульманами и, хотя не принадлежали к правящей мамлюкской касте, могли служить чиновниками и извлекать из своих должностей доходы, однако редко достигали высокого положения в обществе.

Среди тюркских наемников были не только мамлюки. Страх перед монгольскими ордами гнал на запад различные тюркские племена. Это были разбойники и наемники, вторгавшиеся в Сирию и грабившие ее и вместе с тем готовые поступить на службу к любому правителю. Ас-Салих охотно включал их в свою гвардию. Среди них были и монгольские дезертиры, изгнанники и авантюристы, которых привлекала в Египет надежда на наживу. Позднее, во времена султана Бейбарса, они, попав в египетскую армию, способствовали

ее модернизации по образцу монгольской, в то время самой сильной армии мира.

Когда Людовик IX со своей крестоносной армией двинулся из Дамьетты на Каир, положение Аййубидов было трудным. Ас-Салих скоропостижно скончался, а его сын и наследник аль-Муаззам Туран-Шах (1249–1250) находился в отдаленном эмирате-наместничестве Хисн Кайфа в Джазире. Чтобы избежать в войске паники, предприимчивая возлюбленная ас-Салиха — рабыня Шаджар ад-Дурр, подаренная ему багдадским халифом, договорившись с доверенным человеком ас-Салиха, эмиром и «главным шейхом» («шайх аш-шуйух»), скрыла известие о смерти султана и стала издавать приказы от его имени. Она подделывала подпись султана и в приказах повелевала, чтобы войско дало присягу повиноваться султану и его наследнику аль-Муаззам Туран-Шаху. Главнокомандующим (атабеком аль-асакиром) аййубидской армией и главным администратором в султанате вплоть до прибытия из Ирака Туран-Шаха с месопотамскими войсками был назначен Фахр ад-Дин.

Аййубидская армия продолжала противостоять крестоносцам. Решающее сражение состоялось в 1250 году, уже после прибытия аль-Муаззам Туран-Шаха. В нем погиб Фахр ад-Дин и впервые проявились полководческие способности будущего мамлюкского султана Бейбарса. Крестоносцы потерпели полное поражение и стали отступать к Дамiette. Король уже был готов отдать город в обмен на Иерусалим, но на этот раз не согласился Туран-Шах, осведомленный о состоянии франкского войска. Крестоносцы были окружены, и король попал в плен. Королева оказалась вынужденной начать переговоры о капитуляции города и путем большого выкупа добилась в 1250 году освобождения мужа. С остатком разбитой армии Людовик IX отплыл в 1251 году в Акру и еще некоторое время удерживал Акру и Кейсарию, пытаясь спасти остатки крестоносных владений.

Тюркские мамлюки преданно служили Аййубиду ас-Салиху и в момент его смерти оказались хорошо организованным элитарным корпусом со своими собственными племенными и воинскими традициями. Когда Туран-Шах не пожелал считаться с былыми привилегиями тюркских мамлюков и стал

выдвигать своих военачальников на высшие посты в армии и государстве, между ним и Шаджар ад-Дурр началась борьба за власть, причем на стороне волевой женщины оказались бахриты. Недовольные политикой Туран-Шаха, они подняли мятеж, одним из главарей которого был будущий мамлюкский султан Бейбарс. Бахриты убили Туран-Шаха; следом за этим последовало уникальное событие в истории ислама: женщина была провозглашена султаншей — «царицей мусульман» («маликат аль-муслимин»).

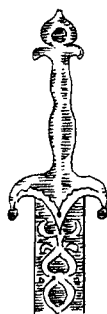

Глава 14

Мамлюкский султанат (1250–1517 годы)

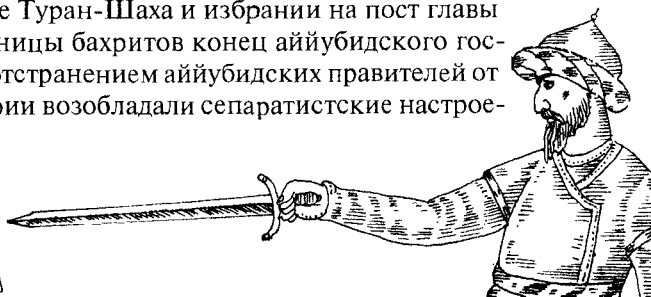
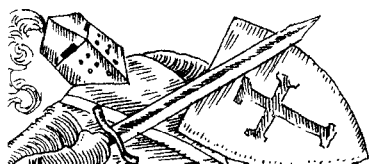
Господство бахритских мамлюков

Убийство аль-Муаззама Туран-Шаха в 1250 году в результате заговора мамлюков-бахритов привело к ликвидации Аййубидского султаната в Египте. Это событие обозначило появление бахритов как доминирующей политической и военной силы в стране. Шаджар ад-Дурр была первой главой мамлюкского государства, которое просуществовало более двух с половиной столетий и пало лишь в 1517 году под ударом османских завоевателей. Она царствовала — правда, всего три месяца — и подписывалась обычно как «мать Халила» (умершего сына ас-Салиха), а в хутбе упоминалась как «жена султана ас-Салиха».

Середина XIII века была переломной эпохой в судьбах исламского мира. Три силы противостояли друг другу: аййубидские правители Египта и сменившие их мамлюкские султаны, крестоносцы и двигавшиеся с востока монголы. От того, какая из трех сил возьмет верх и окажется победительницей, зависела судьба всего Ближнего Востока.

Действия бахритов в Каире вызвали недовольство аййубидских эмиров Сирии. Сирийские эмиры не без основания усмотрели в убийстве Туран-Шаха и избрании на пост главы государства ставленницы бахритов конец аййубидского господства в Египте. С отстранением аййубидских правителей от власти в Каире в Сирии возобладали сепаратистские настрое-

ния, и сирийские Аййубиды сделали все, чтобы отделиться от Египта. Багдадский халиф аль-Мустасим также не пожелал признать египетский трон за женщиной, которую он сам подарил ас-Салиху, и потребовал от египетских мамлюков избрания другого султана.

Каирские бахриты после некоторого колебания решили сделать шаг навстречу и поставить во главе Египта мужчину. Шаджар ад-Дурр вынудили отказаться от престола, и один из бахритских лидеров Айбег был избран султаном под именем аль-Малик аль-Муизз. В качестве главнокомандующего он должен был возглавить египетскую мамлюкскую армию. Опорой Айбега была его личная гвардия, получившая наименование «муиззия», а гвардейцы соответственно стали называться муиззитами.

Однако среди бахритов не было полного единодушия. Некоторые из бахритских лидеров не согласились с избранием Айбега и демонстрировали верность отстраненной аййубидской династии. Группировка мамлюков во главе с Актаем и победителем франков при аль-Мансуре Бейбарсом настояла на возвращении к власти Аййубидов в лице правнука султана аль-Камила — десятилетнего аль-Ашрафа Мусы (1250–1252). В ходе переговоров Айбег сумел сохранить за собой пост атабега при малолетнем султани и стать фактическим правителем Египта, а умная и расчетливая Шаджар ад-Дурр поспешила выйти за него замуж, узаконив этим актом положение Айбега в роли второго мамлюкского султана; таким образом, юный аль-Ашраф Муса оказался лишь его формальным соправителем.

Назначением на пост правителя Египта аль-Ашрафа Мусы примирение с сирийскими Аййубидами не было достигнуто, но оно способствовало легимизации власти бахритских военачальников; вскоре между их лидерами — Айбегом и Актаем — началась борьба. Правда, на некоторое время, когда пришло известие о том, что аййубидская сирийская армия во главе с ан-Насиром Йусуфом вторглась в Египет и движется на Каир, соперники примирились. В феврале 1251 года в сражении при аль-Аббасе сирийцы были разбиты, но окончательный мир был заключен лишь в 1253 году, когда халиф аль-Мустасим, узнавший о приближении монголов, перед лицом

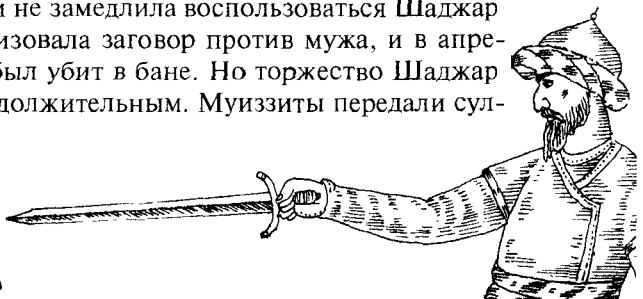
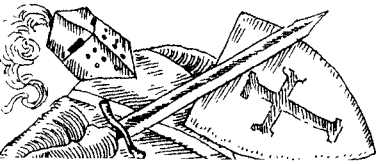
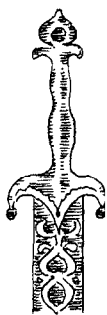
нового грозного противника настоял на примирении — хотя бы временном — между египетскими мамлюками и сирийскими Аййубидами.

Оказавшись у власти, Айбег начал укреплять свои позиции. Он прибрал к рукам египетскую казну и стал выдвигать на ведущие должности в государстве мамлюков из муиззии. Так, один из мамлюкских главарей, Кутуз, получил должность «наместника султаната Египта». Чтобы упрочить свою власть и расширить подчиненные ему области, Айбег женился на дочери Бадр ад-Дина Лулу — мамлюка, который унаследовал власть Зангидов в качестве атабега Мосула.

В это же время его главный соперник Актай, не желавший уступать Айбегу, женился на дочери аййубидского эмира Хамы, в результате чего получил возможность претендовать на султанат по праву своей аййубидской жены. Он потребовал, чтобы его жена в качестве царской наследницы получила резиденцию в каирской крепости, сооруженной в свое время Саладином и бывшей с тех пор постоянной резиденцией правителей Египта. Почувствовав угрозу со стороны Актая, Айбег в 1254 году с помощью Кутуза организовал его убийство. После этого, почувствовав свою силу, он отправил аль-Ашрафа Мусу в изгнание в Византию и добился формального признания себя единоличным главой государства.

Захваченные врасплох, многие бахритские военачальники, бывшие в оппозиции Айбегу, бежали из Каира — частично к сельджукскому султану Рума, частично к ан-Насиру Йусуфу в Сирию. Среди них был и Бейбарс. В Сирии бахриты уговорили ан-Насира предпринять поход против Айбега. Но и на этот раз кризис был разрешен вмешательством халифа. В 1256 году он добился заключения между Айбегом и ан-Насиром мира, по условиям которого ан-Насир обязался не оказывать поддержки бежавшим из Каира бахритам, и те вынуждены были поступить на службу к аййубидскому правителю крепости аль-Карак, внуку аль-Камила — аль-Мугису Умару.

Поведение Айбега вызвало недовольство значительной части мамлюков, чем не замедлила воспользоваться Шаджар ад-Дурр. Она организовала заговор против мужа, и в апреле 1257 года Айбег был убит в бане. Но торжество Шаджар ад-Дурр было непродолжительным. Муиззиты передали сул-

танат аль-Мансуру Али — пятнадцатилетнему сыну Айбега от другой жены, и, хотя Шаджар ад-Дурр поддерживали многие мамлюки ас-Салиха, они не смогли ее защитить. Вскоре ее нашли мертвой.

В это время большая часть бахритских беженцев находилась в Сирии, где, подобно хорезмийцам в прошлом, образовала неуправляемую и воинственную банду, представлявшую равную опасность для правителей Каира, Дамаска и аль-Карака. Дважды, в 1257 и 1258 годах, они под предводительством Бейбарса совершали набеги на Египет и оба раза терпели поражения от египетских бахритов во главе с Кутузом, который проявил большую жестокость, казнив их предводителей, попавших к нему в плен.

Мамлюки Бейбарса были не единственной никому не подчиненной силой, действовавшей на территории Сирии. Спасаясь от монголов, из родных мест бежало в Сирию курдское племя шахразурия. Курды сначала поступили на службу к дамасскому правителю ан-Насиру Йусуфу, а затем примкнули к бахритским мамлюкам аль-Мугиса, видевшим в них подспорье, с помощью которого он надеялся овладеть Дамаском. Правда, в 1259 году аль-Мугис отказался от союза с курдами, и те переехали в Палестину. Бейбарс же в это время сумел договориться с ан-Насиром и перешел со своими мамлюками к нему на службу.

Аль-Мансур Али играл в Каире ту же роль, что до него аль-Ашраф Муса. Реальной властью он не обладал, и в то же время вокруг него шла жестокая борьба между различными мамлюкскими кликами, в которой понемногу стал брать верх Кутуз. Сначала, преодолев сопротивление соперников, он занял пост атабега аль-асакира, а в 1259 году, в преддверии неизбежного столкновения с монголами, низложил аль-Мансура Али и провозгласил себя султаном (1259–1260).

Вторжения монгольских племен, обитавших к востоку от Алтая, на территории современной Монголии и на берегах Байкала, в мусульманские области начались еще в конце XI века, а в XII веке приняли характер частых грабительских набегов. На рубеже XII и XIII веков монгольские кочевники Центральной Азии, подобно их тюркским соседям, объединились в могущественный союз племен, который возгла-

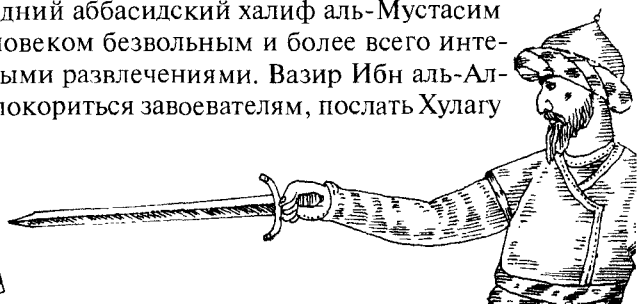
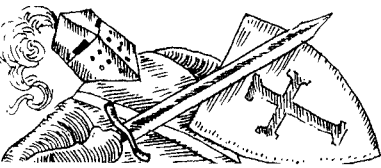
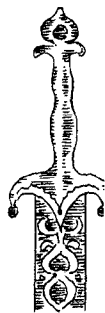
вил военачальник Темучин, получивший титул Чингисхана (1206–1227).

За время царствования Чингисхана монголы завоевали Северный Китай и к лету 1220 года овладели значительной частью земель хорезмшахов. Воинство Чингисхана перешло Амударью и вторглось в Среднюю Азию и Хорасан. Города Средней Азии были жестоко разграблены, только Бухара и Самарканд избежали этой участи, добровольно открыв ворота завоевателям.

В 1227 году Чингисхан умер, в 1229 году великим ханом был избран Угедей, и наступление монголов возобновилось. Монголы разбили войско последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина (1221–1231), окончательно завоевали Хорасан и подвергли страшному разграблению города Мерв, Балх, Герат, Тус и Нишапур. В 1241 году Угедей умер, и после пяти лет регентства его вдовы ханом стал его сын Гуюк (1246–1249). Тем временем монгольский военачальник Байджу в 1243 году разбил войско сельджукского султана Рума Кай-Хусрау II (1237–1246) и, вторгшись в Анатолию, превратил его владения в монгольский протекторат. Теперь монголы оказались в непосредственной близости от сирийской границы, и, хотя сельджуки сумели через некоторое время изгнать их из Анатолии, они продолжали совершать набеги на Месопотамию со своих баз в Иране.

В 1251 году великим ханом был избран Мунке (1251–1259), который отправил тридцатитысячную армию во главе со своим братом Хулагу в Иран и Ирак. Хулагу и его потомки Хулагуиды носили титул «ильханов» (дословно: «повинующиеся великому хану»), Хулагу начал свои завоевания с того, что в 1256 году захватил основной опорный пункт ассасинов Аламут, а их главарей казнил. Так монголы вплотную приблизились к границам Ирака.

В середине XIII века они неоднократно подходили к стенам Багдада, но угроза всякий раз рассеивалась; власти Багдада успокаивались и не принимали серьезных мер для защиты города. Последний аббасидский халиф аль-Мустасим (1242–1258) был человеком безвольным и более всего интересовался придворными развлечениями. Вазир Ибн аль-Алками советовал ему покориться завоевателям, послать Хулагу

богатые дары и признать его верховную власть, а военачальники настаивали на необходимости оказать завоевателям сопротивление. Халиф колебался.

Летом 1256 года в Багдаде вспыхнули волнения просто-народа, и военная верхушка задумала воспользоваться ими, чтобы свергнуть нерешительного халифа. Узнав об этом, халиф поспешил последовать совету военных и вступить в бой с монголами, что закончилось весьма плачевно. В январе 1258 года Хулагу с войском подошел к Багдаду, разбил высланную против него армию и осадил город. В феврале монголы овладели восточными стенами города. Попытки вазира Ибн аль-Алками и несторианского патриарха выступить в роли посредников успеха не имели. 10 февраля монголы ворвались в Багдад и учинили в городе страшную резню, пощадив только проживавших в городе христиан и иудеев, на которых Хулагу смотрел как на потенциальных союзников. На пятый день Хулагу приказал прекратить разрушение города, хотя к этому времени большая часть Багдада уже сгорела. Аль-Мустасима заставили выдать скрытые казнохранилища, наполненные золотом и драгоценными камнями, а затем казнили вместе со всеми мужчинами из рода Аббасидов. Казнили также тех эмиров и военачальников, которые советовали халифу выступить против монголов. При этом вазир Ибн аль-Алками, патриарх и другие сторонники капитуляции были обласканы. Так Аббасидский халифат прекратил свое существование, а Багдад навсегда утратил роль столицы исламского мира.

Одновременно с Багдадом монголы захватили Васит, вырезав большую часть жителей города. Басра сдалась монголам без боя, а шиитское население Хиллы, находившееся всегда в оппозиции к багдадским властям, поспешило навести через Евфрат мост и вышло навстречу монгольскому войску с приветствиями. Так весь Ирак вошел в состав монгольского государства Хулагуидов.

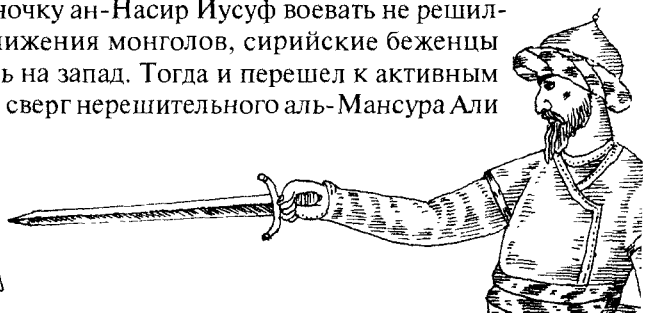
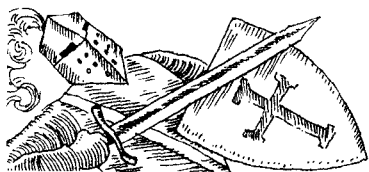
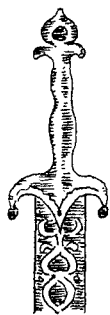
Хулагу назначил правителем Ирака и Хузистана Ала ад-Дина аль-Джувайни, который известен не только как государственный деятель, но и как историк. Управляя Ираком более двадцати лет, аль-Джувайни пытался отстроить Багдад, восстановил многие дамбы и каналы. Позднее большие работы по орошению и заселению опустошенных войной зе-

мель Ирака были проделаны при принявшем ислам ильхане Махмуде Газане (1295–1304). Это дало возможность сохранить плодородие страны и городскую жизнь на довольно высоком уровне. Тем не менее после монгольского завоевания Ирак так и не смог полностью возродиться, и Багдад оставался второстепенным провинциальным городом вплоть до начала XX века.

Сразу же после захвата Багдада и казни халифа великий хан Мунке приказал своему брату Хулагу продвигаться дальше на запад. Во главе армии был поставлен тюрк по происхождению, несторианец Кетбука Нойан. К монголам присоединились правитель Антиохии Боэмунд VI, позднее отлученный за это папой, и армянские союзники. Христианские правители Европы возлагали надежды на союз с монголами, некоторые даже планировали совместный поход против общего исламского врага. Их посланцы то и дело разъезжали между монгольским лагерем и христианскими дворами. Но эти переговоры результатов не дали. Армянские же правители еще в 1247 году отправили к монголам делегацию, она была хорошо принята, и был заключен союз с монголами.

Под властью Хулагу и Хулагуидов (1256–1353) образовалась большая империя, включавшая весь Иран, Среднюю Азию, Ирак, Азербайджан, Грузию, Армению и часть бывших владений сельджуков Рума в Малой Азии. Новой целью монголов стали Сирия и Египет.

Узнав о захвате и разрушении Багдада, аййубидский правитель Дамаска ан-Насир Йусуф поспешил отправить своего сына с дарами к Хулагу, выражая тем самым готовность заключить соглашение с завоевателями, но посланец вернулся в Дамаск с письмом от Хулагу, полным угроз и оскорблений. Стало ясно, что монголы намерены завоевать Сирию. Поняв это, ан-Насир сначала собирался сопротивляться могучему противнику и даже вывел свое войско за пределы города, намереваясь дать сражение; одновременно он запросил помощь у правителя Египта. Но аль-Мансур Али не выказал желания действовать, а в одиночку ан-Насир Йусуф воевать не решился, и, по мере приближения монголов, сирийские беженцы толпами устремились на запад. Тогда и перешел к активным действиям Кутуз. Он сверг нерешительного аль-Мансура Али

и провозгласил себя султаном под именем аль-Малик аль-Музаффар («всепобеждающий царь»).

Между тем армия Хулагу пересекла Евфрат и приблизилась к Алеппо. Старый правитель города, сын Саладина, пытался оказать монголам сопротивление, но в январе 1260 года город был взят штурмом. При известии об этом событии армия ан-Насира рассеялась, сам он бежал в Газу, а оттуда в Трансиорданию, но в дороге был схвачен и отправлен к Хулагу. В том же году монголам сдался Дамаск, и они начали совершать набеги на Палестину.

При вторжении монголов в Сирию восточные христиане оказывали им всяческую поддержку, а после падения Дамаска открыто радовались победе монголов. Хулагу взял их под свою защиту, и они начали третировать мусульман, заставляя их вставать при виде крестного хода. Глава Латинского королевства в Акре, опасавшийся прихода монголов, напротив, готов был пойти на сотрудничество с мамлюками против пришельцев.

Хулагу отправил в Каир посланцев, предлагая Кутузу сдаться, но Кутуз приказал их казнить, и война стала неизбежной. Незадолго перед этим случилось событие, послужившее усилению мамлюков. Перед лицом общей опасности Бейбарс и Кутуз смогли договориться, и Бейбарс, получив «аман» (обещание безопасности), возвратился в Египет. В июле 1260 года Кутуз выступил против неприятеля, и как раз в это время Хулагу, получив известие о смерти великого хана Мунке, передал командование Кетбуке Нойану и отбыл в сопровождении значительной части войска, чтобы принять участие в выборах нового хана. Войско Кутуза, авангард которого возглавлял Бейбарс, вошло в Палестину. Египетский посланец прибыл в Акру и получил разрешение от короля франков на проход мамлюков через его владения, а Бейбарс с мамлюкскими военачальниками даже был принят королем, как гость.

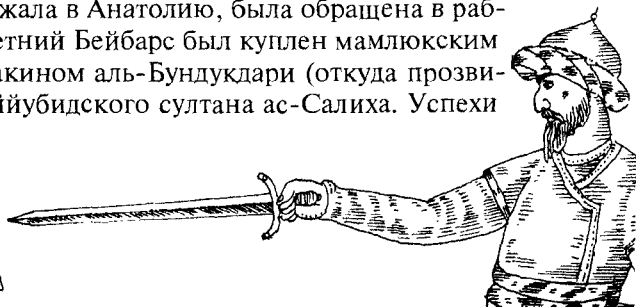
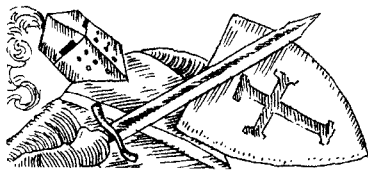
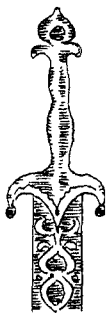
Тем временем Кетбука Нойан с войском переправился через Иордан и расположил свой лагерь около селения Айн Джалут, близ Наблуса. 3 сентября 1260 года произошло сражение, в котором монголы были разгромлены, а Кетбука Нойан убит. Монгольское владычество в Сирии окончилось, а Египет был спасен от вторжения. В результате Сирия с Алеппо

и Дамаском без войны перешла от Аййубидов к мамлюкам. Кутуз поспешил закрепить завоевание и назначил своего правителя в Дамаск, а Алеппо, прежде обещанное Бейбарсу, было передано Ала ад-Дину Али — сыну мамлюкского атабега Мосула Бадр ад-Дина Лулу. Во владении аййубидских эмиров оставались лишь три небольшие княжества: Химс, Хама и аль-Карак. Удовлетворенный достигнутым, Кутуз возвратился в Каир.

Победа мамлюков над монголами вызвала в Египте и Сирии всеобщее ликование. Сирийские сунниты приветствовали мамлюков и терроризировали сотрудничавших с монголами шиитов, христиан и иудеев. Хотя современники и понимали, что успех мамлюкской армии был обусловлен в первую очередь отъездом Хулагу с большей частью монгольского войска на восток и что численность монголов, принимавших участие в сражении, не превышала десяти тысяч, у последующих поколений прочно укоренился взгляд, что именно мамлюки сумели отразить вражеское нашествие и спасти исламский мир от полной катастрофы.

Единство мамлюков, возникшее перед лицом общего врага, оказалось непродолжительным. После победы старая вражда между бахритами и муиззитами (мамлюкскими отрядами, созданными еще Айбегом аль-Муиззом) вспыхнула с новой силой. Обиженный Бейбарс, надеявшийся получить за свое участие в войне власть над одним из сирийских эмиратов, организовал заговор, и 24 октября 1260 года во время охоты в пустыне его сподвижники зарезали Кутуза, после чего Бейбарс, при поддержке бахритских мамлюков, был провозглашен султаном. В момент избрания Бейбарс обещал советовать во всех делах с теми из мамлюкских военачальников, которые его поддерживали, а те, в свою очередь, поклялись сохранять ему верность.

Аз-Захир Бейбарс, по прозвищу аль-Бундукдари (1260–1277), родился в 1223 году в кипчакской семье, кочевавшей к северу от Черного моря. С наступлением монголов в 1241 году семья бежала в Анатолию, была обращена в рабство, а пятнадцатилетний Бейбарс был куплен мамлюкским работником Айдакином аль-Бундукдари (откуда прозвище Бейбарса) для аййубидского султана ас-Салиха. Успехи

во время сражений с франками в 1249 и 1250 годах, приведших к пленению французского короля Людовика IX, поставили его во главе мамлюкского войска Аййубидов. Именно тогда при его активном участии был убит пытавшийся отстранить от власти тюркских мамлюков и неспособный оказать должного сопротивления крестоносцам аль-Муаззам Туран-Шах. Победа над монголами еще больше укрепила авторитет Бейбарса в Египте. Позднее арабский историк Ибн Халдун (1332–1406) писал, что «приход в мамлюкскую среду степняков был божьим благодеянием, ибо придал исламскому миру новые силы и мужество в момент слабости и упадка и помог справиться с великой опасностью, которая ему угрожала». В результате роль тюркских мамлюков в исламском государстве возросла и закрепилась на много десятилетий, а в Египте XIII века они стали абсолютными властителями. Поэтому мамлюкский султанат именовался современниками «Даулат аль-атрак» («Государство тюрок»).

Бейбарс вступил на трон в ноябре 1260 года; через несколько недель в честь этого события в Каире состоялось торжественное шествие. Сподвижники Бейбарса (хашдашия) из придворной мамлюкской гвардии ас-Салиха Аййуба оставались его главной опорой на протяжении всего царствования, он оказывал им всяческое покровительство. Вместе с тем Бейбарс создал и свою собственную гвардию — «захирия».

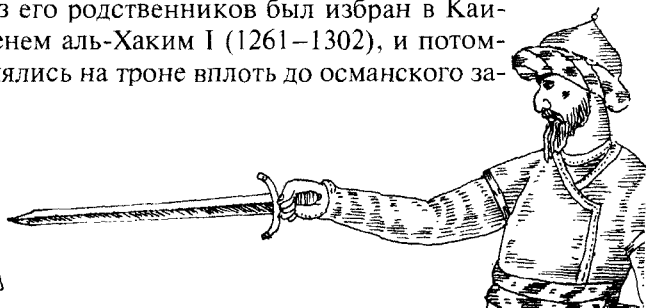
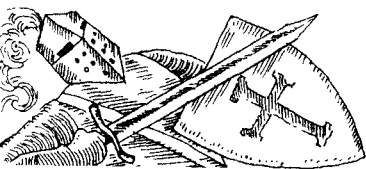
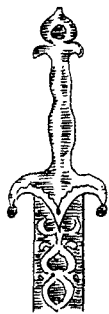
Особым предметом забот Бейбарса после его вступления на престол была Сирия. Хотя Сирия и присоединилась к мамлюкскому султанату после победы мамлюков над монголами, в ней сохранялись сепаратистские настроения. Так, в Алеппо были сильны позиции мамлюкской гвардии двух последних Аййубидов. Она скинула назначенного Кутузом правителя Ала ад-Дина Али и выдвинула на этот пост человека из своей среды. Но намерение алеппских мамлюков установить независимый от Каира режим в Северной Сирии не осуществилось из-за новых попыток монголов вторгнуться в страну. Алеппо и Хама не устояли против монголов и были в очередной раз захвачены завоевателями; правда, мамлюки вскоре сумели вытеснить их из страны. Затем в Алеппо, как в калейдоскопе, менялись правители, пока в конце концов Бейбарс не сумел окончательно подчинить себе этот город. Понимая

неизбежность будущей борьбы с монголами и крестоносцами, Бейбарс много внимания уделял укреплению своих позиций во всех городах и районах Сирии. В 1263 году он ликвидировал аййубидский эмират в аль-Караке, позже, воспользовавшись смертью не оставившего после себя наследника эмира, овладел Химсом, а затем прибрал к рукам и Дамаск.

После разрушения монголами Багдада и казни халифа аль-Мустансима мусульмане оказались без авторитетного суннитского правителя, который обладал бы законным правом на власть. Бейбарс решил использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего авторитета в исламском мире и в 1261 году провозгласил одного из уцелевших во время вторжения монголов в Багдад членов династий Аббасидов аль-Мустансира (1261) халифом. Этот выбор был одобрен египетскими правоведом. Бейбарс принес новому халифу клятву верности (байа), приказал упоминать его во время пятничной молитвы и чеканить на монетах его имя. В свою очередь, Бейбарс был провозглашен султаном Египта, Сирии и тех провинций на Евфрате, которые оставались в руках Хулагуидов, а также Хиджаза, Йемена и всего, чем он «овладеет в ходе будущих завоеваний».

Это было не только официальным признанием прав Бейбарса на захваченные им земли, но и программой дальнейших завоеваний. В обнародованном документе подчеркивалась обязанность Бейбарса вести священную войну, строить крепости и создавать флот. Бейбарс объявлялся не только правителем Египта и Сирии, но и политическим главой всего исламского мира.

Халифат аль-Мустансира не был продолжительным. Несколькими днями спустя после возведения на престол он во главе небольшого отряда вторгся в Месопотамию с целью вернуть Багдад Аббасидам и двинулся вниз по Евфрату. В 40 километрах от Багдада аль-Мустансир встретил войско монголов и в завязавшемся бою был убит, а его голову победители торжественно пронесли по улицам разрушенного Багдада. После этого один из его родственников был избран в Каир халифом под именем аль-Хаким I (1261–1302), и потомки аль-Хакима I менялись на троне вплоть до османского завоевания.

Новый халиф оказался для Бейбарса человеком нужным. После смерти хана Мунке в 1259 году между его братьями началась борьба за власть. Сторонник одного из соперников, хан Золотой Орды Берке (умер в 1266 году), был единственным мусульманином среди монгольских ханов, и Бейбарс вступил с ним в союзные отношения. В 1263 году монгольское посольство в Каир, возвратившись к Берке, привезло с собой султанские дары, в том числе свитки Корана, которые, по преданию, были переписаны самим третьим праведным халифом Усманом. Имя Берке стало поминаться в хутбе после имени Бейбарса. В свою очередь, Берке отправил часть монгольских солдат на родину, а другую передал в распоряжение Бейбарса, и тот расселил их в Египте и Сирии. Хотя преемник Берке Менгу-Тимур не был мусульманином, его дружеские отношения с Бейбарсом скреплялись общей враждой к ильханам.

И все-таки Бейбарс вынужден был учитывать исходившую от монголов опасность. Мелкие правители Сирии и Палестины не могли защитить себя от внешней угрозы. Поэтому Бейбарс считал необходимым не только преодолеть их сепаратистские устремления, но и заполучить полный контроль над сиро-палестинскими крепостями. Наибольшее значение имела крепость аль-Карак, которой владел аййубидский правитель аль-Мугис Умар, контролировавший дорогу из Дамаска в Египет и Хиджаз. В 1263 году Бейбарс заманил аль-Мугиса в свою ставку и обвинил в связях с монголами. После этого аль-Мугиса отправили в Египет, а его сыновей вынудили уступить крепость Бейбарсу.

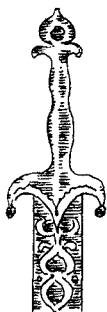
Постоянно держа в уме монгольскую угрозу, Бейбарс не упускал из внимания и крестоносцев, которые владели рядом важных в стратегическом отношении пунктов на побережье Средиземного моря. Он отбил у них крепость Бира, расположенную на левом берегу Евфрата, на пути к монгольским владениям, и таким образом создал бастион для защиты Северной Сирии.

С 1265 по 1271 год армия Бейбарса вела войну с франками, захватывая один укрепленный пункт за другим. Бейбарс занял порт Цезарию, города Яффу и Хайфу. При этом он методично разрушал франкские крепости, и они более не могли служить базами для крестоносцев. К северо-западу

от Тивериадского озера он занял города Цфат, Рамлу и Тир, а в 1268 году капитулировало Антиохийское княжество. Эта победа была для мусульман не менее значительной, чем взятие Саладином Иерусалима, ибо Антиохия с начала Крестовых походов неизменно находилась в руках франков. Отряды Бейбарса совершали набеги вплоть до стен Акры. Дабы утвердить власть ислама, Бейбарс приказал снести главную христианскую церковь в Назарете. К концу правления Бейбарса в руках у мамлюков была почти вся Сирия, а во владении крестоносцев оставалась лишь узкая полоса вдоль побережья Средиземного моря.

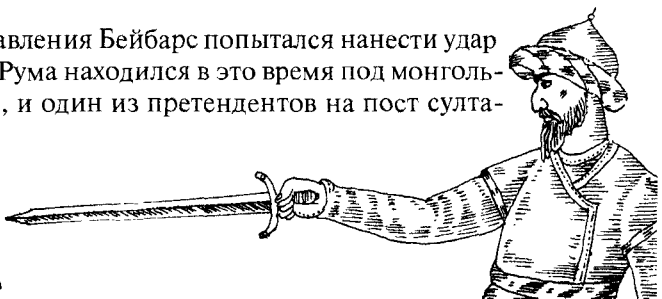
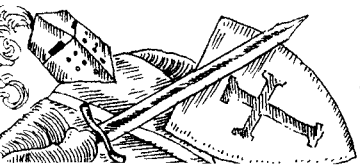

Политика Бейбарса в отношении христиан была двойственной. С одной стороны, мамлюки вели войну с христианскими государствами в Сирии и Палестине, а с другой — завязывали широкие торговые и дипломатические отношения с Византией и европейскими странами. Бейбарс был умелым дипломатом. Он возобновил старые связи Египта с Константинополем и поддерживал хорошие отношения с монгольскими ханами Золотой Орды. Он отправил послов к сицилийскому королю Манфреду и в Италию, расширил торговые связи с итальянскими городами и Арагоном. Этой торговле не мешали ни поражения крестоносцев в Сирии, ни монгольско-христианский союз.

Умело сочетая дипломатию и военную силу, Бейбарс распространил свое господство на оба берега Красного моря, укрепился в Хиджазе и Йемене, организовал ряд экспедиций в Нубию, Ливию и в страны африканских соседей Египта, всячески поощрял торговлю с Южной и Восточной Азией. Поскольку монголы перерезали традиционные пути паломничества, отныне дорога в Хиджаз, равно как и снабжение священных городов, проходила через Египет. Оставаясь внешне независимыми, правители Хиджаза — потомки Пророка — подпали под власть мамлюкского государства, что увеличило престиж Бейбарса в исламском мире. Он даже присвоил себе титул «Хадим аль-Харамайн» («Слуга двух священных городов»).

К концу своего правления Бейбарс попытался нанести удар монголам. Султанат Рума находился в это время под монгольским протекторатом, и один из претендентов на пост султа-

на Изз ад-Дин Кай-Кавус II (1249–1257) пригласил Бейбарса вторгнуться в Анатолию, пообещав за это половину своих владений. В 1277 году Бейбарс предпринял поход в Анатолию, разбил монгольскую армию при Элбистане и был возведен на престол в качестве султана Рума. Однако он не получил поддержки со стороны местных тюркских племен и вынужден был отступить в Дамаск, где вскоре умер.

Арабские хронисты ставят Бейбарса в один ряд с Саладином. Оба они были не местного происхождения: Саладин был курдом, а Бейбарс — тюрком-кипчаком. Однако Саладин в большей мере был связан с арабской культурой, ибо пришел в Египет из мусульманских областей. Бейбарс же был тюркским военачальником, лишь недавно принявшим ислам. Саладин предпочитал действовать неожиданными наскоками на противника (именно так ему удалось захватить Иерусалим). Бейбарс тщательно готовился к военным кампаниям. Захватив часть территории противника, он немедленно начинал строить на ней оборонительные сооружения. Так, захватив Химс и Хауран, он восстановил в этих городах разрушенные монголами крепости, обновил военный арсенал и построил множество военных судов.

Хотя Бейбарс пришел к власти «через два трупа» (аль-Муаззама Туран-Шаха и Кутуза), арабские хронисты его оправдывают, ссылаясь на трудные обстоятельства, в которых находился исламский мир. И Саладин, и Бейбарс оказались у власти в момент смертельной угрозы для ислама, оба создали сиро-египетскую монархию, возродив идею единства исламского мира, персонифицированного в образе халифа.

После смерти Бейбарса наследственный принцип избрания султана был нарушен, и, хотя Бейбарс еще при жизни в 1262 году назначил своим преемником малолетнего сына, через три года после его смерти, в 1277 году, фактическим правителем стал один из мамлюжских главарей — как и Бейбарс, тюрк-кипчак по происхождению Калавун (1280–1290). Попытки мамлюжских военачальников в Сирии, в союзе с сыновьями Бейбарса и с помощью монголов, отнять у Калавуна власть оказались безуспешными, и Калавун взял под жесткий контроль мусульманские княжества Сирии.

Калавун почти во всем следовал политике Бейбарса. Учитывая постоянную опасность со стороны монголов, он, ища союзников среди христианских правителей, обменивался посольствами с Византией и римским императором, заключал политические и торговые соглашения с Генуей, Кастилией и Сицилией, налаживал отношения с непримиримыми врагами Хулагуидов, обратившимися в ислам кипчаками. Его послы в Йемене и на Цейлоне старались оживить торговые отношения со странами Востока. Переговоры с франками о совместных действиях перед лицом монгольской опасности не помешали ему после того, как монголы были отброшены, напасть на франков и в 1289 году захватить самый большой и хорошо укрепленный порт Триполи.

Окончательно изгнать крестоносцев с Ближнего Востока удалось сыну и преемнику Калавуна — аль-Ашрафу Халилу (1290–1294). В 1291 году он возглавил большую армию, снабженную осадными машинами, и взял приступом Акру. Позднее без большого сопротивления капитулировали Бейрут, Тир, Сидон и Хайфа. Таким образом, после Иерусалима в 1244 году, Антиохии в 1268 году, Триполи в 1289 году пал последний крупный опорный пункт крестоносцев — Акра. Города крестоносцев были разрушены, а их развалины заселили турки, курды и даже монголы.

Среди наследников Калавуна особую известность приобрел его второй сын ан-Насир Мухаммад, правивший Египтом и Сирией с перерывами с 1294 по 1340 год. Его длительный султанат дважды прерывался (с 1295 по 1299 год и в 1309 году); по сути, его правление началось лишь с 1310 года. Когда в результате компромисса враждующих мамлюкских клик совсем юным он пришел к власти в 1294 году, ничто не указывало на то, что его пребывание на посту халифа будет более продолжительным, чем правление его предшественников. Однако позднее, искусно маневрируя между враждующими сторонами, он сумел завоевать симпатии жителей Каира и продемонстрировать политическую зрелость и твердость, обеспечив стране безопасность и процветание.

В правивших примерно два с половиной столетия мамлюкских династиях различаются две линии: бахриты (1250–1382) и бурджиты (1382–1517). В отличие от бахритов, изначально-

но базировавшихся на нильском острове, бурджиты располагались в каирской крепости (бурдж), откуда и пошло их название. Между бахритами и бурджитами было существенное этническое различие. С конца XIII века стало сложно рекрутировать в состав мамлюкского войска тюрок из кипчакских степей, и все большую роль начали играть мамлюки, привозимые с Кавказа. В арабских средневековых источниках период господства кавказских мамлюков обычно именуется «Даулат аль-джаракиса» («Государство черкесов»), в отличие от первого периода господства бахритских мамлюков «Даулат аль-атрак» («Государство тюрок»). Черкесский полк был основан в качестве придворной гвардии еще Калавуном, разместившим его в каирской крепости. Во время правления Калавуна и его сына аль-Ашрафа Халила (1290–1294) бурджиты не играли большой роли в государственных делах, но после смерти аль-Ашрафа между мамлюкскими кликами началась борьба за власть, и тут бурджиты обрели заметное влияние.

В 1295 году мамлюкский эмир Китбуга сумел на короткий срок (1295–1297) захватить престол. В отличие от предшественников, он был не тюрок, а монгол и попал в отряды Калавуна не как наемник, а как военнопленный; его захватили в 1260 году, когда ему было всего пятнадцать лет. Его султанат совпал с мирной иммиграцией монголов-беженцев из войска ильхана Махмуда Газана в Сирию. Их военачальники прибыли в Каир в 1296 году, были благожелательно приняты Китбугой и расселены с семьями в основном в прибрежных районах Палестины. Прибытие монголов-соотечественников должно было, как полагал Китбуга, усилить его позиции в султанате. Однако Китбуга не рассчитал последствий, ибо появление монголов было воспринято бурджитами-кавказцами как угроза их власти.

Борьба мамлюкских клик в момент назначения Китбуги султаном привела к двоевластию. Китбуга попытался опереться на тюрок-бахритов, в то время как его соперник Санджар ас-Суджаси пользовался поддержкой кавказских бурджитов. Китбуга одолел своего соперника; преданные ему люди убили Санджара. Добившись победы, Китбуга решил окончательно разделаться с бурджитами — одних арестовал, других изгнал из крепости. В 1294 году с помощью тюркского

военачальника Ладжина Китбуга сумел добиться свержения султана ан-Насира Мухаммада и сам стал султаном. Юного ан-Насира заточили в крепость и запретили ему появляться перед народом.

Однако власть Китбуги оказалась непрочной. Удар ему нанес тот самый Ладжин, которого он считал своим союзником. В ноябре 1296 года группа заговорщиков во главе с Ладжином пыталась его убить, но Китбуга сумел бежать в Дамаск. Ладжин был провозглашен султаном (1297–1299), а от Китбуги откупились, дав ему в качестве вотчины Хаму, где он и умер в 1303 году. Но Ладжин недолго удержался на троне. Стоило ему затеять экономические реформы, которые должны были укрепить финансовое положение самого Ладжина и преданной ему придворной гвардии в ущерб интересам ряда мамлюкских главарей, как против него составил заговор. В 1299 году Ладжина убили прямо во время молитвы, а к власти вновь, во второй раз, был приведен ан-Насир Мухаммад. Он более или менее устраивал всех мамлюкских лидеров, ибо создавал в среде враждующих главарей некоторое равновесие.

Главной задачей мамлюков в это время стало отражение нового натиска двигавшихся с востока монголов, которые, как и прежде, претендовали на Сирию. В начале XIV века их предводитель ильхан Махмуд Газан (1295–1304) с огромной армией перешел Евфрат, занял Алеппо и Дамаск и разбил мамлюков при Химсе. В письме к папе Бонифацию VIII в 1302 году он предлагал христианам союз, чтобы атаковать мамлюков с востока и запада, но его предложение было отвергнуто. В 1303 году состоялось решающее сражение близ Дамаска в долине Мардж ас-Суффар. На этот раз монголы были разбиты, и угроза монгольского нашествия была окончательно устранена.

Мамлюки отпраздновали победу над монголами весьма своеобразным символическим действием. За годы монгольского нашествия мамлюки усвоили многое из монгольских обычаев в одежде и поведении. В частности, они стали носить длинные волосы по монгольскому образцу. Египетский историк аль-Макризи (1364–1442) рассказывает, что в знак победы над монголами султан публично остриг голову, а вслед за ним это сделали все мамлюки.

Господство бурджитских мамлюков

Весь XIV век, после того как в конце XIII века города на си-ро-палестинском побережье были окончательно очищены от крестоносцев — особенно после разгрома армии монголов и до появления Тимура и Тимуридов в начале XV века, — Египет пребывал в относительном мире и спокойствии. Мамлюки, приобретшие славу сокрушителей монголов и христиан, пользовались уважением во всем мусульманском мире. Их владения простирались на западе до Киренаики, на юге до Нубии и на севере до гор Тавра. Под их опекой находились священные города Хиджаза. Внешние враги стране больше не угрожали, и египтян больше всего беспокоили постоянные распри в их собственной среде.

Центральная власть в мамлюкском султанате была достаточно сильной. Султан опирался на большой милитаризованный бюрократический аппарат, в котором все важнейшие должности были заняты военными. Из множества диванов главными оставались военный (диван эмиров), диваны хараджа и султанских владений. Основные поступления в казну складывались не из поземельного налога, а из пошлин на местную и внешнюю торговлю, налогов на городские строения и ремесла. Египет торговал со странами Востока через Красное море разнообразными специями, ароматическими веществами, шелком, а привозимые товары использовались как для местных нужд, так и для торговли со странами Южной Европы и Византией, что приносило казне большой доход.

В 1382 году к власти пришел первый бурджитский султан Баркук, находившийся у власти с перерывами с 1382 по 1399 год. После него вплоть до османского завоевания в 1517 году государством последовательно правили 23 бурджитских султана.

Среди бахритов в основном преобладал принцип семейного наследования власти, хотя и были исключения. У бурджитов возобладало выдвижение на пост султана по сеньориальному принципу — султаном становился (или выдвигал в султаны одного из мамлюков своей свиты) предводитель наиболее могущественной в данный момент мамлюкской

клики. Если же все-таки султан пытался передать власть сыну, то того обычно свергал какой-либо мамлюкский лидер. Таким образом, «естественный отбор» обеспечивал пребывание у власти самого сильного (или самого хитрого) правителя, но при этом создавал предпосылки для постоянной междоусобицы и борьбы претендентов. Каждый новый султан опирался на свой корпус мамлюков-земляков, при поддержке которого приходил к власти, а его преемник начинал свою деятельность с того, что подвергал репрессиям клику, стоявшую за предшественником. Это приводило к постоянной борьбе между султаном и враждебными ему мамлюкскими землячествами.

Баркук был первым султаном Египта, которого арабские хроники именуют «черкесом» («джаркас»). В отличие от других мамлюков, еще в раннем детстве разлученных с родителями и не знавших своих предков, купленный в Крыму Баркук знал своего отца. Он принял участие в заговоре, в результате которого был убит очередной султан-бахрит Шабан II (1361–1363), затем, в 1378 году, стал главнокомандующим при малолетнем султани-бахрите аль-Мансуре Али (1376–1382) и в конце концов захватил престол. После этого он перевез своего старого отца и ближайших родственников в Египет.

Как и во времена правления мамлюкских султанов предшествующих столетий, одну из наиболее болезненных для Баркука проблем составляли взаимоотношения с сирийскими эмирами. Ему пришлось вести борьбу с претендовавшим на независимость правителем Алеппо, к которому присоединились и другие сирийские эмиры. Они даже сумели в 1389 году победить его на поле боя, отстранить от власти и посадить за решетку, а на престол был возведен бахритский султан Хаджи II. Но тут в Каире начались столкновения между мамлюкскими кликами, и, воспользовавшись неразберихой, Баркук бежал из заключения, сумел сформировать бурджитское войско, в которое кроме его приверженцев вошло много бедуинов, и после разнообразных приключений, напоминавших авантурный роман, в 1390 году победил своих противников, вернулся в Каир и вторично стал султаном (1390–1399).

Подобно Бейбарсу и Калавуну, Баркук надеялся основать новую династию. За день до смерти он призвал пребывавшего в Каире аббасидского халифа аль-Мутаваккила I, судей и мамлюкских эмиров, вынудил их принять решение об избрании преемником его сына Фараджа (1399–1412), а в качестве его атабега назначил одного из своих приближенных Этмиша аз-Захира. Почти сразу назначение Этмиша вызвало споры среди эмиров, боровшихся за должность покровителя и воспитателя детей султана. Этмиш был отстранен, и при малолетнем султани Фарадже появился новый атабег.

Тем временем новая грозная опасность — в лице страшного завоевателя Тимура (Тамерлана) — нависла над Ираком, Сирией и Египтом. Первые походы Тимур совершил в Хорезм и Хорасан, после чего за несколько лет сумел покорить весь Иран, часть Закавказья и Индостана от Инда до Ганга. Он в который уже раз разрушил Багдад, а жителей вырезал. В 1395 году Тимур покорил значительную часть Прикаспия и Нижнего Поволжья. Но более всего он стремился к завоеванию богатых земель мусульманского Ближнего Востока.

Когда Тимур вторгся в Ирак и появился на подступах к Багдаду, правитель Ирака Ахмад ибн Гийас ад-Дин бежал в Каир. Согласно иранским источникам, Тимур обратился к Баркуку с посланием, в котором предлагал египетским мамлюкам дружбу, обмен послами и заключение торгового договора, требуя, однако, чтобы ему выдали беглеца. Однако Баркук ответил высокомерным отказом.

Через год после смерти Баркука Тимур вторгся в Сирию. Войско Тимура разбило мамлюков близ Алеппо, захватило город и разорило его. Такая же участь постигла Химс. Затем без большого труда Тимур овладел Дамаском и сжег большую часть города; была разрушена знаменитая мечеть Омейядов. При этом войско египетских мамлюков во главе с юным Фараджем находилось неподалеку, но не приняло участия в сражении.

В намерения Тимура не входило немедленное наступление на Каир. Своим главным противником в это время он считал османских султанов и двинул войско против них в Анатолию. В 1402 году произошло сражение при Анкаре, султан Баязид I потерпел поражение, и османское государство, вслед за Си-

рией, подверглось страшному опустошению. Затем Тимур отправился с войском на восток, а в 1404 году он умер, что, вероятно, и спасло Египет от разрушительного вторжения.

Фарадж был последним мамлюкским султаном, получившим власть по наследству. В дальнейшем пост султана захватывали сильнейшие эмиры в результате ожесточенной борьбы. Фараджу в момент вступления на престол было пятнадцать лет, и фактическую власть в стране осуществлял некий Ибн Гураб, опиравшийся на большой штат чиновников-секретарей. В 1405 году группа мамлюков попыталась возвести на престол одного из своих главарей, Абд аль-Азиза, но его правление продолжалось всего несколько месяцев. Сторонники Абд аль-Азиза засели в каирской крепости. Однако Фарадж, опиравшийся на верную ему часть мамлюков, сумел овладеть крепостью и схватить Абд аль-Азиза, который был сослан в Александрию, где и умер. Многие мамлюки-заговорщики бежали в Сирию, где их охотно принял на службу правитель Дамаска. Для того чтобы расправиться с главарями мятежников в Сирии, Фарадж предпринял с 1406 по 1412 год пять походов. В свою очередь, мятежные эмиры сделали несколько попыток свергнуть Фараджа в самом Каире. Попытки дворцовых переворотов следовали одна за другой.

Правление Фараджа кончилось для него трагически. В 1412 году он, взяв с собой для престижа безвластного халифа аль-Мустаина (1406–1414), предпринял очередную военную экспедицию в Сирию против непокорных эмиров и потерпел неудачу — его войско было разбито, халиф попал в плен, а сам он оказался осажденным в Дамаске. Мятежники решили нанести Фараджу и моральный удар, избрав султаном самого халифа аль-Мустаина, который долго отказывался от этой чести, понимая, что его правление долговечным быть не может, однако вынужден был согласиться. Принужденный к сдаче Фарадж предстал перед судом эмиров и улемов и был приговорен к смерти. Его спасло лишь заступничество халифа-султана. Через несколько месяцев аль-Мустаин, как и можно было ожидать, лишился трона, поскольку глава мятежников Шайх аль-Муаййад захотел сам быть султаном (1412–1421).

Среди непрерывно менявшихся на султанском престоле предводителей различных мамлюкских клик следует выде-

лить Барсбая (1422–1438), когда-то бывшего мамлюком Баркука. Барсбаю пришлось столкнуться с большими экономическими трудностями. Египет был разорен мамлюкскими смутами и неурожаями, казна была пуста, и Барсбай вынужден был изыскивать новые способы добывания денег. В его время получила большое распространение система продажи должностей. Дело дошло до того, что мамлюки стали за деньги освобождаться от несения военной службы. Это было нечто немыслимое, принимая во внимание этические представления мамлюкского воинства.

Учитывая экономическую важность торговли через Красное море, приносящую казне большие доходы, Барсбай в 1425 году отобрал контроль над таможенной порта Джидды на Красном море у местных правителей-шерифов и установил государственную монополию на торговлю зерном, мясом, перцем и изготавливаемыми в Александрии тканями, что разоряло египетское купечество и ремесленников. При преемниках Барсбая практика установления государственных монополий усилилась; экономика страны держалась лишь на непосильных для жителей налогах и таможенных сборах.

В первой половине XV века перед правителями Египта встала новая проблема. Пираты с островов Средиземного моря и из Южной Европы стали совершать систематические набеги на приморские города Сирии и Египта и даже на Александрию. Барсбаю пришлось приложить немало усилий, чтобы создать достаточно сильный военный флот и укрепить прибрежные крепости. По договору, заключенному еще в 1414 году султаном Шайхом аль-Муаййадом с королем Кипра Янусом (Жаном) II, последний обязался всячески препятствовать действиям пиратов с острова, но то ли не мог, то ли не хотел выполнять условия соглашения. Тогда Барсбай в 1427 году, после длительной подготовки, отправил на Кипр армию. В кровавом сражении мамлюки разбили киприотов и на море, и на суше, опустошили остров и возвратились с большими трофеями; среди многочисленных пленных был и сам король. Его торжественно провели по улицам Каира и отпустили домой лишь после того, как он признал султана сюзереном и обязался выплачивать ежегодную дань. Часть

захваченной добычи была отправлена в Мекку для восстановления нуждавшихся в ремонте святынь.

Личность Барсбая не внушала современникам большой симпатии. Хронисты сообщают, что он был жадным, алчным, вспыльчивым и жестоким человеком. Первыми своими актами при вступлении на пост султана он возобновил предписанные исламом, но фактически не действовавшие ограничения, направленные против христиан и иудеев. Он запретил принимать иноверцев на государственную службу и ввел для них дополнительные налоги. Возможно, в отместку за нападения европейских корсаров на мусульманские корабли в Средиземном море он наложил запрет на имущество европейских купцов в Египте и Сирии; европейцам было запрещено покидать страну, а европейские монеты изымались из обращения в Египте.

После Барсбая, с середины XV века, начинается упадок мамлюкского государства как в экономическом, так и в военном отношении. К этому времени окончательно сложились пребывавшие в состоянии почти непрерывных столкновений друг с другом и мятежей основные мамлюкские клики, которые неохотно подчинялись даже ими же самими избранным султанам. Они постоянно возмущали порядок в стране и разрушали традиционную систему социально-экономической жизни.

Власть султана до такой степени утратила авторитет, что в 1455 году султан Инал (1453–1461) вынужден был отказаться от проведения праздника традиционного жертвоприношения из-за опасения, что его побьют камнями собственные мамлюки. Что же тогда говорить о простых горожанах, которые никогда не были застрахованы от грабежей и насилий? Порой доходило до вещей удивительных — так, чтобы подчеркнуть особый статус мамлюков, их главари запретили местным жителям ездить на лошадях.

Позднейший период мамлюкского султаната, начавшийся с приходом к власти аз-Захира Хушкадама (1461–1467) и окончившийся спустя полстолетия османским завоеванием, был временем особенно ярко выраженной политической и экономической нестабильности. Хушкадам, избранный в порядке компромисса между соперничавшими кликами,

предоставлял мамлюкам полную свободу действий; после его смерти на протяжении одного года сменилось три султана, и все они были марионетками в руках борющихся друг с другом мамлюкских кланов. Ослабление власти способствовало успеху набегов на центральные области страны кочевников-бедуинов из Верхнего Египта. При халифе Каит-бае (1468–1496) в 1472 году бедуины добрались до Каира и ограбили окрестности города.

Особенно на экономическом положении страны сказались волнения в Верхнем Египте, где с XV века проживало арабизировавшееся берберское племя хаввара, переселившееся в Египет еще во времена фатимидского господства. Верхний Египет был житницей страны, и центральная власть не могла смириться с самовластием проживавших там племен. В 1469 году, дабы привезти в голодающий Каир зерно, туда была снаряжена военная экспедиция, которая сопровождалась жестокостями по отношению к местному населению. Однако все это не приносило желаемого эффекта.

Страшным испытанием для Египта стали эпидемии чумы, не раз посещавшие ее с 1416 по 1513 год. В результате население страны сократилось почти в два раза. Деревни опустели, ирригация пришла в упадок, и культивируемых земель стало меньше. Пришло в полный упадок текстильное производство в Александрии.

Государственные доходы за последние два столетия мамлюкского господства сократились более чем в два с половиной раза. Особенно сильно пострадала Сирия, ибо в дополнение ко всем испытаниям экономического порядка она оказалась полем боя между мамлюками, франками и монголами, а в XV веке была опустошена Тимуром.

По мере того как мамлюки утрачивали элементы традиционной дисциплины и выходили из повиновения султанской власти, падала их боеспособность. Когда-то мамлюкский воин был хорошо тренированным наездником, делавшим карьеру в соответствии со своим боевым опытом и заслугами перед султанатом. Возможность продвижения по службе была для него важным стимулом для проявления мужества и стойкости на поле боя. К середине XV века положение изменилось: мамлюки стали пренебрегать традиционными воен-

ными и физическими упражнениями. За ненадобностью, вероятно, был разрушен ипподром. Военному обучению мамлюкские главари стали предпочитать праздную жизнь в роскошных дворцах с пирами и различными увеселениями.

Тем временем в конце XIV века на историческую сцену выступили турки-османы. Начальный период их истории окутан легендами. Род их, по-видимому, происходил из огузского племени кайы и в прошлом стоял во главе большой группы кочевников в Малой Азии. Таким образом, османы представляли собой часть волны туркменов, пришедших с востока и оттеснивших византийцев. Османы находились в союзных отношениях с сельджукскими султанами Рума; вторжение монголов и упадок сельджукского государства вынудили их переместиться в северо-западную часть Анатолии, откуда они вели почти непрерывную войну с византийцами. Ряды османского войска постоянно пополнялись за счет вновь прибывавших с востока туркменов. С помощью этих воинственных «газиев» (бойцов во имя ислама) османы расширили свои владения и поглотили все другие эмираты Малой Азии. В 1352 году османы переправились через Дарданеллы на Галлипольский полуостров и завоевали значительную часть Балкан. В 1394 году османский султан Баязид I (1389–1402) получил от халифа аль-Мутаваккила I (1362–1406) титул султана Рума. Правда, в 1402 году его войско было разбито Тимуром под Анкарой, но в последующие десятилетия османам удалось восстановить часть своей империи в Малой Азии и овладеть многими областями Ближнего Востока. В 1453 году османский султан Мехмед II взял штурмом Константинополь и тем самым подвел черту под существованием Византийской империи.

В течение многих лет отношения между мамлюками и османами были дружественными. Первые столкновения между ними начались во второй половине XV века и носили характер пограничных инцидентов. В 1481 году османским султаном, преодолев сопротивление своего брата-соперника Джема, стал Баязид II (1481–1512). Джем бежал в Каир и предпринял безуспешную попытку силой добиться султанского трона. Это окончательно испортило отношения мамлюков и османов, хотя ни Баязид, ни Каит-бай не решались на открытый

конфликт. Каит-бай даже сделал попытку примирения, отправив в 1485 году от имени халифа грамоту, по которой Баязид назначался помощником мамлюкского султана в Анатолии и других, завоеванных им территориях. Разумеется, это пожалование безвластного аббасида не произвело на Баязида никакого впечатления, начавшиеся были переговоры между Баязидом и Каит-баем в 1491 году завершились ничем.

В 1496 году Каит-бай умер, и в последующие пять лет на престоле сменилось пять султанов. Первый из них, ан-Насир Мухаммад (1496—1498), сделал попытку создать новое войско, способное владеть огнестрельным оружием. До этого пушки использовались в мамлюкском войске только при осаде городов, а ружьями были вооружены только пехотинцы — чернокожие мамлюки и вспомогательные отряды, в которых служили немамлюкские солдаты («авлад ан-нас»).

Мамлюки высокомерно отказывались принять на вооружение ружья и пушки, которыми уже располагало, по примеру европейских армий, османское войско. Использование во время боя огнестрельного оружия они считали делом «неблагородным». Они держались за «законное и почетное» оружие османской пехоты — копье, меч и лук и соответственно за былую тактику ведения войны. Подобная позиция мамлюкской касты объяснялась социально-психологическими причинами — употребление нового оружия, по их понятиям, уравнивало их в правах с чернокожими рабами, их собственными детьми от местных жительниц и ремесленниками-горожанами. А это уже выглядело как покушение на их неограниченную власть, что и стало одной из причин, побудивших их убить ан-Насира Мухаммада. Преемником его был избран аз-Захир Кансух (1498—1500), но и он был вскоре смещен, а на султанский престол возведен шестидесятилетний Кансух аль-Гаури (1501—1517), он столкнулся с теми же проблемами, что и его предшественники. Враждовавшие между собой мамлюкские клики во главе со своими неуправляемыми лидерами не желали ему подчиняться, а в казне постоянно ощущался недостаток денег. Что любопытно, насущная необходимость заставила Кансуха аль-Гаури формировать части, вооруженные огнестрельным оружием; солдат для них он рекрутировал из наемников и местных жителей, в первую

очередь городских ремесленников, а военное снаряжение закупал в Европе.

Большие средства Кансух аль-Гаури расходовал на создание военного флота для защиты средиземноморского побережья Египта и Сирии от пиратских набегов и обороны Красного моря от вторжения португальцев. В 1486 году португальские корабли достигли на юге Африки мыса Доброй Надежды, а весной 1498 года Васко да Гама добрался до западного побережья Индии и высадился в Калькутте — центре индийской, персидской и арабской торговли. В дальнейшем важное значение для португальского господства в Индии имел захват торговых и стратегических пунктов — Адена у выхода из Красного моря в Индийский океан и Ормуза в Персидском заливе. Овладев этими пунктами, португальцы перерезали старый торговый путь из Индии в Александрию через Красное море и нанесли удар как по транзитной торговле Египта, так и по монополии итальянских городов на торговлю с Индией.

Португальский флот пытался воспрепятствовать плаванию мусульманских кораблей за пределами Красного моря, и побуждаемый венецианскими купцами Кансух аль-Гаури принял ответные меры. В 1505 году он направил флот под командованием Хусайна аль-Курди в Индию, а в 1508 году объединенный флот египтян и индийского княжества Гуджарат нанес поражение португальскому флоту. Впрочем, в 1509 году португальцы взяли реванш, разгромив египетский флот.

Угроза со стороны португальцев заставила османов и мамлюков на время объединить свои силы. В 1511 году Баязид II отправил мамлюкам порох и лес для постройки кораблей. В Суэцком заливе мамлюки соорудили флот, и в 1515 году новая военная экспедиция была готова к отправке. Османы приняли в ней участие, послав отряд из двух тысяч моряков под командованием Сельмана Реиса, который действовал совместно с Хусайном аль-Курди. Флот союзников дошел до Йемена, захватил Забид, но его атака на Аден окончилась неудачей. Поход оказался не слишком успешным, однако египтяне сумели создать для себя в Йемене опорный пункт, которым позднее пользовались османы, для того чтобы не пускать португальский флот в Красное море.

Сотрудничество османов и мамлюков в войне с португальцами было непродолжительным. Ситуация изменилась, когда на смену осторожному политику Баязиду II пришел его воинственный сын Селим I Грозный (1512–1520). Еще в начале XVI века в Азербайджане курдом по происхождению и тюрком по языку Исмаилом I (1501–1524) было основано шиитское государство Сефевидов (1501–1786). Объявив себя очередным перевоплощением шиитских имамов, Исмаил I основал в Ардабиле особый суфийский орден «сафавия» и, сделав этот город своей базой, стал постепенно расширять свои владения. В 1508 году он сумел присоединить к ним Ирак с Багдадом и почти весь Иран. Основанное им государство сразу же оказалось во враждебных отношениях с суннитским османским султаном. Кризис разрешился, когда в 1514 году Селим I вторгся на территорию Сефевидов и нанес поражение Исмаилу I в самом Азербайджане.

Кансух аль-Гаури был весьма обеспокоен усилением своего османского соседа. Он решил поддержать Сефевидов и под предлогом посредничества между воюющими сторонами, покинув Каир, переехал в Алеппо, где сконцентрировал большую, но находившуюся в весьма беспорядочном состоянии армию. Селим I, планировавший новый поход против Исмаила, решил не оставлять своего потенциального противника на фланге и не подвергать свою армию опасности. Поэтому он предпочел сначала нанести удар по мамлюкскому войску. В августе 1516 года к северу от Алеппо, при Мардж Дабике состоялось сражение, сыгравшее решающую роль в судьбе мамлюкского государства. Армия мамлюков была разгромлена, а Кансух аль-Гаури умер во время боя. Мамлюки обратились в бегство, а Селим I вступил в Дамаск и за месяц овладел всей Сирией.

Покидая Каир, Кансух аль-Гаури назначил своим заместителем Туман-бая, который прославился не столько ратными подвигами, сколько умением собирать в Верхнем Египте налоги. Теперь на его долю выпало осуществление гораздо более серьезной задачи. Потерпевшие поражение мамлюкские эмиры настаивали на том, чтобы он принял на себя должность султана, но перед лицом возникших трудностей прежде раввавшийся к власти Туман-бай согласился занять этот пост весь-

ма неохотно. Возведение его на трон состоялось без обычной торжественности по сокращенному ритуалу, ибо халиф аль-Мутаваккил III в это время находился в плену у османов.

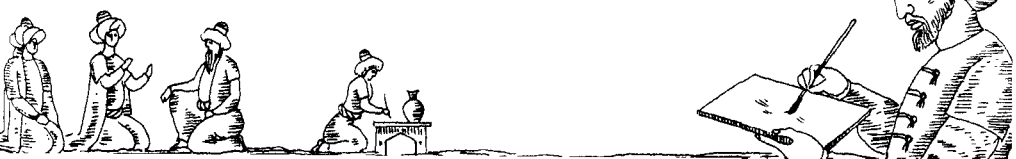
Разбив мамлюков в Сирии и обеспечив тем самым безопасность своих флангов в войне с Сефевидами, Селим I соби-рался этим ограничиться. Он вовсе не стремился к завоева-нию Египта. Но мамлюкские перебежчики, исходя из своих корыстных интересов, всячески побуждали его вторгнуться в Египет и добились своего. Совершив тяжелый переход че-рез Синайскую пустыню, войско Селима I подошло к Каи-ру. Сражение состоялось 23 января 1517 года, и мамлюкское войско в очередной раз было разбито. Селим I вступил в Каир, а уже на следующий день в хутбе, в главной каирской мече-ти, было произнесено его имя. Туман-бай бежал на юг Егип-та и собрал там армию из остатков мамлюкского войска и бе-дуинов. В апреле 1517 года произошло последнее сражение в районе Гизы, в котором мамлюки опять потерпели пораже-ние. Туман-бай был выдан османам и казнен. Египет вошел в состав Османской империи.

Оценка роли мамлюков в истории Египта весьма противо-речива. С одной стороны, эти чуждые коренному населению страны властители жестоко угнетали жителей и, по мнению современных египетских историков, затормозили ее эконо-мическое и культурное развитие. С другой стороны, в то вре-мя как исламские общины Месопотамии и Сирии, а также восточных областей исламского мира страдали от варварских нашествий и подвергались страшным разрушениям, египет-ские мамлюки сумели защитить Египет и спасти долину Ни-ла от завоевателей и тем уберечь страну от страшного опусто-шения.

Глава 15

Арабо-мусульманская культура VIII–XV веков

На определенном этапе средневековой истории, особенно в эпоху, когда все мусульманские народы входили в со-став единого государственного образования — Халифата, —

сложилась и получила развитие арабо-мусульманская культура, на формирование которой решающее влияние оказали исламская религия и арабский язык. Всякий мусульманин был в первую очередь членом общемусульманской общины, а уже потом — жителем того или иного города, провинции, выходцем из той или иной этнической группы. Единство разросшейся до огромных размеров уммы скреплялось общностью религиозных законов, обрядов и норм поведения, основанной на Коране и мусульманских преданиях (хадисах).

Весьма важным фактором, способствовавшим широкому и сравнительно быстрому распространению арабского языка, было отсутствие языкового единства в вошедших в состав Халифата странах. Литературный арабский язык как бы «денационализировался», стал восприниматься не только как язык завоевателей, но в первую очередь как элемент общей культуры. Всякий образованный мусульманин — иранец или тюркок, житель далекой Андалусии или Индии — стремился овладеть языком священного Корана и обширной богословской литературы. Безукоризненное владение арабским языком стало обязательным не только для духовенства, но и для служилой интеллигенции — чиновников и юристов — и, разумеется, для литераторов. Распространение арабского языка благоприятно сказывалось на развитии арабо-мусульманской науки, помогало общению между учеными. Языковое единство облегчало освоение образованными людьми античного культурного наследия, ставшего благодаря деятельности переводчиков культурным достоянием всех образованных мусульман.

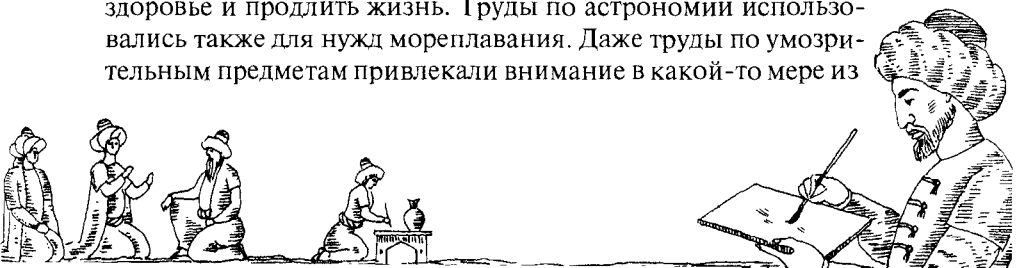
Средневековая арабская культура создавалась многими населявшими Халифат народами и впитала традиции чрезвычайно пестрой в этническом отношении среды. Этим в значительной степени был обусловлен ее расцвет в VIII—XII веках. Разумеется, политический распад Халифата, начавшийся еще во второй половине VIII века, повлек за собой известную культурную дезинтеграцию. Под влиянием местных доисламских верований складывались секты и ереси, в отдельных, отдаленных от центра государства провинциях все больше давали о себе знать местные культурные традиции, возрождение которых в конечном итоге привело к формированию местных национальных культур. Развитие словесности на местных

языках в ираноязычных, а позднее и в тюркоязычных областях мусульманского мира в известной мере обескровило арабоязычную культуру. И тем не менее язык священной книги и после распада Халифата не утратил своего значения в качестве орудия культурного творчества, на нем продолжали писать свои труды богословы, ученые и философы вне зависимости от того, к какой этнической группе они принадлежали.

Деятельность арабских переводчиков

Особенно плодотворно повлияли на развитие арабской светской научной и философской мысли переводы на арабский язык античных, иранских и индийских текстов, — это была одна из самых продуктивных в истории человечества попыток усвоения чужого научно-философского наследия. Нам уже приходилось касаться деятельности переводчиков при дворе халифа аль-Мамуна (см. главу 4). Это были образованные сирийцы, греки и персы, познакомившие арабов с трудами Архимеда и Птолемея, Гиппократа и Галена, Платона и Аристотеля по математике, астрономии, медицине и философии, с индийским медицинскими трактатами и персидскими историческими и дидактическими сочинениями. Работа по переводу научных и философских трудов в Халифате велась гораздо масштабнее, чем в средневековой Европе, предназначалась для гораздо более широкой аудитории мусульманской «интеллигенции» и носила светский характер.

В отличие от переводчиков, трудившихся в Европе под руководством и контролем христианского духовенства, деятельность арабских переводчиков не была продиктована религиозно-дидактическими целями. Они в первую очередь переводили греческие и индийские сочинения, содержавшие практически полезные знания. Их интересовали сочинения по астрологии и астрономии, алхимии и медицине, ибо их «заказчиков» прельщала возможность при помощи астрологии — узнать будущее, при помощи алхимии — обрести власть над природой и людьми, при помощи медицины — сохранить здоровье и продлить жизнь. Труды по астрономии использовались также для нужд мореплавания. Даже труды по умозрительным предметам привлекали внимание в какой-то мере из

практических соображений. Так, соперничество между сектами в исламе, а также между исламом и другими вероучениями стимулировало перевод трудов по философии и логике, воспринимавшихся как могучее средство в религиозной полемике.

В силу ориентации на практически полезные знания переводчики игнорировали почти все, что выходило за пределы науки (как они ее понимали в Средние века) и философии. Поэтому греческое влияние, столь плодотворное в области точных и естественных наук и философии, почти не коснулось арабской поэзии и художественной прозы. Традиционная исламская идеология не могла мириться с языческим духом греческой литературы и мифологии. Арабы в Средние века так и не познакомились ни с Гомером, ни с великими драматургами Греции, ни с древнегреческими лириками.

Искусство перевода рассматривалось как специальность, требующая особых навыков и хорошего знания языков, причем, как и во всяком средневековом ремесле, тонкости этого искусства передавались из поколения в поколение. Особенно прославились в качестве переводчиков с греческого сириец Хунайн ибн Исхак (810–873) и его сын Исхак ибн Хунайн (умер в 911 году), сабий из Харрана Сабит ибн Курра (836–901), сириец из Балабакка Коста ибн Лука (820–912), а с персидского — аль-Хасан ибн Сахл (умер в 850 году) и Абдаллах ибн аль-Мукаффа (721–757). Особенно прославились переводческой деятельностью члены семейства аль-Мунаджим.

Наука

Главными центрами изучения чисто арабских наук, в первую очередь филологии, были относительно новые, основанные арабскими завоевателями города Куфа и Басра. Разумеется, традиционные арабские науки изучались также и в основанной Аббасидами столице империи — Багдаде.

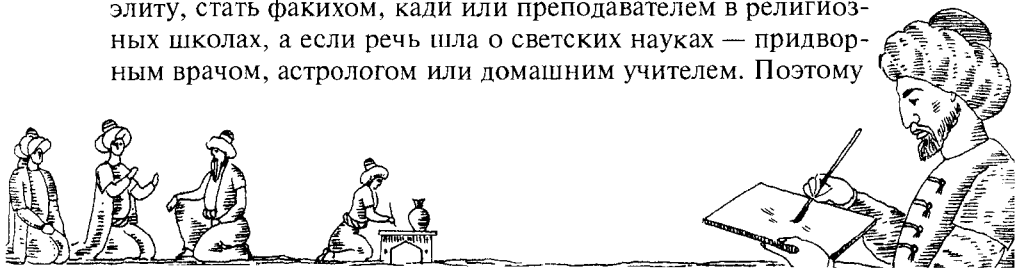
Центрами изучения иноземных наук были старинные средоточия греко-эллинистической культуры — Александрия и Антиохия, Джундишапур, ар-Руха (Эдесса), где процветали светские науки (медицина, математика, астрономия). Существовавшая к моменту арабского завоевания греческая меди-

цинская школа в Александрии продолжала функционировать и при арабах, в начале VIII века она переехала в Антиохию, а позднее, в середине IX века, в Харран. В Эдессе и Антиохии были большие колонии христиан несторианского толка. В качестве знатоков точных наук, медицины и философии жившие в этих городах греки и сирийцы выполняли важную культурную миссию, многие из них после арабского завоевания стали придворными врачами, астрологами и занимали в государстве различные высшие должности. В Джундишапуре греко-сирийская медицинская школа возникла еще в период сасанидского господства.

Важнейшим центром изучения и развития античной и эллинистической научной мысли был Харран в Месопотамии. Населявшие его сабии, чьи религиозные верования включали почитание звезд и опирались на греческую философскую мысль, сохраняли верность своей религии и после арабского завоевания. В IX–X веках из числа образованных харранских сабиев выдвинулись многие ученые — математики, астрономы, философы и врачи.

Обучение наукам светского и религиозного характера было поставлено в Халифате очень широко. Первоначально преподавание богословия и фикха (мусульманского права) происходило непосредственно в стенах мечетей, а позднее в возникших в X веке специальных учебных заведениях — медресе. Преподавание обычно сводилось к диктовке ученым-богословом уже написанной им книги. Светские науки иногда также изучались в стенах мечетей, но чаще прославленные учителя работали с учениками у себя дома.

В отличие от средневековой европейской университетской системы с иерархией в корпорации ученых, преподаватели мусульманских учебных заведений не знали корпоративной ответственности. Прослушав курс у определенного учителя, арабский студент получал от него «иджазу» (свидетельство о квалификации). Чем известнее были учителя, удостоверявшие квалификацию студента, тем больше было у него впоследствии шансов проникнуть в научную мусульманскую элиту, стать факихом, кади или преподавателем в религиозных школах, а если речь шла о светских науках — придворным врачом, астрологом или домашним учителем. Поэтому

арабский студент, желавший заслужить репутацию образованного человека, переходил от учителя к учителю и накапливал «иджазы».

Во времена расцвета арабской культуры (VIII–XII века) люди науки пользовались в обществе большим уважением. Ученый был окружен почетом, даже если он происходил из беднейших слоев общества. Аль-Джахиз в «Книге красноречия» писал: «Без четырех вещей не может обойтись человек даже из знати — нельзя не вставать перед своим отцом, нельзя не услужить гостю, нельзя не заботиться о своем коне и не почитать ученого». Представление о науке на протяжении веков постепенно менялось и развивалось. Еще в Коране говорится об облагораживающем влиянии знания и рекомендуется стремиться к науке. В эпоху раннего ислама под наукой понималась в первую очередь грамотность, а затем знание Корана и богословия. Впоследствии, начиная с VIII века, понятие науки расширяется и охватывает разные дисциплины, включая математику, астрономию и многие другие отрасли знаний.

Ученый в Средние века считался образцом для всех мусульман. Арабский историк Мискавайх (умер в 1030 году) по этому поводу говорил: «Наука открывает свое лицо только тому, кто проводит ночи в неустанных научных занятиях. Нужно оставить все дурные привычки, не давать воли своим мирским страстям, покинуть общество друзей, уклониться от праздных разговоров, устремлять свой взор в глубины истины».

Средневековые философы и историки уделяли особое внимание классификации известных им наук. При этом они четко различали две области научных знаний: арабо-мусульманские науки, к которым они относили, наряду со специфическими исламскими отраслями (изучение Корана, хадисов и мусульманского права), также филологию и «иноземные науки», то есть все те области знаний, которые были восприняты арабами в результате контактов с другими народами.

Развернутая классификация наук содержалась в труде историка и социолога Ибн Халдуна (1332–1406) в его знаменитом «Введении» («Мукаддима») к сочинению по истории. В традиционные арабские науки Ибн Халдун включал, кроме изучения Корана, хадисов и мусульманского права, также теологию (калам), мусульманский мистицизм (тасаввуф)

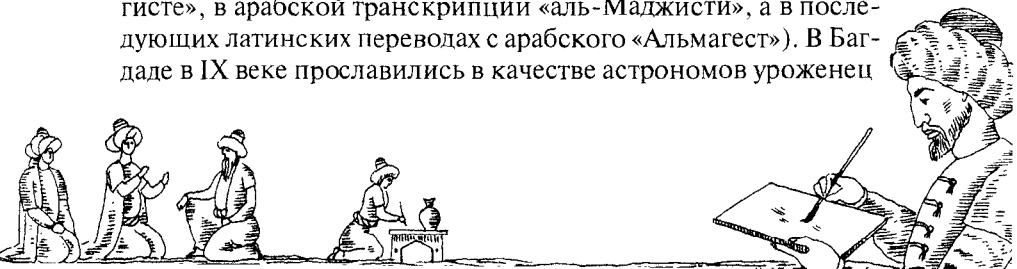
и даже толкование снов, а также филологию в широком смысле — в первую очередь изучение арабского языка и арабской поэзии. К иноземным областям знаний, которые он объединял под общим названием «философия», Ибн Халдун относил логику («Органон» Аристотеля), физику (куда он включал медицину, науку о сельском хозяйстве, магию, учение о талисманах, демонстрацию фокусов и алхимию), метафизику, математику (включая вопросы торговли и наследования), оптику, составление астрономических таблиц, астрологию и музыку.

Замечательных успехов достигла арабская средневековая медицина, в которую существенный вклад внесла сирийско-христианская семья Бохтишо (IX век), а также уроженец Рея иранец Абу Бакр ар-Рази (Разес; умер в 925 году) и прославленный ученый и философ из Бухары Ибн Сина (Авиценна; 980–1037). В сирийско-несторианской школе Джундишапура медицина изучалась в основном по Гиппократу и Галену, причем около 800 года врач Джабраил из семьи Бохтишо, преподаватель джундишануровской школы, открыл в Багдаде первую больницу («бимаристан»).

Труд замечательного врача и философа Абу Бакра ар-Рази «Книга по медицине» («Китаб ат-тибб аль-мансури»), равно как и другие его медицинские сочинения, содержит описание всех известных в его время болезней, основанное как на трудах греческих, сирийских и индийских ученых, так и на личных наблюдениях автора.

Еще большую популярность в Средние века приобрело главное сочинение Ибн Сины по медицине, знаменитый «Медицинский канон» («аль-Канун фи-т-тибб»), который на протяжении многих веков был одним из основных медицинских и фармакологических пособий как в странах Востока, так и в средневековой Европе.

Арабские математики и астрономы унаследовали традиции как греческих ученых, так и индийских. В конце VIII или в начале IX века на арабский язык было переведено главное сочинение Птолемея (II век н. э.) — «Величайшее» (греч. «Мегисте», в арабской транскрипции «аль-Маджисти», а в последующих латинских переводах с арабского «Альмагест»). В Багдаде в IX веке прославились в качестве астрономов уроженец

Балха Абу Машар (Альбумасар; умер в 886 году) и уроженец Хорезма Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми (Алгорисмус; умер в середине IX века), автор трудов по алгебре, арифметике (познакомивших арабов и Европу с индийским обозначением чисел) и математической географии, которые считались в Европе основополагающими до XVI века. (Имя аль-Хорезми сохранилось в термине «алгоритм», а термин «алгебра», *араб.* «аль-джабр», обязан своим происхождением его математическому трактату «Китаб аль-мухтасар фи хисаб аль-джабр ва-ль-мукабала» — «Краткий трактат по расчету восстановления и противоположения».) Из Ферганы происходил выдающийся астроном Ахмад аль-Фергани (Альфраганус; умер в 861 году). С именем выходца из Харрана математика и астронома аль-Баттани (Альбатегниус; умер в 929 году) связывают обычно создание теории тригонометрических функций.

Астрономические представления арабов в Средние века мало чем отличались от птолемеевских. Арабы считали Землю центром мироздания, вокруг которого вращается восемь небесных сфер, несущих Солнце, Луну, пять планет и неподвижные звезды. Теоретические проблемы астрономии интересовали арабов меньше, чем составление астрономических таблиц (зиджи), имевших практическое значение. Такие астрономические таблицы составлял, используя индийские и иранские материалы, аль-Хорезми. Особой точностью отличались таблицы аль-Баттани, к которым были приложены разделы и по географии, намного превосходившие по достоверности и широте охвата материала сочинения греческих и латинских авторов.

Велик вклад арабских ученых во все области географической науки. Труды арабских географов, несомненно, могут быть отнесены к самым замечательным памятникам арабской науки IX—XI веков. Ученые, жившие при дворе аль-Мамуна, составляли карты Халифата и производили в связи с этим первые астрономические вычисления. Важнейшими географическими трудами были «Книга путешествий и государств» придворного аббасидского чиновника перса Ибн Хордадбега (ок. 820 — ок. 912), в которой описания маршрутов как внутри Халифата, так и за его пределами сочетаются с разнообразными географическими и этнографическими сведениями,

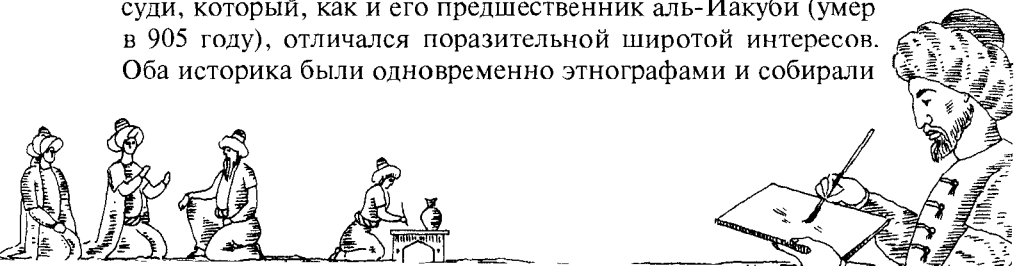
«Золотые россыпи и рудники самоцветов» араба аль-Масуди (умер в 956 году), сочинение уроженца Балха Абу Зайда (умер в 934 году), переработанное позднее его современником, уроженцем Фарса аль-Истахри (умер в 934 году), а еще позднее — уроженцем северомесопотамского города Нисибина Ибн Хаукалем (X век).

В арабских географических трудах X века содержится подробное описание различных областей мусульманского мира от Испании на западе до низовий Инда на востоке, их городов, ремесел и торговли, флоры, фауны и климата. Населенную часть земли арабы, вслед за греками, делили на семь поясов, или климатов, причем самым благоприятным для жизни считали четвертый, куда входили культурные центры мусульманского мира, главным из которых был Багдад.

Особое место в арабской научной литературе занимали произведения описательной географии, с которыми были тесно связаны всевозможные рассказы о путешествиях. Хотя авторы этих сочинений свою главную задачу видели в том, чтобы развлечь читателя рассказом о невероятных приключениях в заморских странах, и хотя эти произведения скорее следует отнести к изящной словесности, во многих случаях они содержали также ценные географические сведения и обширный этнографический материал.

Весьма важную роль в развитии средневековой арабской науки и культуры сыграли многочисленные историки — большей частью иранского происхождения, — связанные с иранской историографической традицией. Начало арабской историографии положили записи преданий — как древнеарабских племенных, так и раннемусульманских (хадисов). На основе этих преданий в VIII веке складывались сочинения о жизни и деятельности Пророка. В IX веке появились исторические сочинения, посвященные арабским завоеваниям: труд историка аль-Балазури (умер в 892 году) и сочинение по истории Багдада Ахмада ибн Аби Тахира Тайфура (умер в 893 году).

Одним из самых замечательных арабских историков, несомненно, был уже упомянутый нами среди географов аль-Масуди, который, как и его предшественник аль-Йакуби (умер в 905 году), отличался поразительной широтой интересов. Оба историка были одновременно этнографами и собирали

разнообразные историко-географические материалы во время своих путешествий по странам исламского мира.

Первой попыткой создания всемирной истории явился многотомный труд перса ат-Табари (умер в 923 году) «История пророков и царей», в котором в качестве введения к собственно мусульманской истории дается обзор истории всемирной. Позднее традицию составления «всемирной истории» продолжил Ибн аль-Асир (1160–1234).

С дезинтеграцией мусульманского мира появились местные исторические хроники, причем вершиной локальной историографии стал труд перса Мискавайха (умер в 1030 году), который в «Книге опыта народов» отказался от традиционного мусульманского взгляда на историю и исходил из секуляризованной концепции исторического процесса, выдвинув на первый план назидательное значение историографии.

С X века начинают составляться династийные истории — часто по приказу и под наблюдением правителей. Апологетический характер этих сочинений и претенциозность их стиля, сложившегося под влиянием деловой прозы секретарских посланий, невыгодно отличают эти «официальные» труды от правовых повествований ранних арабских историков. К сочинениям подобного рода можно отнести «Историю Аббасидов» ас-Сули (умер в 946 году).

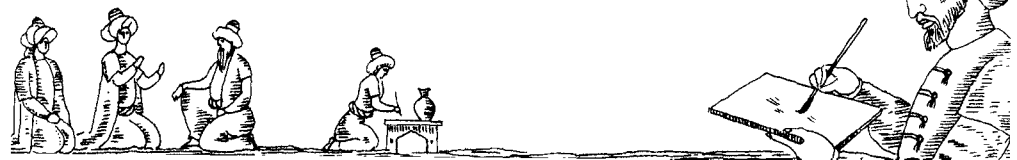
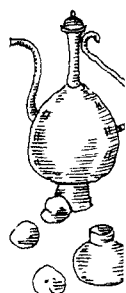
Особое место в арабо-мусульманской культуре занимает гениальный хорезмиец аль-Бируни (973–1048). Его «Памятники минувших поколений», «Индия» и другие сочинения охватывают весь круг знаний того времени. В равной мере аль-Бируни интересовали астрономия и математика, физика и минералогия, история, география, этнография. Интересно, что в сохранившихся до наших дней его сочинениях нет никаких следов мусульманских канонических наук: богословия и фикха. Отдавая предпочтение иранской традиции во всех областях истории культуры и относясь отрицательно к влиянию культуры арабских пришельцев, аль-Бируни тем не менее объявляет арабский язык единственно пригодным для научных целей. Впрочем, к арабской системе письма он относится критически, усматривая ее главный недостаток в сходном написании букв и в необходимости для их разли-

чения ставить точки, отсутствие которых делает текст трудным для понимания.

В отличие от естественных и точных наук, а также философии, возникших на основе греческих, иранских и индийских традиций, все отрасли арабской филологии (изучение языка, поэзии, ораторского искусства) складывались на собственной арабской почве, хотя их формированию, разработке методики научного мышления и организации фактического материала, да и самому интересу к абстрактным построениям во многом способствовала греческая философская мысль. В VII–IX веках выделяется в качестве самостоятельной области филологии также и арабское языкознание.

В то время как греческие грамматисты исходили в своих трудах из философских доктрин, арабские средневековые лингвисты были эмпириками, что положительно сказалось на выявлении ими общих принципов построения арабского литературного языка. Собирая, систематизируя и изучая языковые факты, арабские лингвисты сумели выявить различия между арабскими буквами и звуками, произвести предварительную классификацию звуков по физиологическому принципу, раскрыть природу фонетических особенностей языка и составить множество толковых словарей различных типов.

Арабское языкознание первоначально возникло в местах поселения арабов-завоевателей — в Басре и Куфе. Из басрийских лингвистов более всего прославились создатель теории арабской метрики аль-Халил (умер в Басре в 791 году), который в своем труде «Книга об аруде», как гласит традиция, впервые проанализировал структуру арабского стиха, определил различные размеры и дал им наименования, его ученик — перс из Шираза Сибавайх (умер в 800 году), которого считают создателем арабской грамматики, и аль-Мубаррад (826–898), а из соперничавших с басрийцами куфийских лингвистов — аль-Кисаи (умер в 806 году), Салаб (815–904), Абу Бакр аль-Анбари (885–940). Позднее работы басрийских и куфийских лингвистов обобщил Абу-ль-Баракат аль-Анбари (1119–1181).

Философия

Возникновение арабо-мусульманской философии в еще большей мере, чем развитие естественных и точных наук, связано с усвоением греческого наследия. Немалую роль здесь сыграли и личные контакты. Например, уже упоминавшаяся выше Александрийская школа, один из главных очагов греческой философской мысли и научных знаний в предшествовавшую арабским завоеваниям эпоху, продолжала свою деятельность с начала VIII века в Антиохии, где во второй половине IX века получил образование философ аль-Фараби. В первые века ислама жители покоренных территорий еще не утратили связи с античной традицией и продолжали оставаться носителями эллинистической культуры и философской мысли. Процесс арабизации не нарушил преемственные связи с Античностью, и с середины IX века все большую роль в ознакомлении образованной элиты Халифата с греческой философией начинает играть деятельность переводчиков.

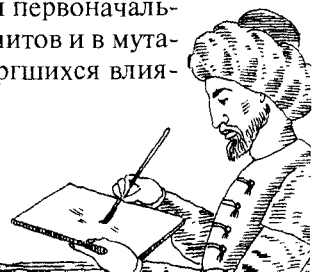
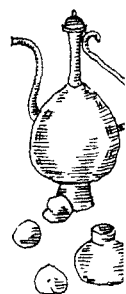
Первые переводчики сочинений греческих философов были оригинальными мыслителями с широкими философскими интересами. Так, упомянутый выше переводчик Коста ибн Лука занимался изучением философской терминологии. Он составлял комментарии к переводимым трудам, а в своих оригинальных сочинениях умело использовал метод научного анализа, позаимствованный из произведений греческих авторов. Комментарием трудов греческих философов, особенно Аристотеля (по-видимому, на основании уже выполненных переводов), занимались основатель арабской философии аль-Кинди (умер в 873 году), знаменитый философ, «второй учитель» после Аристотеля аль-Фараби (умер в 950 году), Ибн Сина, Ибн Рушд (1126–1198) и многие другие.

Поскольку арабо-мусульманская философия зародилась в среде переводчиков и комментаторов сочинений греческих философов, первоначально она являлась как бы продолжением греческой философской мысли, переработанной в мусульманском духе и согласованной с основными догматами ислама. Переводчики-сирийцы разработали арабскую научную и философскую терминологию, ставшую позднее универсальным научным языком всех арабо-мусульманских ученых.

В странах мусульманского Востока философия считалась «наукой наук», которая должна была отвечать на самые разнообразные вопросы. Такому взгляду на философию полностью соответствовало представление о философе как об ученом широких интересов и энциклопедических знаний, почти волшебнике, способном творить чудеса. Положение ученого-философа в арабо-мусульманском средневековом обществе в значительной мере отличалось от положения его западноевропейских коллег. В то время как в Западной Европе философия — эта «служанка богословия» — изучалась и преподавалась в университетах под контролем церкви, требовавшей от философа строгого подчинения теологической доктрине, в странах мусульманского Востока в университетах преподавались лишь теология и мусульманское право (фикх). Исключение в этом смысле представлял, вероятно, «Дом мудрости» аль-Мамуна, просуществовавший сравнительно короткое время.

Мусульманский философ, не являясь «служащим» клерикально-правительственного учреждения, часто жил медицинской практикой или состоял в должности придворного астролога или алхимика. Таким образом, медицина или (в меньшей мере) астрология были практическим применением философских знаний. Не имея признанной социальной функции, арабский философ в меньшей степени, чем европейский, был зависим от официального духовенства. «Невключенность» в жесткую структуру мусульманского общества делала его более чутким к социальным проблемам. Неудивительно поэтому, что социальные вопросы заняли столь важное место в философских спорах IX–X веков.

Разумеется, не стоит преувеличивать «свободомыслие» в средневековом исламе. Традиционный суннитский ислам во все времена с недоверием и даже враждебностью относился ко всякой философской мысли, и сторонники строгого следования традиции ожесточенно нападали на теологов-мутакаллимов, пытавшихся истолковать священные тексты с позиции разума, особенно на мутазилитов. Именно поэтому арабо-мусульманская философия зародилась и первоначально развивалась почти исключительно среди шиитов и в мутазилитских кружках, в большей степени подвергшихся влия-

нию греко-эллинистических религиозно-философских идей. Только в этой, более свободной от традиционной догматики и более образованной сравнительно с правоверным суннизмом среде могло сложиться направление мысли, чуждое, а порой и враждебное традиционному суннитскому богословию.

Восприятие арабскими учеными греческого философского наследия шло сложными путями. Арабы начали знакомиться с греческой философией по трудам ее поздних комментаторов, излагавших в своих обобщающих сочинениях учение эллинских мудрецов без исторической перспективы, как единую законченную систему. Поэтому и арабские ученые восприняли греческое философское наследие как нечто единое. Аристотель представлялся им вершиной греческой философской мысли, а в сочинениях греческих философов послеаристотелевского времени они видели лишь комментарии к его трудам. Даже неоплатоников, которых они лучше всего знали, они не считали оригинальными мыслителями и рассматривали их философскую систему лишь в свете аристотелевского влияния.

Однако представление арабо-мусульманских философов о греческой философской мысли как «едином потоке» не мешало им замечать различия во взглядах Платона, Аристотеля и их позднейших интерпретаторов. Воспринимая греческую философию как нечто единое, арабо-мусульманские ученые все же производили в ней свой отбор и, отдавая предпочтение наиболее волновавшим их проблемам или по-иному расставляя акценты, обнаруживали этим самостоятельность своей мысли. Позаимствовав из греческой философии общее представление о мире, теорию эманации, учение о душе и разуме, человеке и человеческих знаниях, овладев сложной греческой философской терминологией, которая отныне стала их собственным научным языком, арабо-мусульманские философы попытались сформулировать синтезированную в трудах эллинистических ученых греческую философскую мудрость в духе мусульманского (чаще — неортодоксального) вероучения.

Значительное влияние на арабо-мусульманскую философию оказал знаменитый врач и мыслитель древности Гален (131–201). Идея Галена о том, что медицина должна иметь

философское обоснование, а врач должен быть одновременно и философом, была близка арабским ученым. Возможно, под влиянием Галена арабо-мусульманские ученые и теологи усвоили идею гармонии частей вселенной и органов тела как свидетельство существования божественного провидения.

Мусульманские теологи (как и средневековые христианские теологи в Европе) восприняли метафизику Аристотеля и его учение о неподвижной первопричине всего «сущего» как научное подтверждение своих доктрин. Позаимствовали они также и логику Аристотеля в качестве формального инструмента изложения своего учения и оружия в догматических спорах.

Естественно, что многое в воззрениях языческих философов вызывало нарекания правоверных мусульман. Так, арабский биограф выдающихся людей мусульманского государства Ибн аль-Кифти (1172–1248) с негодованием писал о Фалесе Милетском, называя его «зиндиком». И даже некоторые положения учения Аристотеля, несмотря на преклонение мусульманских теологов перед его авторитетом, принимались ими с существенными поправками. В частности, они не могли принять его утверждения, что мир вечен и не имеет во времени ни начала, ни конца, а стало быть, Божество не есть причина мира, что Божество не имеет цели вне себя и что цель постоянно происходящего в природе процесса образования и разрушения материи — приближение материи к духу, к победе над материей, осуществляющейся наконец в человеке.

В общих чертах арабо-мусульманская средневековая философия может быть сведена к двум направлениям. Первое и основное нашло свое выражение в трудах тех философов и теологов, которые в своих теориях и представлениях исходили из греческой философской мысли (Платона, Аристотеля, неоплатоников и перипатетиков-аристотелянцев). История мусульманского аристотелянства отчетливо делится на два периода. Первый (IX–XI века) в основном был связан с деятельностью мыслителей восточных областей Халифата: араба из Басры аль-Кинди (Алkindус), тюрка из Средней Азии аль-Фараби (Авеннасар) и иранца из Афшана (около Бухары) Ибн Сины (Авиценны). Второй период охватывает XII–XIII века

и был представлен в основном арабскими учеными и мыслителями запада Халифата, в первую очередь Андалусии. Среди них такие выдающиеся философы, как Ибн Баджа (Авемпаче; умер в 1139 году), Ибн Туфайл (умер в 1186 году), Ибн Рушд (Аверроэс).

Другое направление арабо-мусульманской философской мысли представлено теологами-мутакаллимами, основывавшими свои концепции на Коране, хотя и в их представлениях можно проследить влияние греческих философских школ. Это направление также прошло два периода в своем развитии: период преобладания мутазилитской доктрины (VIII—IX века) и период окончательного оформления калама (X—XII века) в трудах аль-Ашари и аль-Газали.

Промежуточное положение занимают, во-первых, мусульманский мистицизм (суфизм), возникший в недрах исламского правоверия и позднее сложившийся в трудах Ибн аль-Араби (1165—1240) и других мистиков в философскую доктрину под влиянием неоплатонизма, гностицизма и христианского сектантства, и, во-вторых, исмаилизм, выросший из шиизма и впитавший многие элементы эллинистических философских учений; к исмаилитам примыкают ученые-энциклопедисты «Братья чистоты» («Ихван ас-сафа»; X—XI века).

Особняком стоит замечательный историк, философ и социолог Ибн Халдун, не принадлежавший ни к одному из вышеназванных направлений, своим учением о зависимости человеческого общества и его развития от экономических условий он более чем на два века предвосхитил концепции европейских ученых.

Большой интерес представляет учение аль-Фараби о соотношении разума и веры в пророчестве. Аль-Фараби ставил разум выше веры, выше пророческих «откровений», которые посредством символов раскрывают истину простым людям — не философам. Он считал, что пророчества обращены к чувствам и играют лишь вспомогательную роль, в то время как возможности человеческого разума безграничны.

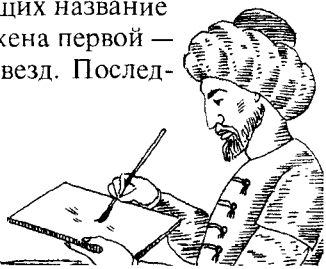
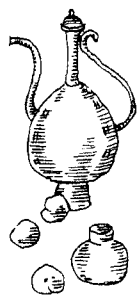
В философском учении Ибн Сины идеи Аристотеля и неоплатоников сложно переплетаются с общими принципами мусульманской теологии. Вслед за неоплатониками Ибн Сина утверждал, что мир возник путем эманации Божества, но

не по воле последнего, а в силу объективной необходимости. Вместе с тем в соответствии с традиционным положением ислама Ибн Сина признавал дуализм Бога и вселенной, духа и материи и считал единого Бога — необходимой первопричиной всего сущего.

Одна из магистральных проблем арабо-мусульманской философии — вопрос о соотношении «сущности» и «существования». Арабо-мусульманские философы-аристотельянце делали различие между «сущностью» и «существованием», но, следуя греческой философии, в которой идея сотворения из «ничто» отсутствовала, они в соответствии с мусульманским догматом об абсолютной трансцендентности и единстве Божества различали «сущность» и «существование» во всех существах, кроме Божества, у которого «сущность» и «существование» находились в единстве. Ибн Сина различал «необходимо сущее», то есть Бога или «Первопричину», и «возможно сущее» — людей, животных, растения, то есть весь материальный мир.

С проблемой «сущности» и «существования» связан вопрос о вечности или сотворенности материи и о строении вселенной. Большинство мусульманских философов, основываясь на неоплатоновском учении об эманации, придерживались мнения о сотворенности материи. Аль-Фараби и Ибн Сина рационалистически обосновывали необходимость Творца или Первопричины, из которой эманурует мир по нисходящим ступеням «благородства». Непосредственно эманурует из Творца «Первичный Разум», за ним следует «Второй, или Активный, Разум», из которого, в свою очередь, эмануруют «земные» или «говорящие» души, а также материя.

По представлениям арабо-мусульманских средневековых ученых и философов все сущее в материальном мире состоит из «смеси» четырех элементов (воды, воздуха, огня и земли), которые в разных пропорциях совмещаются в земных телах. Земля находится в центре вселенной. Она окружена воздушной сферой, которая помещается внутри огненной сферы. Все это составляет «нижний» мир. В свою очередь, нижний мир находится внутри нескольких сфер, носящих название «небеса». Непосредственно земная сфера окружена первой — лунной сферой, затем идут сферы планет и звезд. Послед-

ней, девятой сферой кончается вселенная. Небесные сферы именуются «верхний мир». Естественное движение небесных тел — вращение, они вечно движутся вокруг земного центра. В противоположность им земные тела могут находиться в состоянии покоя, а их движение может быть только прямолинейным. Земные тела могут быть двоякого рода — одушевленные и неодушевленные. У одушевленных тел источником движения является душа, неодушевленные предметы движутся согласно своей природе (камень или вода стремятся вниз, огонь — вверх).

Политические проблемы интересовали арабо-мусульманских философов в тесной связи с религиозными вопросами. По их мнению, государство, с одной стороны, должно обеспечивать благосостояние жителей, а с другой — готовить их к будущей жизни. В представлении об идеальном государстве арабские философы исходили из учения Платона. Идеальное государство — это основанное на законах разума общество, в котором царят порядок и справедливость. Такое государство описано в сочинении аль-Фараби «Послание о воззрениях жителей идеального города». По аль-Фараби, оно подобно телу здорового человека, где каждый орган выполняет свою функцию. Сердце идеального государства — его правитель, который сочетает в себе физическое и моральное совершенство и обладает необходимыми добродетелями: он мудр, справедлив, храбр, стоек, терпелив и красноречив. Как в теле человека всякий орган знает свое дело и как во вселенной каждая вещь имеет определенное место, так и все сословия идеального государства должны безупречно выполнять свои обязанности во избежание беспорядка — источника зла.

Правитель должен в полной мере обладать философской и житейской мудростью, то есть изучать философию, политику и историю. Только тот правитель, который постигнет все эти науки и будет претворять их принципы в жизнь, может называться мудрым и справедливым. Обязанность подданных — повиноваться правителю и, честно выполняя свой долг, стремиться к самоусовершенствованию.

Учение о совершенствовании человека обусловило иное, нежели в ортодоксальном исламе, представление о пророке — не как о чудотворце, вдохновленном божественным откровением,

вением, а как о мудреце, законодателе, зовущем народ следовать принципам добра. Кроме мудрости, пророк наделен и другими высокими добродетелями, которыми он отличается от остальных людей, заботящихся только о своем благе, эгоистичных, несдержанных, склонных совершать недостойные поступки. Пророками становятся сильные люди, чей разум привел к осознанию своей миссии, их можно поставить в один ряд с лучшими учеными, мудрецами, поэтами. Пророк ничем не отличается от прочих людей, наделенных выдающимся разумом, кроме того, что он не только постиг законы разума, но и нашел в себе силы призвать к следованию этим законам свой народ.

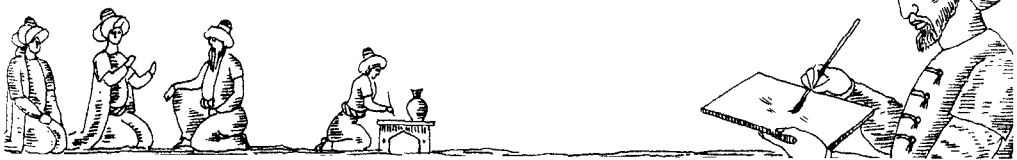

Словесное искусство

Средневековая арабская культура носила отчетливо выраженный «словоцентрический» характер. Средневековые арабы высоко ценили красноречие, искусство версификации и знание поэтической традиции. Основу этой традиции составила устная поэзия, создававшаяся в древности в среде кочевников-бедуинов Аравийского полуострова. Впоследствии, после возникновения в VII веке ислама и образования Халифата, она стала общим культурным достоянием арабизированных и исламизированных народов Азии и Африки. На протяжении тысячелетия (с VIII по XVIII век) жители Аравии, Ирака, Сирии, Египта, стран Магриба и мусульманской Испании творили поэзию, следуя древнеарабским поэтическим канонам. Образовывалась и распадалась исламская империя, изменялись политические границы отдельных арабских провинций, сменяли друг друга правящие династии, приходили с востока новые завоеватели, а средневековые поэты считали произведения своих языческих предшественников непревзойденными образцами и подражали им в тематике, композиции и стилистических приемах.

В древности сложилась основная композиционная форма арабской поэзии, знаменитая «касыда» — небольшая поэма из 80–120 стихотворных строк-бейтов, состоявшая из нескольких поэтических отрывков, представляющих собой разные жанровые формы, не связанные ни сюжетно, ни сти-

листически, но в сознании древнего бедуинского слушателя образовывавших законченную стройную картину.

Уже с конца VII века средневековый поэт рассматривал свою деятельность как профессию и источник заработка. Творчество придворных панегиристов регламентировалось нормативной поэтикой, как труд ремесленника — цеховыми предписаниями. Воспевая покровителя, поэт должен был, в соответствии с правилами канона, приписать ему традиционные добродетели: храбрость, верность исламу, щедрость.

Каждое племя, каждая политическая или религиозная группировка имели своих поэтов. В первые столетия ислама, как правило, все они стекались в столицу Омейядского халифата Дамаск, дабы прославить могущественного главу государства, халифа, и его эмиров, а заодно воспеть свое племя (или защитить ту или иную доктрину) и высмеять своих врагов. Для такого рода поэтической полемики вполне годились традиционные древние жанры — восхваления и поношения. Среди придворных омейядских панегиристов особенную известность получили аль-Ахтал (ок. 640—710), аль-Фараздак (ок. 641—732) и Джарир (ок. 653—732).

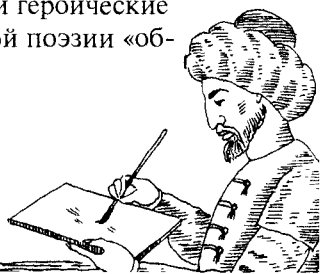
В это же время, наряду с традиционной касыдой, расцветает замечательная любовная лирика, которая также строилась по традиционному канону. Предание гласит, что умением слагать грустные любовные стихи особенно отличались поэты хиджазского племени узра. К узритским лирикам предание относит Джамила (ок. 660—701), воспевавшего свою возлюбленную Бусайну, Кайса ибн аль-Мулавваха по прозвищу Маджнун («обезумевший от любви»; умер ок. 700 года), посвящавшего стихи своей возлюбленной Лайле, и многих других. Иной была любовная лирика Хиджаза (то есть Мекки и Медины), носившая радостно-чувственный характер. Среди мастеров городской лирики здесь наиболее знаменит был мединец Умар ибн Аби Рабиа (644—712).

Переход власти к Аббасидам ознаменовался включением в литературную жизнь обращенных в ислам бывших иноверцев, в первую очередь иранского происхождения, привнесших в общемусульманскую культуру многое из своих национальных традиций. В результате возникла богатая синкретическая культура, способствовавшая расцвету арабской

литературы VIII–XII веков. Первый этап «золотого века» арабской поэзии принято именовать «обновлением». Инициаторами «обновления» арабской традиционной поэзии были выходцы из исламизированных персидских семей. Новое направление было связано с движением «шуубии», то есть с той политической борьбой, которую вела аристократия исламизированных народов, в первую очередь иранцы, за равные права с арабами-завоевателями в Халифате. Наиболее яркими выразителями этого направления были поэт-слепец, перс Башшар ибн Бурд (714–783), высмеивавший в своих стихах дикарей-бедуинов и прославлявший иранские культурные традиции, создатель жанра арабской застольной лирики Абу Нувас (756–815) и Абу-ль-Атахия (748–825) — автор поэтических медитаций философско-аскетического характера. В то время как Абу Нувас воспевал земные радости, как бы эпатуруя исламскую мораль, Абу-ль-Атахия, наоборот, обличал развращенность и высокомерие правящих сословий, забвение ими нравственных предписаний ислама и пророчествовал всеобщую погибель. Аскетически-обличительная поэзия Абу-ль-Атахи и гедонистическая лирика Абу Нуваса — как бы взаимодополняющие стороны кризисного мироощущения переломной эпохи.

Поэзия «обновления» богата картинами пышных придворных увеселений, кипучей и многообразной жизни городов, отодвинувшими на задний план описания покинутых бедуинских становищ, пустыни, охоты на диких зверей и прочих традиционных сцен доисламской жизни арабов.

В середине IX века на фоне распада империи и ослабления халифской власти возникла политическая и религиозная реакция. Волна репрессий обрушилась на все формы отклонения от официальной ортодоксии — на мусульманский рационализм, а заодно и на носителей шуубийской идеологии. Соответственно пробудился интерес к возрождению древних художественных традиций, всячески поощряемый властями, щедро вознаграждавшими поэтов за выпендривание панегрики, в которых все большее место занимали героические мотивы, ранее вытеснявшиеся новой тематикой поэзии «обновления».

Постепенно складывался арабский «классицизм» — нормализованный, подчиненный строгим правилам, ориентированный на признаваемое непревзойденным этическим и художественным идеалом древнейшее языческое искусство, которому надлежало всячески подражать. Вводя в касыду-панегирик традиционный бедуинский зачин и реалии бедуинской жизни, арабские поэты-классицисты заставляли слушателей включаться в старинную систему идейно-культурных связей и тем самым соотносили в их сознании прославляемое лицо с общеарабским героическим прошлым. Это парадоксальное сочетание культа языческой древности, составлявшее основное культурное достояние аравийских кочевников-завоевателей, с ревностной преданностью новой монотеистической религии не только объяснялось эстетическими вкусами арабской элиты, но имело и социально-политическую мотивацию. Культ исконно арабской словесности и воспеваемой в ней системы ценностей как бы утверждал духовное и моральное превосходство арабской элиты над выходцами из покоренных народов. Расцвет арабского классицизма связан с творчеством Абу Таммама (804–845), аль-Бухтури (821–897), Ибн аль-Мутазза (861–908), а позднее с именем крупнейшего арабского поэта аль-Мутанабби (915–965).

Изменение характера арабской поэзии в IX–X веках также во многом определялось новой общественной ролью поэта. Каждое знатное лицо в государстве — будь то халиф, провинциальный арабский правитель-эмир или военачальник, знатный придворный или просто горожанин-меценат — стремилось иметь в своей свите поэта, который прославил бы в стихах его подлинные или вымышленные добродетели или подвиги и осмеял бы его соперников и врагов. Считалось, что знатный вельможа не мог рассчитывать на уважение и авторитет у современников, если в его свите не числился знаменитый бард. Панегирики сочинялись по поводу всякого значительного события в жизни покровителя — вступления на халифский престол, назначения на высокую должность, рождения наследника и т.д. Поэзия обрела новую социальную функцию. Панегирик приобрел характер своеобразного «официального» документа, отражавшего общегосударственные или региональные политические интересы. Он должен

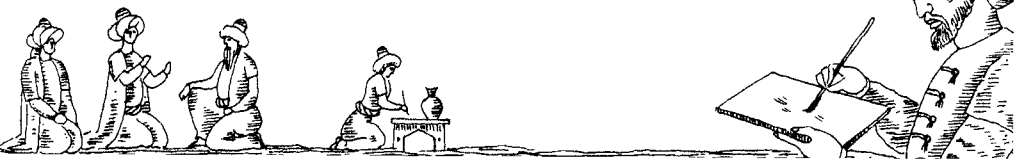
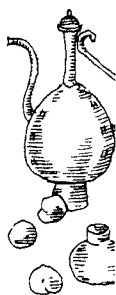
был взволновать слушателей, пробудить в них религиозно-патриотические чувства, а вместе с тем и чувство преданности воспеваемому лицу. Слог был патетичен, а порой и напыщен, причем комплиментарная часть строго дозировалась в зависимости от должности и социального положения воспеваемого лица. Стиль панегирика не допускал бытовых сцен и разговорных оборотов, ни одна комическая черта не должна была «осквернять» оду, дабы не лишить ее монументальности.

Но наряду с раболепствующими придворными панегиристами в IX веке творили поэты, чья враждебность к власти принимала форму религиозной (обычно шиитской) оппозиции. Именно таким был поэт-сатирик Ибн ар-Руми, чьи сочинения были направлены как против конкретных лиц, так и против общечеловеческих пороков: скупости, зависти, вероломства.

Несколько особняком в поэзии IX века стоит «однодневный халиф» Ибн аль-Мутазз, не унижавший себя сочинением традиционных панегириков в поисках вознаграждения. Он был утонченным эстетом, и главные темы его поэзии — застольные радости, красоты природы и любовные переживания.

К X веку процесс распада Халифата завершился, и Северная Сирия подпала под власть Сайф ад-Даула, представителя династии Хамданидов. При его дворе провел много лет прославленный мастер героического жанра поэт аль-Мутанабби. Средневековые историки отмечали, что по панегирикам аль-Мутанабби можно восстановить всю историю войн его покровителя с Византией. Поэт, по сути выступая в роли придворного летописца, повествовал об обстоятельствах, побудивших эмира предпринять очередной поход, подробно, с географическими деталями, описывал весь маршрут и успехи арабского войска на разных этапах военной кампании.

Ближайшим соперником аль-Мутанабби на поэтическом поприще был двоюродный брат Сайфа ад-Даула — Абу Фирас (932–968), который получил известность благодаря стихотворениям, сочиненным в византийском плену. К литературному кружку Сайфа ад-Даула принадлежал также ас-Саиаубари (умер в 945 году), воспевавший природу родной Сирии с ее

утопающими в цветах садами, живописными прудами и ручьями, «лучезарной» весной и щедрой осенью.

Уникальным явлением в богатой поэтами эпохе литературного расцвета был гениальный слепец, прославленный поэт-мыслитель Абу-ль-Ала аль-Маарри (973–1057). Его философская лирика и по мироощущению, и по тематике, и по поэтическому языку резко отличается от поэзии предшественников и современников. Размышляя в стихах о «последних вопросах бытия» — добре и зле, моральной ответственности человека за свои поступки, истинной вере, тайне жизни и смерти, — поэт как бы перебирает различные религиозно-философские доктрины, ни на чем не останавливаясь и ничего не абсолютизируя. Его лирико-философские медитации проникнуты чувством глубокой неудовлетворенности и бессилия перед мировым злом.

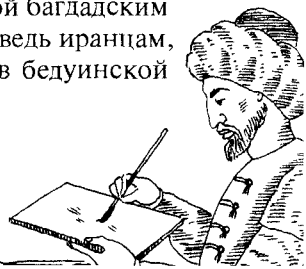
Широкую популярность в исламских странах начиная с X века приобрела суфийская лирика. Традиционная любовная и застольная лирика обрела в интерпретации суфийских поэтов мистический подтекст и символизировала томление суфия по единению с Божеством и экстатическое опьянение любовью к нему. Это придавало суфийской лирике эмоциональную напряженность, а конкретный, чувственный характер ее условного языка облекал духовные переживания суфия во впечатляющие образы. Крупнейшими арабскими поэтами-суфиями были Ибн аль-Фарид (1181–1235), гимны которого, согласно преданию, распевались на суфийских радениях, и замечательный мыслитель андалусец Ибн аль-Араби.

Весьма многообразной в жанровом отношении была средневековая арабская проза. Традиция устного арабского рассказа восходит к доисламским временам, когда кочевники Аравии из поколения в поколение передавали предания о межплеменных войнах и других событиях бедуинской жизни. На протяжении всего Средневековья не только в среде городского простонародья во всех областях Халифата, но и в образованной элите наряду с изысканной придворной поэзией бытовал устный рассказ. Арабские прозаики и даже серьезные ученые стремились уснащать свои сочинения различными занимательными историями филологического или

историко-географического характера, которые служили иллюстрацией к их повествованию и могли развлечь читателя.

В средневековом мусульманском обществе сложилось представление об «адибе» — образованном человеке, обладающем некой совокупностью высоких духовных качеств и имеющем представление о достойном поведении в жизни. В отличие от духовного лица — улема, знатока теологических наук (Корана, хадисов, мусульманского права), — адиб должен был быть в первую очередь сведущим в знаниях светского характера. Для сообщения ему необходимых знаний и представлений существовала многожанровая дидактическая литература — «адаб». Первоначально сюда включались чисто «арабские знания» — арабская грамматика, поэзия, метрика, предания о жизни и подвигах древних арабов, — но с VIII века содержание адаба стало расширяться за счет индо-иранских и греко-эллинистических традиций (назидательных басен, притч, этико-философских сочинений). В обильной литературе адаба в популярной и занимательной форме преподносились разнообразные сведения, а также приводились назидательные исторические анекдоты, бытовые истории и рассказы о путешествиях в далекие страны. Как правило, авторы литературы адаба были выходцами из среды новых мусульман, людьми незнатного происхождения.

Одним из основоположников литературы адаба был уже упоминавшийся выше Абдаллах ибн аль-Мукаффа. Славу ему принес перевод с персидского замечательного сборника индийских нравоучительных рассказов, известных у арабов под названием «Калила и Димна». Традицию литературы адаба успешно продолжал также уже упоминавшийся ученый теолог-рационалист и религиозно-политический писатель аль-Джахиз (775–868). Его перу принадлежит большое число сочинений научного, философского и политико-публицистического характера. Известен он также как сатирик, автор «Книги о скупых» — собрания рассказов и анекдотов о речах и поступках скупцов. Герои аль-Джахиза — жители Хорасана и других областей Ирана, а также многонациональной, наполовину шиитской, почти всегда оппозиционной багдадским властям Басры. Книга была задумана как отповедь иранцам, носителям шубийской идеологии, которые в бедуинской

чрезмерной щедрости — традиционном достоинстве вчерашних кочевников — усматривали лишь проявление варварской и нелепой расточительности.

Для историка особый интерес подставляет проза кади Абу Али аль-Мухассина ат-Танухи (940–994), который в своем многотомном собрании «Занимательных историй» рассказывает о подлинных фактах из жизни всех слоев общества, от халифов и высокопоставленных чиновников до выходцев из городских низов, сообщенных автору современниками и очевидцами событий.

Множество сочинений в жанре адаба было создано учеными и компиляторами позднего Средневековья. Сохранился до наших дней сборник занимательных историй и анекдотов псевдоисторического характера египетского ученого Джалал ад Дина ас-Суйути (1445–1505). Сочинения подобного рода предназначались для развлечения читателей; рассказы о реальных исторических событиях перемежались в них с элементами художественного вымысла.

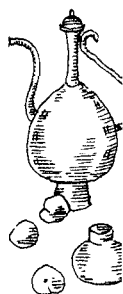
В кружках знатоков и ценителей изящной словесности, бытовавших в домах богатых и знатных меценатов и высокопоставленных сановников, возник не имевший древней традиции прозаическо-поэтический жанр макамы — плутовской новеллы с главным героем бродягой и нищим, написанной рифмованной прозой со стихотворными вставками. Тематика и фабула играли в макамах второстепенную роль и основывались на сравнительно небольшом наборе сюжетных мотивов, служивших предлогом для демонстрации изысканного словесного искусства, которое было в сочинениях этого рода самоцелью и основным критерием эстетической ценности.

Наиболее совершенную форму этот жанр получил в творчестве филолога и стилиста из Басры аль-Харири (1054–1122). Герой макам аль-Харири — образованный бродяга и плут, путешествующий из города в город в поисках заработка и выступающий, если находятся слушатели, с литературными импровизациями в общественных местах. Интересна та двойственность, с которой автор макам относится к своему герою: осуждая его как плута и мошенника, он явно любит его, восхищаясь его ловкостью и наделяя его столь высоко

ценившимся в ту эпоху литературным даром и виртуозным поэтическим мастерством.

Значительное место в культурном наследии средневековых арабов занимает анонимная народная словесность, в которой устное творчество взаимодействовало с письменной традицией. Произведения народной литературы разнообразны по объему и по жанрам. Многотомные романы-эпопеи, так называемые «сиры» («жизнеописания»), иногда типологически близкие западноевропейскому рыцарскому эпосу, а иногда лубочной или народной литературе, соседствуют в ней с короткими анекдотами, назидательными притчами, волшебными сказками и новеллами из городской жизни. Существовала особая профессия так называемых шаириров и мухаддисов-рассказчиков, которые декламировали эти тексты с музыкальным сопровождением перед горожанами на рынках, площадях, в кофейнях. Эти исполнители народной литературы, опиравшиеся во время своих публичных выступлений на заранее подготовленный текст, способствовали созданию и развитию письменной традиции. Они активно перерабатывали тексты своих анонимных предшественников, дополняя их новыми деталями, диалогами и описаниями, а подчас и целыми эпизодами.

В отличие от средневековой арабской авторской прозы, создатели которой не признавали права на вымысел и стремились придать всякому, даже самому невероятному рассказу видимость достоверности, в народной литературе царила богатейшая, порой необузданная фантазия. В сознании средневекового горожанина здравый смысл вполне уживался с верой в волшебные силы и в «вероятность невероятного». Представление о том, что человека на каждом шагу подстерегают непредсказуемые повороты судьбы, соответствовало повседневному опыту жителей Ирака, Сирий, мамлюкского Египта и других областей исламского мира, постоянно страдавших от произвола властей, политической и экономической нестабильности. Вера в возможность счастливого поворота фортуны, благого случая, в котором реализовалась, согласно представлениям средневекового мусульманина, милость всемогущего Аллаха, помогала им сносить жизненные тяготы.

Из всех памятников народной литературы в странах европейской цивилизации наибольшую известность получила знаменитая «Тысяча и одна ночь» — гигантский свод, в котором собраны произведения различных жанров народной словесности: рассказы любовного содержания, волшебные сказки, бытовые новеллы, сходные с европейскими фавлю, плутовские новеллы, родственные аналогичному жанру в Европе, рассказы о путешествиях, а также различные исторические анекдоты, притчи и назидательные истории.

К древнейшему слою «Тысячи и одной ночи» относится его обрамление — рассказ о Шахразаде и царе Шахрияре, а также некоторые волшебные сказки, созданные в Индии и попавшие к арабам через Иран к концу VIII века. Первая арабская редакция собрания сложилась в городах Ирака примерно в X веке. В иракских рассказах действие происходит в одном из городов Двуречья, чаще всего в самом Багдаде, в его торгово-ремесленной части или во дворце халифа. В них фигурируют купцы и ремесленники, халиф и его приближенные, добрые и злые вазирьы, полицейские и мошенники, невольницы-певицы и хитрые служанки-рабыни, стражи гаремов — евнухи — и другие персонажи пестрой городской среды. Во многих сказках Харун ар-Рашид, любитель шуток и мистификаций, активно участвует в событиях, а иногда и сам творит интригу и создает забавные ситуации. Начиная с XII века в собрание вливаются рассказы египетского происхождения. Новеллы этого цикла еще ярче, чем багдадские рассказы, рисуют быт и нравы горожан в XIV–XVI веках. Герой египетских новелл — обычно бедный человек, мелкий купец, ремесленник, рыбак и т. д. — не слишком образован, но наделен здравым смыслом и находчивостью, благодаря которым он добивается в жизни высокого положения или богатства. В рассказах египетского происхождения больше исламского пафоса и демонстрации религиозных чувств, что является отголоском воспоминаний о войнах с Византией, крестоносцами и монголами.

Все жанры средневековой арабской литературы в том или ином смысле дают богатейший материал для понимания социальной психологии, менталитета и системы ценностей населявших Халифат народов.

Приложение. Аббасидские халифы

в Ираке и Багдаде в 749–1258 (132–656 от Хиджры) годах

749–754	ас-Саффах
754–775	аль-Мансур
775–785	аль-Махди
785–786	аль-Хади
786–809	Харун ар-Рашид
809–813	аль-Амин
813–833	аль-Мамун
817–819	Ибрахим ибн аль-Махди (в Багдаде)
833–842	аль-Мутасим
842–847	аль-Васик
847–861	аль-Мутаваккил
861–862	аль-Мунтасир
862–866	аль-Мустаин
866–869	аль-Мутазз
869–870	аль-Мухтади
870–892	аль-Мутамид
892–902	аль-Муталид
902–908	аль-Муктафи
908	Абдаллах ибн аль-Мутазз

908–932 аль-Муктадир
(с перерывом в 929)

929, 932–934 аль-Кахир

934–940 аль-Ради

940–944 аль-Муттаки

944–956 аль-Мустакфи

946–974 аль-Мути

974–991 ат-Таи

991–1031 аль-Кадир

1031–1075 аль-Каим

1075–1094 аль-Муктади

1094–1118 аль-Мустазхир

1118–1135 аль-Мустаршид

1135–1136 ар-Рашид

1136–1160 аль-Муктафи

1160–1170 аль-Мустанджид

1170–1180 аль-Мустади

1180–1225 ан-Насир

1225–1226 аз-Захир

1226–1242 аль-Мустансир

1242–1258 аль-Мустасим

в Каире в 1261–1543 (659–949) годах

1261 аль-Мустансир

1261–1302 аль-Хаким I

1302–1340 аль-Мустакфи I

1340–1341 аль-Васик I

1341–1352 аль-Хаким II

1352–1362 аль-Мутаид I

1362–1377 аль-Мутаваккил I

1377 аль-Мутасим

- 1377–1383 аль-Мутаваккил I (вторично)
- 1383–1386 аль-Васик II
- 1386–1389 аль-Мутасим (вторично)
- 1389–1406 аль-Мутаваккил I (третье правление)
- 1406–1414 аль-Мустаин
- 1414–1441 аль-Мутаид II
- 1441–1451 аль-Мустафи II
- 1451–1455 аль-Каим
- 1455–1479 аль-Мустанджид
- 1479–1497 аль-Мутаваккил II
- 1497–1508 аль-Мустамсик
- 1508–1516 аль-Мутаваккил III
- 1516–1517 аль-Мустамсик (вторично)
- 1517–1543 аль-Мутаваккил III (вторично)

Рекомендуемая литература

- Бартольд В. В.* Работы по истории ислама и Арабского Халифата. Сочинения. Т. 6. М., 1966.
- Беляев Е. А.* Арабы, ислам и Арабский Халифат в раннем средневековье. М., 1965.
- Беляев Е. А.* Мусульманское сектантство. М., 1957.
- Бируни Абу Рейхан.* Памятники минувших поколений / Пер. и примеч. М. А. Салье. Ташкент, 1957.
- Бируни Абу Рейхан.* Индия / Пер. с араб. А. Б. Халидова и Ю. Н. Заводовского; коммент. В. Г. Эрмана. Ташкент, 1963.
- Большаков О. Г.* История Халифата. Т. 1. Ислам и Аравия (570–633). М., 1989. Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633–656). М., 1993.
- Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока (VII — сер. XIII в.). М., 1984.
- Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971.
- Бунятов З. М.* Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978.
- Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморитской династии. СПб., 1900.
- Аль-Газали Абу Хамид.* Воскрешение наук о вере / Пер с араб., исслед. и коммент. В. В. Наумкина. М., 1980.
- Гордлевский Вл.* Государство Сельджуков Малой Азии. М. — Л., 1941.
- Гольдциер И.* Лекции об исламе. М., 1912.
- Грюнебаум Г. Э.* Классический ислам. М., 1986.
- Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / Пер., предисл. и примеч. Х. И. Кильберг. М., 1978.
- Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Пер., предисл. и примеч. И. М. Фильштинского. М., 1962.
- Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821) / Пер., предисл. и примеч. И. М. Кильберг. М., 1963.

- Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М., 1997.
- Ибн Абд ал-Хакам Абд ар-Рахман. Завоевание Египта, аль-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и примеч. С. Б. Певзнера. М., 1985.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Наили Велихановой. Баку, 1986.
- Ислам. Религия, общество, государство. Сборник статей / Отв. ред. Грязневич П. А. и Прозоров С. М. М., 1984.
- История стран Азии и Африки в средние века / Под ред. Л. В. Симоновской и Ф. М. Ацамба. Разделы по истории арабов. С. 97–123; 254–293. М., 1968.
- История стран зарубежной Азии в средние века / Отв. ред. А. М. Голдобин, Д. И. Гольдберг, И. П. Петрушевский. С. 122–155; 364–375. М., 1970.
- Крымский А. Е. История мусульманства. Ч. 1–3. М., 1904.
- Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до Крестовых походов. СПб., 1897. (Православный Палестинский сборник. Т. XVIII, вып. 2.)
- Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
- Мусульманский мир (950–1150). Сборник статей / Отв. ред. В. В. Наумкин и М. Б. Пиотровский. М., 1981.
- Мюллер А. История ислама с основания до новейшего времени. Т. 1–3. СПб., 1895–1896.
- Мюллер А. История ислама. Т. 1–2. М., 2004.
- Очерки истории арабской культуры V–XV вв. Материалы и исследования. М., 1982.
- Петрушевский И. П. Ислам в Иране. Курс лекций. Л., 1966.
- Семенова Л. А. Из истории фатимидского Египта. М., 1974.
- Семенова Л. А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М., 1966.
- «Сиасет-намэ». Книга о правлении вазира XI столетия Низам аль-Мулька / Перевод Б. Н. Заходера. М. — Л., 1949.
- Ат-Табари Мухаммад ибн Джарир. История ат-Табари / Пер. В. И. Беляева. Ташкент, 1987.
- Ат-Танухи Абу Али ал-Мухассин. Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников / Пер. с араб., предисл. и примеч. И. М. Фильштинского. М., 1985.
- Фильштинский И. М. История арабской литературы. Т. 1 (V — начало X века). М., 1985. Т. 2 (X–XVIII века). М., 1991.
- Фильштинский И. М. Народный роман о султанах аз-Захире Бейбарсе // «Жизнеописание султана аз-Закира Бейбарса». Пер. с араб. В. Кирпиченко. М., 1975.

- Фильштинский И. М., Шидфар Б. Я. Очерк арабо-мусульманской культуры (VII–XI вв.). М., 1971.
- Фильштинский И. М. Характер и последствия «Аббасидской революции» 747–750 гг. // Вестник МГУ, 2002. Сер. 13. Востоковедение. № 4. С. 3–18.
- Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
- Хилал ас-Сабих. Установления и обычаи двора халифов / Пер. с араб., предисл. и примеч. И. Б. Михайловой. М., 1983.
- Хрестоматия по исламу. Пер. с араб., введ. и прим. / Составитель С. М. Прозоров. М., 1994.
- Аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах / Пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова. М., 1984.

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Халифат в канун прихода к власти Аббасидов	8
Глава 2. Аббасидский халифат во второй половине VIII века.	20
Укрепление власти Аббасидов.	
Деятельность аль-Мансура.	20
Халиф аль-Махди и борьба с «зиндикизмом»	33
Восстание аль-Муканны.	38
Харун ар-Рашид и Бармакиды	42
Глава 3. Религиозно-философские течения и мусульманское право в первые века ислама	48
Хариджиты и мурджииты	48
Джабриты и кадариты	52
Возникновение мусульманского права	55
Глава 4. Аббасидский халифат в первой половине IX века	61
Мутазилитский калам	69
«Дом мудрости» аль-Мамуна	75
Восстание Бабека	83

Глава 5. Социально-экономическое состояние Халифата в VIII–XII веках	87
Глава 6. Арабы и Халифат во второй половине IX века	104
Аль-Мутаваккил. Восстановление суннитского правоверия	104
Восстание занджей	113
Глава 7. Распад арабо-мусульманской империи в IX–X веках	118
Арабы и Халифат в первой половине X века	118
Дезинтеграция Халифата	129
Глава 8. Халифат под властью Бувайхидов (945–1055 годы)	145
Ашаризм	150
Глава 9. Шиизм и шиитское сектантство. Исмаилиты и карматы	154
Глава 10. Фатимидский халифат (909–1171 годы)	165
Глава 11. Ирак и Сирия под властью Сельджукидов.	188
Глава 12. Крестовые походы и арабо-мусульманский Восток.	198
Глава 13. Египет под властью Аййубидов (1169–1252 годы).	209
Глава 14. Мамлюкский султанат (1250–1517 годы).	225
Господство бахритских мамлюков	225
Господство бурджитских мамлюков	242

Глава 15. Арабо-мусульманская культура	
VIII–XV веков	253
Деятельность арабских переводчиков	255
Наука	256
Философия.	264
Словесное искусство	271
<i>Приложение. Аббасидские халифы</i>	<i>281</i>
<i>Рекомендуемая литература.</i>	<i>184</i>

Фильштинский И.

- Ф57 Арабы и Халифат / Исаак Фильштинский. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 296 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-264-6

Эта книга рассказывает о полном непростых поворотов, извилистом пути арабов на протяжении без малого восьмисот лет. В центре внимания автора — время расцвета арабо-мусульманской культуры, пришедшееся на правление Аббасидов, при которых завершился процесс арабизации Сирии, Ирака, значительной части Египта и само понятие «арабы» приобрело новое содержание. Переработав наследие народов Средиземноморья и Древнего Востока, арабы не только усвоили многие их достижения, но и познакомили с ними Западную Европу. Халифат Аббасидов соперничал с Византией, успешно противостоял крестоносцам, но не устоял перед монголами, которые в 1258 году разрушили его столицу Багдад. После этого Аббасиды, потеряв власть, но сохранив титул, оставались халифами при каирских султанах вплоть до середины XVI века, когда на Ближнем и Среднем Востоке окончательно утвердилась власть Османской империи.

Исаак Фильштинский (1918–2013) — историк, арабист, доктор филологических наук, профессор МГУ.

УДК 94(620).02

ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Исаак Фильштинский

Арабы и Халифат

Редактор М. Кузьмин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 25.03.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 18,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 1905

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Исаак
Фильштинский

Арабы и Халифат

Эта книга рассказывает о полном непростых поворотов, извилистом пути арабов на протяжении без малого восьмисот лет. В центре внимания автора — время расцвета арабо-мусульманской культуры, пришедшееся на правление Аббасидов, при которых завершился процесс арабизации Сирии, Ирака, значительной части Египта и само понятие «арабы» приобрело новое содержание. Переработав наследие народов Средиземноморья и Древнего Востока, арабы не только усвоили многие их достижения, но и познакомили с ними Западную Европу. Халифат Аббасидов соперничал с Византией, успешно противостоял крестоносцам, но не устоял перед монголами, которые в 1258 году разрушили его столицу Багдад. После этого Аббасиды, потеряв власть, но сохранив титул, оставались халифами при кайро-ских султанах вплоть до середины XVI века, когда на Ближнем и Среднем Востоке окончательно утвердилась власть Османской империи.

Исаак Фильштинский (1918–2013) —
историк, арабист, доктор филологических наук,
профессор МГУ

ISBN 978-5-91678-264-6

9 785916 782646